

РИК РИОРДАН

Перси Джейксон

И ПОХИТИТЕЛЬ МОЛНИЙ

Annotation

Не только в хогвартской Школе чародейства и волшебства происходят события загадочные и страшные. И не с одним только Гарри Поттером. Перси Джексон, двенадцатилетний американский школьник, едва не становится жертвой учительницы по математике. Хорошо, что ручка, которую дал ему мистер Браннер, учитель латинского языка, превращается в настоящий меч и поражает обезумевшую математичку. Но на этом беды Перси Джексона не кончаются. На побережье, куда они уезжают с мамой, на них нападает чудовище Минотавр. И друг Перси по школе, Гроувер, неожиданно пришедший на помощь, оказывается не мальчиком, а сатиром. Но главные приключения начинаются позже, когда они с Гроувером добираются до Лагеря полукровок... Цикл Рика Риордана о Перси Джексоне стал одним из супербестселлеров последних лет. Скоро на экраны всего мира должен выйти высокобюджетный фильм, снятый по произведениям этого цикла.

- [Рик Риордан](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)

- [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Рик Риордан

Перси Джексон и похититель молний

Глава первая

Случайное исчезновение математички

Послушай, я не хотел быть полукровкой.

Если ты взялся читать эту книжку, потому что решил, будто сам полукровка, то вот тебе мой совет: закрой ее, и немедленно. Поверь всему, что наврут тебе мамуля с папулей насчет твоего рождения, и живи нормально.

Быть полукровкой опасно. Страшное дело. Сознание, что ты такой, убийственно, больно и гадко.

Если ты обычный парень и читаешь все это потому, что думаешь, будто это выдумки, — отлично. Читай дальше. Завидую, если ты веришь тому, что в жизни никогда ничего такого не было.

Но если ты узнаешь себя на этих страницах, если хоть что-то заденет тебя за живое, — сейчас же брось читать. Ты можешь оказаться одним из нас. А как только ты поймешь это, они рано или поздно тоже это учуют и явятся за тобой. И не говори, что я тебя не предупреждал.

* * *

Зовут меня Перси Джексон.

Мне двенадцать. Еще несколько месяцев назад я ходил в частную среднюю школу-интернат Йэнси для трудновоспитуемых подростков штата Нью-Йорк.

То есть я трудновоспитуемый?

Что ж, можно сказать и так.

Я мог бы начать с любого момента моей короткой, жалкой жизни, чтобы доказать это, но в прошлом мае все действительно пошло наперекосяк. В общем, наш шестой класс поехал на экскурсию в Манхэттен — двадцать восемь дефективных подростков и двое учителей в желтом школьном автобусе, который вез нас к музею искусств Метрополитен поглазеть на древнеримские и древнегреческие штуковины.

Понимаю — смахивает на настоящую пытку. Большинство экскурсий в Йэнси такими и были.

Но на этот раз экскурсию вел наш латинист мистер Браннер, поэтому я

еще на что-то надеялся.

Мистер Браннер был одним из тех парней среднего возраста, которые разъезжают в инвалидных колясках с моторчиком. Волосы у него жиденькие, борода нечесаная, и появлялся он всегда в поношенном твидовом пиджаке, от которого пахло чем-то вроде кофе. Крутым его, конечно, не назовешь, но он рассказывал нам разные истории, хохмил и разрешал гоняться друг за другом по классу. К тому же у него имелась потрясная коллекция римских доспехов и оружия, поэтому он был единственным учителем, на чьих уроках меня не клонило в сон.

Я надеялся, что экскурсия получится о'кей. По крайней мере — что хоть раз, в виде исключения, я ни во что не вляпаюсь.

Но, дружище, я ошибался.

Понимаешь, именно на экскурсиях со мной случаются всякие пакости. Взять хотя бы пятый класс, когда мы ездили осматривать поле сражения при Саратоге и у меня вышла неприятность с пушкой повстанцев. Я и не собирался целиться в школьный автобус, но меня все равно поперли из школы. А еще раньше, в четвертом классе, когда нас возили сниматься на фоне самого крупного в мире бассейна для акул, я нажал какой-то не тот рычаг на подвесных лесах, и всему нашему классу незапланированным образом пришлось искупаться. А еще раньше... Впрочем, думаю, ты меня понял.

Во время этой экскурсии я решил держаться паинькой.

Всю дорогу до города я собачился с Нэнси Бобофит — конопатой, рыжеволосой девчонкой со склонностью к kleптомании, которая пуляла в затылок моему лучшему другу Гроуверу обеды сэндвича с арахисовым маслом и кетчупом.

Гроувер вообще был легкой мишенью. Слабак, он плакал, когда у него что-нибудь не получалось. Похоже, он просидел в одном классе несколько лет, потому что все лицо у него уже пошло прыщами, а на подбородке курчавилась редкая бороденка. Кроме того, Гроувер был инвалидом. У него имелась справка, что он до конца жизни освобождается от физкультуры из-за какого-то мышечного заболевания ног. Ходил он смешно, будто каждый шаг причинял ему страшную боль, но это только для отвода глаз. Посмотрели бы вы, как он со всех ног мчится в кафетерий, когда там пекут энчиладу.^[1]

Короче, Нэнси Бобофит швыряла кусочки сэндвича, застревавшие в курчавых каштановых волосах Гроувера, зная, что я ничего не могу ей сделать, потому что и так на заметке. Директор грозился, что я вылечу, как пробка, если во время этой экскурсии случится что-нибудь нехорошее,

возникнут непредвиденные трудности или я учиню даже самое невинное озорство.

— Я ее убью, — пробормотал я.

— Все путем, — постарался успокоить меня Гроувер. — Мне нравится арахисовое масло.

Он увернулся от очередной порции ланча Нэнси.

— Так, ну все, — я стал уже подниматься с места, но Гроувер силой усадил меня обратно.

— У тебя уже и так испытательный срок, — напомнил он мне. — Сам знаешь, на кого всю вину свалят, если что случится.

Оглядываясь назад, я жалею, что не прибил Нэнси Бобофит прямо тогда. Даже если б меня выгнали из школы, это уже не имело значения, поскольку вскоре я влип в такой маразм, по сравнению с которым все остальное — чепуха.

Экскурсию по музею вел мистер Браннер. Он ехал впереди в инвалидной коляске, ведя нас через большие галереи, отзывавшиеся на наши шаги гулким эхом, мимо мраморных статуй и застекленных витрин, битком набитых настоящей черно-оранжевой глиняной посудой.

У меня пронеслась мысль, что всему этому уже две-три тысячи лет.

Мистер Браннер собрал нас вокруг тринадцатифутовой каменной колонны с большим сфинксом наверху и стал рассказывать, что это был надгробный камень, или стела, на могиле девочки примерно наших лет. Объяснял нам про рисунки, высеченные по бокам надгробия. Я старался слушать, что он говорит, потому что это было любопытно, но вокруг все болтали, и всякий раз, когда я их просил заткнуться, второй сопровождающий нас учитель, миссис Доддз, зло на меня поглядывала.

Миссис Доддз была какой-то мелкой сошкой, училкой математики из Джорджии, которая даже в пятьдесят носила черную кожаную куртку. Видок у нее был тот еще: казалось, она может загнать «харлей» прямо на крыльцо школы. Она появилась в Йэнси с полгода назад, когда у нашего бывшего математика случился нервный срыв.

С первого же дня миссис Доддз возлюбила Нэнси Бобофит, а меня считала дьявольским отродьем. Она наставляла на меня свой скрюченный палец и ласково говорила: «Итак, дорогуша», и мне становилось ясно, что еще месяц придется торчать в школе после уроков.

Как-то раз, когда она до полуночи задавала мне вопросы на засыпку из какого-то старого учебника математики, я сказал Гроуверу, что, по-моему, миссис Доддз — не человек. Он посмотрел на меня абсолютно серьезно и

ответил: «Ты совершенно прав».

Мистер Браннер продолжал рассказывать о греческих надгробиях и памятниках искусства.

Кончилось тем, что Нэнси Бобофит отпустила какую-то шуточку по поводу голого паренька на стеле, и, повернувшись к ней, я огрызнулся:

— Может, ты все-таки заткнешься?

И брякнул это громче, чем рассчитывал.

Все заржали. Мистер Браннер вынужден был прерваться.

— У вас какие-то дополнения, мистер Джексон? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил я, покраснев как помидор.

— Может быть, вы расскажете нам, что означает это изображение? — спросил он, указывая на один из рисунков.

Я поглядел на высеченную фигуру и почувствовал прилив облегчения, потому что действительно вспомнил, кто это.

— Это Кронос, пожирающий своих детей.

— Да, — сказал мистер Браннер, явно разочарованный. — И делал он это потому...

— Ну... — Я напряг память. — Кронос был верховным божеством и...

— Божеством? — переспросил мистер Браннер.

— Титаном, — поправился я, — и он не доверял своим детям, которые были богами. Хм... ну, Кронос и сожрал их. Но его жена спрятала младенца Зевса, а вместо него дала Кроносу камень. А потом, когда Зевс вырос, он обманом заставил папашу, Кроноса то есть, выблевать обратно своих братьев и сестер...

— Ух ты! — высказалась какая-то девица позади.

— ...ну и возникла страшная потасовка между богами и титанами, — продолжал я, — и боги победили.

В группе моих одноклассников послышались сдавленные смешки.

— Похоже, нам это сильно пригодится в жизни, — пробормотала стоявшая за мной Нэнси Бобофит своей подруге. — Представь, ты приходишь устраиваться на работу, а тебе говорят: «Пожалуйста, объясните, почему Кронос проглотил своих детей».

— Ну, мистер Джексон, — подхватил Браннер, — и какое отношение, перефразируя превосходный вопрос мисс Бобофит, все это имеет к реальности?

— Съела? — пробормотал Гроувер.

— Заткнись, — прошипела Нэнси, лицо ее пылало даже ярче, чем волосы.

Наконец-то Нэнси тоже села в лужу. Мистер Браннер был

единственный, кто не пропускал ни одного постороннего слова, сказанного у него на уроке. Не уши у него, а радары.

Я подумал над его вопросом и пожал плечами.

— Не знаю, сэр.

— Понятно. — Мистер Браннер слегка расстроился. — Придется снизить вам оценку вдвое, мистер Джексон. Зевс действительно уговорил Кроноса отведать смеси вина и горчицы, что заставило последнего исторгнуть остальных пятерых детей, которые, разумеется, будучи бессмертными богами, жили и росли неперевавленными в утробе титана. Победив отца, боги разрезали его на мелкие кусочки его же серпом и разбросали его останки по Тартару, самой мрачной части преисподней. На этой оптимистичной ноте позвольте объявить, что настало время ланча. Не проводите ли вы нас обратно, миссис Доддз?

Класс потянулся из зала, девчонки хихикали, мальчишки толкались и дурачились.

Мы с Гроувером уже собирались последовать за ними, когда мистер Браннер обратился ко мне:

— Мистер Джексон.

Я понял, что сейчас будет.

И сказал Гроуверу, чтобы меня не дожидался. Затем повернулся к мистеру Браннеру.

— Сэр?

У мистера Браннера был такой вид... ясно, просто так он с меня не слезет... Его карие глаза глядели так пристально и пронзительно, будто ему было уже тысячу лет и он успел повидать все на свете.

— Вам следовало бы знать ответ на мой вопрос, — сказал мистер Браннер.

— Про титанов?

— Про настоящую жизнь. И каким образом ваша учеба связана с нею.

— А...

— То, чему учу вас я, — продолжал мистер Браннер, — жизненно важно. И я жду, что вы отнесетесь к этому с полной ответственностью. Испытание пройдут только лучшие, Перси Джексон.

Я почти разозлился, удар был чувствительный.

Конечно, здорово было в дни проведения так называемых турниров, когда, облачаясь в римские доспехи, мистер Браннер восклицал: «Да здравствует Цезарь!..» — и, острием меча указывая на мелок, заставлял нас мчаться к доске и писать имена всех известных римских героев, да кто были их матери, да каким богам они поклонялись. Но мистер Браннер,

оказывается, ожидал, что я не отстану от остальных, хотя я страдал дислексией и расстройством внимания и никогда больше «тройки» в своей жизни не получал. Нет — он ожидал, что я не просто не отстану; он надеялся, что я окажусь лучше! А я просто не мог выучить все эти имена и факты и уж тем более правильно их написать.

Я пробормотал, что постараюсь, а мистер Браннер между тем долго и печально смотрел на стелу, будто лично присутствовал на похоронах этой девочки.

А потом сказал, чтобы я шел на ланч с остальными.

* * *

Класс расселся на ступенях перед входом в музей, откуда мы могли наблюдать толпу пешеходов на Пятой авеню.

В небе собиралась гроза, тучи были тяжелые, мрачные, чернее, чем я когда-либо видел. Я подумал: может, все дело в глобальном потеплении, потому что начиная с самого Рождества погода во всем штате Нью-Йорк была очень странная. На нас то обрушивались жуткие метели, то затопляло, то от удара молнии вспыхивали лесные пожары. Я не удивился бы, если б сейчас на нас надвигался торнадо.

Остальные, казалось, ничего не замечали. Мальчишки швырялись в голубей крекерами. Нэнси Бобофит пыталась прикарманить чего-то из сумочки некой дамы, и, конечно же, миссис Доддз делала вид, что ничего не происходит.

Мы с Гроувером сидели на краю фонтана, подальше от остальных. Мы подумали, тогда никто не догадается, что мы из *этой* школы — школы для чокнутых бедолаг, которым все равно суждена одна дорожка.

— Велел остаться после уроков? — спросил Гроувер.

— Не-а, — ответил я. — Чтобы Браннер?.. Просто хочется, чтобы он хоть на минутку от меня отстал. То есть в том смысле — понял, что я не гений.

Какое-то время Гроувер сидел молча. Затем, когда я уже было решил, что сейчас он преподнесет мне какое-нибудь глубокое философское замечание, чтобы меня подбодрить, он сказал:

— Можно мне откусить от твоего яблока?

Аппетит у меня был неважный, поэтому я отдал ему яблоко целиком.

Я следил за потоком такси, ехавших по Пятой авеню, и думал о маминой квартирке, что находится дальше от центра, всего в нескольких

шагах от того места, где мы сидели. Я не видел маму с Рождества. Мне ужасно хотелось сесть в такси и поехать домой. Она крепко обняла бы меня и была бы и рада, и разочарована. Она немедленно отослала бы меня обратно в Йэнси, напомнив, чтобы я старался, пусть даже это моя шестая школа за шесть лет и меня, возможно, снова выпрут. Эх, я бы не вынес ее печального взгляда!

Мистер Браннер на своей коляске остановился у основания пандуса для инвалидов. Он жевал сельдерей, читая роман в бумажной обложке. Над спинкой его коляски торчал красный зонтик, и это напоминало столик в кафе на колесах.

Я уже собирался развернуть сэндвич, когда передо мной возникла Нэнси Бобофит со своими подружками-уродками — думаю, ей надоело обворовывать туристов, — и вывалила свой наполовину недоеденный ланч прямо на колени Гроуверу.

— Упс! — Она нагло ухмыльнулась, глядя на меня и обнажив при этом щербатые зубы. Веснушки у нее были оранжевые, как если бы кто-то налепил ей на лицо крошки от «читос».

Я попытался сохранить спокойствие. Школьный воспитатель тыщу раз повторял мне: «Сосчитай до десяти и постарайся не выходить из себя». Но на меня что-то нашло, я просто обезумел. В ушах у меня словно рев прибора раздался.

Не помню, чтобы я хоть пальцем дотронулся до нее, но через мгновение Нэнси уже сидела на заднице в фонтане и вопила:

— Это Перси меня толкнул!

Миссис Доддз была уже тут как тут.

Ребята перешептывались.

— Ты видел?..

— ...ее будто кто-то затащил в воду...

Я не понимал, о чем они. Понимал только, что опять попал в переплет.

Удостоверившись, что бедная маленькая Нэнси в порядке, и пообещав купить ей новую рубашку в сувенирном отделе и т. д. и т. п., миссис Доддз повернулась ко мне. Взгляд ее торжествующе полыхал, будто я сделал что-то, чего она ждала весь семестр.

— Итак, дорогуша...

— Знаю, — огрызнулся я. — Теперь целый месяц придется корпеть над вашими заморочными задачками.

Ох, не надо было этого говорить!

— Пошли со мной, — велела миссис Доддз.

— Пойдите! — взвизгнул Гроувер. — Это я! Я толкнул ее.

Я ошеломленно воззрился на него. Просто не верилось, что он пытается меня прикрыть! Миссис Доддз пугала Гроувера до смерти.

Она метнула на моего друга такой испепеляющий взгляд, что бородавка его задрожала.

— Я так не думаю, мистер Ундервуд, — заявила она.

— Но...

— Вы... останетесь... здесь!

Гроувер в отчаянии посмотрел на меня.

— Все в порядке, дружище, — отозвался я. — Спасибо за попытку.

— Дорогуша, — пролаяла мне миссис Доддз, — ты слышал?

Нэнси Бобофит самодовольно ухмыльнулась.

Я одарил ее своим фирменным взглядом «теперь-ты-покойница». Потом повернулся к миссис Доддз, но той уже не было рядом. Она стояла у входа в музей, на верху лестницы и жестами нетерпеливо подзывала меня.

Как она умудрилась так быстро подняться?

Мне сплошь и рядом приходилось переживать нечто подобное, когда я словно бы засыпал, а уже через мгновение видел, что кто-то или что-то пропало, словно из загадочной мозаики вселенной выпал кусочек и теперь мне остается только пялиться на пустое место. Школьный воспитатель говорил, что это часть моего диагноза — нарушение внимания при гиперактивности. Мой мозг неправильно истолковывал явления.

Я не был в этом так уж уверен.

Но пошел за миссис Доддз.

Дойдя до середины лестницы, я оглянулся на Гроувера. Он был бледен и переводил глаза с меня на мистера Браннера, словно хотел, чтобы тот заметил, что происходит, но мистер Браннер с головой погрузился в свой роман.

Я снова посмотрел вверх. Миссис Доддз опять исчезла. Теперь она была уже внутри музея, в дальнем конце вестибюля.

«Ладно, — подумал я. — Она хочет, чтобы я купил новую рубашку Нэнси в сувенирном отделе».

Однако план ее состоял явно не в этом.

Я последовал за ней в глубь музея. В конце концов, когда я догнал ее, мы снова оказались в греко-римском отделе.

Кроме нас, в галерее никого не было.

Миссис Доддз, скрестив руки, стояла перед большим мраморным фризом с изображением греческих богов. И производила такой странный горловой звук... похожий на рычание.

Тут было от чего разнервничаться. Странная штука — находиться

наедине с учителем, особенно с миссис Доддз. Было что-то такое в ее взгляде, устремленном на фриз, будто она хотела стереть его в порошок...

— У нас из-за тебя проблемы, дорогуша, — сказала она.

Я постарался по возможности обезопасить себя и ответил:

— Да, мэм.

Она потянула свою кожаную куртку за манжеты.

— Ты что, правда думаешь, что тебе это сойдет с рук?

Миссис Доддз глядела на меня уже даже не как сумасшедшая. Просто воплощение злобы.

«Она учительница, — нервно подумал я. — Вряд ли она решится меня ударить».

— Я... я постараюсь, мэм... — пробормотал я.

Здание потряс гром.

— Мы не дураки, Перси Джексон, — произнесла миссис Доддз. — Найти тебя было делом времени. Признайся, и тебе не придется сильно страдать.

Я понятия не имел, о чем это она.

Единственное, что пришло мне в голову, — учителя нашли тайник со сладостями, которыми я приторговывал в своей комнате в общежитии. А может, они догадались, что я скачал сочинение по «Тому Сойеру» из Интернета, даже не читая книги, и теперь собираются аннулировать мою оценку? Или, того хуже, собираются заставить меня прочесть книгу.

— Итак? — настойчиво спросила миссис Доддз.

— Мэм, я не...

— Твое время истекло, — прошипела она.

И тут случилось нечто невероятное. Глаза ее загорелись, как угли для барбекю. Пальцы вытянулись, и на них появились когти. Куртка превратилась в длинные кожистые крылья. Она перестала быть человеком, обратившись в старую, сморщенную фурию с крыльями как у летучей мыши, когтями, пастью, из которой торчал целый частокол желтых клыков... и она явно собиралась разорвать меня на клочки.

Потом началось нечто еще более странное.

Мистер Браннер, который за минуту до того сидел снаружи перед музеем, вкатился на своем кресле в дверь галереи, зажав в пальцах шариковую ручку.

— Эй, Перси! — воскликнул он и подбросил ее в воздух.

Миссис Доддз кинулась на меня.

Пронзительно вскрикнув, я метнулся в сторону и почувствовал, как когти распороли воздух рядом с моим ухом. Я подхватил в воздухе

шариковую ручку, но, оказавшись в моей ладони, она перестала быть ручкой. Это был меч — бронзовый меч мистера Браннера, которым он всегда вооружался в дни турниров.

Миссис Доддз развернулась ко мне, сверля смертоубийственным взглядом.

Коленки у меня стали как ватные. Руки так ужасно тряслись, что я чуть было не выронил меч.

— Умри, дорогуша! — хрипло прорычала миссис Доддз.

И ринулась напрямик на меня.

По моему телу пробежала дрожь неопишемого ужаса. И я сделал то, что напрашивалось само собой: выпад мечом.

Металлическое лезвие пронзило плечо фурии и прошло сквозь ее тело, как нож сквозь масло.

Миссис Доддз разлетелась, как песочный замок, в мощной струе воздуха. Она рассыпалась желтой пылью и будто испарилась на месте, оставив после себя только запах серы, предсмертный пронзительный визг и разлившийся в воздухе дьявольский холодок, такой, словно два ее пылающих красных глаза все еще следили за мной.

Я остался один.

С зажатой в кулаке шариковой ручкой.

Мистер Браннер куда-то подевался. В галерее не было никого, кроме меня.

Руки у меня все еще тряслись. Наверное, в мой ланч подмешали мухоморов... или от чего там бывают галлюцинации?

Неужели все это плод моего воображения?

Я вышел из музея.

Начался дождь.

Гроувер сидел возле фонтана, как палатку раскинув над головой карту музея. Нэнси Бобофит стояла все там же, вымокнув до нитки после купания в фонтане, и жаловалась своим подружкам-уродинам.

— Надеюсь, миссис Кэрр надрала тебе задницу, — сказала она, увидев меня.

— Кто? — спросил я.

— Наша учительница, болван!

Я заморгал от удивления. У нас никогда не было учительницы по имени миссис Кэрр! Я спросил Нэнси, о чем это она.

Она попросту выкатила на меня глаза и отвернулась. Я спросил Гроувера, где миссис Доддз.

— Кто? — удивился он.

После чего он замолчал и даже не взглянул на меня, так что я решил, что он меня дурачит.

— Не смешно, приятель, — сказал я ему. — Я на полном серьезе.

Над нами раздался раскат грома.

Тут я увидел мистера Браннера: он сидел под своим красным зонтиком и читал книжку так, словно вообще не двигался с места.

Я подошел к нему.

Он посмотрел на меня несколько рассеянно.

— А, вот и моя ручка. Пожалуйста, впредь приносите собственные письменные принадлежности, мистер Джексон.

Я даже не сразу понял, что по-прежнему держу ее. Я отдал мистеру Браннеру его ручку.

— Сэр, — спросил я, — где миссис Доддз?

— Кто? — Он непонимающе уставился на меня.

— Ну, другой преподаватель. Миссис Доддз. Учительница математики.

Мистер Браннер нахмурился и склонился ко мне, мягко и участливо глядя в глаза.

— Перси, с нами нет никакой миссис Доддз. Насколько мне известно, в школе Йэнси никогда не было миссис Доддз. Ты хорошо себя чувствуешь?

Глава вторая

Три старые дамы вяжут носки смерти

Я привык к разным происходящим время от времени странностям, но обычно они быстро проходили. Эта седьмая по счету круглосуточная галлюцинация оказалась мне не под силу. Оставшуюся часть школьного года мне казалось, что весь кампус меня разыгрывает. Ученики вели себя так, будто были на все сто уверены, что миссис Кэрр — бойкая и самоуверенная блондинка, которую я впервые в жизни увидел, когда она садилась в наш автобус после экскурсии, — была нашей математичкой с самого Рождества.

Всякий раз, когда я закидывал удочку насчет миссис Доддз, просто чтобы посмотреть, смогу ли я кого-нибудь расколоть, на меня глядели как на психа.

В результате я почти поверил им — миссис Доддз никогда не существовала.

Почти поверил.

Но Гроувер не смог бы меня одурачить. Когда я назвал ему имя Доддз, он немного растерялся, но потом решительно заявил, что такой не существует. Но я-то знал, что он врет.

Что-то происходило. Что-то случилось в музее.

Днем мне некогда было об этом думать, но по ночам образы миссис Доддз с когтями и кожистыми крыльями заставляли меня просыпаться в холодном поту.

Погода продолжала чудить, что не могло положительно повлиять на мое настроение. Как-то ночью ураган выбил стекла в моей комнате. Через несколько дней самый крупный торнадо, когда-либо замеченный в долине Гудзона, возник всего в пятидесяти милях от Йэнси. Одно из текущих событий, которое мы обсуждали на занятиях по социологии, было необычайно большое количество небольших самолетов, сбитых в этом году внезапными шквалистыми ветрами над Атлантикой.

Почти все время я пребывал в раздражении и заводился с пол-оборота. Оценки мои покатались под гору. Я все чаще ввязывался в перебранки с Нэнси Бобофит и ее подружками. Почти на каждом уроке меня выставляли в коридор.

Наконец, когда наш учитель английского мистер Николл в тысячный

раз спросил, отчего я так ленюсь и не желаю выучить тесты по правописанию, я ему нагрубил. Назвал его старым, выжившим из ума пропойцей. Я даже не был уверен, что это значит, но звучало не слабо.

На следующей неделе директор послал маме письмо, официально уведомляющее, что на будущий год мне придется распрощаться с Йэнси.

Отлично, твердил я про себя. Просто отлично.

Мне ужасно хотелось домой.

Мне хотелось жить вместе с мамой в нашей квартирке в Верхнем Ист-Сайде, даже если придется ходить в бесплатную среднюю школу, ладить с моим препротивным отчимом и наблюдать, как он все вечера напролет режется в свой идиотский покер.

И все же... в Йэнси было что-то такое, о чем потом я буду скучать. Леса, вид на них открывался из окна моей комнаты, Гудзон вдалеке, запах сосен. Я буду скучать по Гроуверу, который был хорошим другом, пусть даже немного странным. Я беспокоился, как он переживет следующий год без меня.

И по урокам латыни я тоже буду скучать — мне будет не хватать глупых турниров мистера Браннера и его веры в то, что я могу выиграть.

По мере того как приближалась экзаменационная сессия, я готовился только к тесту по латыни. Я не забыл, что сказал мне мистер Браннер: этот предмет будет для меня вопросом жизни и смерти. Сам не пойму почему, но я начал ему верить.

* * *

Вечером накануне последнего испытания я впал в такое отчаяние, что швырнул «Кембриджское руководство по греческой мифологии» в дверь своей комнаты в общежитии. Слова плыли и кружились у меня перед глазами, буквы выделяли «восьмерки», будто катались на скейтборде. Я ну никак не мог запомнить разницы между Хироном и Хароном или между Полидектом и Полидевом. Что уж там говорить про спряжение всех этих латинских глаголов.

Я расхаживал по комнате с таким чувством, словно под рубашкой у меня по телу ползают муравьи.

Я вспомнил серьезное выражение лица мистера Браннера, его глаза, которым, казалось, уже тысяча лет. «Испытание пройдут только лучшие, Перси Джексон».

Набрав полную грудь воздуха, я подобрал с пола книжку по

мифологии.

До этого я никогда не просил учителей помочь мне. Может, мне поговорить с мистером Браннером? Он задал бы мне какие-нибудь наводящие вопросы, на что-нибудь намекнул. Так я хоть как-то заглажу вину за тот большой жирный «неуд», который получу на его экзамене. Мне не хотелось покидать Йэнси с мыслью, будто он решил, что я не постарался выучить его предмет.

Я спустился вниз, туда, где помещались кабинеты преподавателей. В большинстве помещений лампы уже не горели, было пусто, но дверь кабинета мистера Браннера стояла приоткрытой, и полоска света падала в коридор.

Я был уже в трех шагах от кабинета, когда услышал доносившиеся изнутри голоса. Мистер Браннер кого-то о чем-то спросил. Голос, явно принадлежавший Гроуверу, ответил: «...беспокоился насчет Перси, сэр».

Я замер.

Обычно я не подслушиваю, но попробуйте устоять, когда твой лучший друг говорит о тебе со взрослым.

Я подошел чуточку ближе.

— ...один этим летом, — говорил Гроувер. — Я имею в виду, единственный полукровка в школе! Теперь, когда мы в этом уверены и *они* тоже это знают...

— Мы только все испортим, если будем подталкивать его, — ответил мистер Браннер. — Нам нужно, чтобы мальчик созрел.

— Но у него может не оказаться времени. Летнее солнцестояние — это черта...

— Мы должны решиться сами, без него, Гроувер. Пусть наслаждается своим неведением, пока может.

— Сэр, он видел ее...

— Пусть думает, что у него разыгралось воображение, — стоял на своем мистер Браннер. — Туман, насланный на учеников и преподавателей, убедит его.

— Сэр, я... я не могу снова пренебречь своими обязанностями. — Гроувер задыхался от волнения. — Вы знаете, что это может означать.

— Ты ничем не пренебрегал, Гроувер, — мягко сказал мистер Браннер. — Я бы, так или иначе, разглядел, кто она такая. Теперь позаботимся о том, чтобы Перси дожид до следующей осени...

Учебник по мифологии выпал у меня из рук и тяжело шмякнулся об пол.

Мистер Браннер замолчал.

Сердце бухало в груди. Подобрал книгу, я попятился назад по коридору.

За освещенной стеклянной дверью кабинета мистера Браннера скользнула тень, куда более высокая, чем мой прикованный к инвалидному креслу учитель, и державшая в руках нечто, подозрительно напоминавшее лук.

Открыв ближайшую дверь, я шмыгнул внутрь.

Через несколько секунд я услышал характерный звук, будто кто-то топал по полу деревянными башмаками, затем дыхание, словно какое-то животное приняло к двери, за которой я прятался. Чей-то крупный темный силуэт помедлил перед стеклянной дверью, затем прошел мимо.

Пот капельками стекал у меня по шее.

Где-то в коридоре раздался голос мистера Браннера.

— Никого, — пробормотал он. — Нервы у меня совсем сдали после зимнего солнцестояния.

— У меня тоже, — ответил Гроувер. — Но могу поклясться...

— Возвращайся к себе, — велел мистер Браннер. — Завтра тебе предстоит долгий и трудный день.

— Лучше не напоминайте.

Свет в кабинете мистера Браннера погас.

Мне показалось, что я прождал в темноте целую вечность.

Наконец я выскользнул в коридор и вернулся к себе.

Гроувер лежал на своей кровати и штудировал конспекты по латыни так, будто и не вставал.

— Привет, — сказал он, глядя на меня затуманенным взором. — Готов к тесту?

Я ничего не ответил.

— Выглядишь ужасно. — Он нахмурился. — Все в порядке?

— Просто... устал.

Я отвернулся, чтобы он не видел выражения моего лица, и стал готовиться ко сну.

Из того, что слышал внизу, я ничего не понял. Хотелось бы верить, что все это я просто себе навоображал.

Но одно было ясно наверняка: Гроувер и мистер Браннер говорили обо мне у меня за спиной. Они думали, что мне угрожает какая-то опасность.

На следующий день, когда я выходил из класса после трехчасового экзамена по латыни и перед глазами у меня кружились все греческие и римские имена, которые я переврал, мистер Браннер окликнул меня.

На мгновение я испугался: неужели он узнал, что вчера вечером я подслушал его разговор с Гроувером? Но дело было не в этом.

— Перси, — произнес мистер Браннер, — не расстраивайся, что приходится покидать Йэнси. Это... это к лучшему.

Он говорил мягко, участливо, и все же его слова встревожили меня. И хотя он сказал это вполголоса, остальные ребята, заканчивавшие тест, могли его услышать. Нэнси Бобофит одарила меня ухмылкой и язвительно скривила губы, изображая воздушный поцелуй.

— О'кей, сэр, — пробормотал я.

— Я хочу сказать... — Мистер Браннер раскачивал свою коляску взад-вперед, словно не был уверен, как продолжить. — Это неподходящее место для тебя. Дело было только во времени.

У меня защипало в глазах.

Мой любимый учитель перед всем классом говорит, что я и не мог справиться. Перед этим он целый год твердил, что верит в меня, и вот теперь говорит, будто я достоин того, чтобы меня выгнали.

— Конечно, — ответил я, весь дрожа.

— Нет, нет, — сказал мистер Браннер, — я все перепутал. Я пытаюсь сказать, что... ты не обычный мальчик, Перси. Это не имеет никакого отношения...

— Спасибо, — выпалил я. — Большое вам спасибо, сэр, что напомнили.

— Перси...

Но я уже убежал.

* * *

В последний день семестра я запихнул свою одежду в чемодан.

Остальные ребята доводили меня, обсуждая свои планы на каникулы. Один собирался автостопом добраться до Швейцарии. Другие отплывали в месячный круиз по Карибам. Как и я, они были малолетние преступники, но богатые малолетние преступники. Их отцы занимали важные посты, были послами или знаменитостями. Я был никто, и звали меня никак.

Они спросили, что я собираюсь делать летом, и я сказал, что возвращаюсь в город.

Чего я им не сказал, так это того, что летом мне придется выгуливать собак или продавать подписку на журналы, а в свободное время — переживать, попаду ли я в школу осенью.

— А! — сказал один из них. — Это круто!

И они продолжали разговаривать, будто меня тут и нет вовсе.

Единственный, с кем я побаивался прощаться, был Гроувер, но, как выяснилось, делать этого не пришлось. Он заказал билет до Манхэттена на тот же «грейхаунд», ^[2] что и я, поэтому мы снова оказались вместе и вместе ехали в город.

Во время путешествия Гроувер то и дело тревожно выглядывал в проход, наблюдая за другими пассажирами. Я сообразил, что он постоянно нервничал и дергался с тех самых пор, как мы выехали из Йэнси, как будто ждал: должно случиться что-то плохое. Сначала я подумал, что он беспокоится, что кто-нибудь начнет его дразнить. Но в «грейхаунде» дразнить его было некому.

В конце концов я устал сдерживаться.

— Высматриваешь тех, которые знают? — со значением спросил я.

Гроувер чуть не подпрыгнул на сиденье.

— Что... что ты имеешь в виду?

Я признался, что подслушал его разговор с мистером Браннером вечером накануне экзамена.

У Гроувера забегали глаза.

— И что ты успел услышать?

— Ну... не так чтобы много. Что это за черта — летнее солнцестояние?

Он вздрогнул.

— Послушай, Перси... Я просто беспокоился за тебя, понимаешь? Я имею в виду галлюцинации о математичках, которые превращаются в злых духов...

— Гроувер...

— И я рассказывал мистеру Браннеру, что, возможно, ты оказался в стрессовой ситуации, потому что никакой миссис Доддз не было и...

— Эх, Гроувер, врать ты все равно не умеешь.

У него зарделись уши.

— Возьми просто так, ладно? — Он выудил из кармана рубашки замусоленную карточку. — На случай, если я понадоблюсь тебе летом.

Текст на карточке был набран замысловатым шрифтом — настоящая пытка для моих страдающих дислексией глаз, — но в конце концов мне удалось разобрать нечто вроде:

Гроувер УНДЕРВУД
Хранитель
Холм полукровок
Лонг-Айленд
Нью-Йорк
(800) 009-0009

— Каких полу?..

— Да тише ты! — умоляюще произнес Гроувер. — Это мой, ну... мой летний адрес.

Сердце у меня ушло в пятки. У Гроувера был летний дом. Мне никогда и в голову не приходило, что его семья может быть такой же богатой, как и у других учеников Йэнси.

— Ладно, — мрачно ответил я. — Может, и загляну как-нибудь в твой особняк.

Гроувер кивнул.

— Или... или если я тебе понадобится.

— А с чего это ты мне вдруг понадобишься?

Вопрос прозвучал резче, чем мне бы того хотелось.

Гроувер весь покрылся краской до самого кадыка.

— Послушай, Перси, правда в том... что я... я вроде как бы должен тебя защищать.

Я уставился на него.

Круглый год я ввязывался в перебранки и драки, чтобы оградить его от хулиганов. У меня даже сон пропал — так я беспокоился, что ему будет доставаться от ребят, когда меня нет. И тут вдруг он заявляет, что он *мой защитник*.

— Гроувер, — сказал я, — от чего конкретно ты собираешься меня защищать?

И тут у нас под ногами раздался оглушительный скрежещущий звук. Из-под приборной доски повалил черный дым, и весь автобус наполнился запахом тухлых яиц. Водитель чертыхнулся, и «грейхаунд», переваливаясь с боку на бок, съехал на обочину шоссе.

Несколько минут водитель, громяхая железом, копался в моторе, а потом сказал, что всем надо выйти. Мы с Гроувером потянулись к выходу вслед за остальными пассажирами.

Выйдя, мы оказались на проселочной дороге — место такое, что и внимания не обратишь, если тут не случится авария. С нашей стороны шоссе росли исключительно клены, и вся земля под ногами была

замусорена тем, что выбрасывали из проезжающих машин. На другой стороне, через четыре полосы асфальтовой дороги, над которой дрожало полуденное марево, располагался старомодный прилавок с фруктами.

Разложенный на нем товар выглядел привлекательно: громоздившиеся друг на друга ящики с кроваво-красными вишнями и яблоками, грецкие орехи и абрикосы, кувшины с сидром в ванне на ножках, полной льда. Клиентов не было, только три старые дамы сидели в креслах-качалках под сенью кленов и вязали пару самых больших носков, которые я когда-либо видел.

Я имею в виду, что носки эти были размером со свитер каждый, но это определенно были носки. Дама справа вязала один из них. Дама слева — другой. Леди посередине держала огромную корзину с пряжей цвета электрик.

Все трое выглядели глубокими старухами, бледная кожа лиц сморщилась, как увядшая фруктовая кожура, серебристо-седые волосы покрывали белые косынки в горошек, костлявые руки торчали из рукавов выцветших хлопчатобумажных платьев.

Самое странное то, что все трое, казалось, смотрели прямо на меня.

Я поглядел на Гроувера, чтобы сказать про них что-нибудь этакое, и увидел, что у моего друга аж вся кровь от лица отхлынула. И нос подергивался.

— Гроувер, — окликнул я. — Эй, парень...

— Скажи мне, что они не смотрят на тебя! Ведь смотрят же, разве нет?

— Да. Странно, правда? Думаешь, эти носки мне подойдут?

— Ничего смешного, Перси. Совсем даже не смешно.

Старая дама, сидевшая посередине, достала большие ножницы — золотые с серебром и длинные, как коса. Гроувер затаил дыхание.

— Пора садиться в автобус, — пробормотал он. — Пошли.

— Что? — переспросил я. — Да там сейчас настоящее пекло.

— Пошли! — Он распахнул дверцу и забрался внутрь, но я остался стоять на обочине дороги.

Странные дамы по-прежнему не сводили с меня глаз. Та, что посередине, перерезала пряжу, и, клянусь, я услышал лязг ножниц сквозь шум проезжавшего по четырем полосам транспорта. Две ее подруги скатали ярко-синие носки, предоставив мне гадать, для кого же они предназначались — для Снежного Человека или Годзиллы.

Шофер между тем поднял капот в задней части автобуса и отвернул большую дымящуюся металлическую штуковину. Автобус вздрогнул, и мотор ожил, взревев.

Пассажиры радостно загомонили.

— Готово! — пронзительно выкрикнул шофер. Потом хлопнул по корпусу автобуса шляпой. — Всем на борт!

Как только мы тронулись с места, я почувствовал озноб, словно подхватил грипп.

Гроувер выглядел ненамного лучше. Его трясло, и зубы стучали друг о друга.

— Гроувер?

— Что?

— Что ты от меня скрываешь?

Он вытер потный лоб рукавом рубашки.

— Перси, что там было, сзади у фруктового прилавка?

— Ты про тех старых дам? Да что в них такого, приятель? Они ведь не... как миссис Доддз.

Выражение лица у Гроувера стало загадочным, но у меня появилось чувство, что дамы за прилавком хуже, гораздо хуже, чем миссис Доддз.

— Просто скажи, что ты видел, — попросил Гроувер.

— Та, что посредине, вытащила ножницы и перерезала пряжу.

Гроувер закрыл глаза и сделал такой жест, будто перекрестился, но это было не крестное знамение, а что-то другое, что-то... более древнее.

— Ты видел, как она перерезала нить, — заключил он.

— Да. Ну и что? — Но, едва сказав это, я почувал, что дело нешуточное.

— Пронесло, — пробормотал Гроувер. И стал грызть ноготь на большом пальце. — Не хочу, чтобы все случилось как в прошлый раз.

— Какой прошлый раз?

— Всегда шестой класс. Они никогда не упускают шестого.

— Гроувер! — Я повысил голос, потому что он и вправду начал пугать меня. — О чем это ты?

— Давай-ка я провожу тебя от автобусной остановки до дому. Согласен?

Просьба показалась мне странной, но я не возражал — пусть провожает.

— Это вроде суеверия, да? — спросил я.

Гроувер ничего не ответил.

— А то, что она перерезала пряжу, — значит, кто-то должен умереть?

Гроувер посмотрел на меня скорбно, словно уже подбирал цветы, которые я больше всего хотел бы увидеть на своей могиле.

Глава третья

Гроувер неожиданно теряет штаны

Признаваться, так уж начистоту: я бросил Гроувера, как только мы доехали до автовокзала.

Я знаю, знаю. Это было невежливо. Но он достал меня своими странностями: то глядел на меня, будто я покойник, то бормотал: «Почему это всегда случается?» и «Почему это всегда должен быть шестой класс?»

Когда Гроувер расстраивался, у него всегда срабатывал мочевого пузырь. Поэтому я не удивился, что, как только мы вышли из автобуса, он снова заставил меня пообещать, что я его подожду, и ринулся в ближайший общественный туалет. Вместо того чтобы ждать, я схватил чемодан, выскользнул из автобуса и поймал первое попавшееся такси, которое ехало в направлении жилых кварталов.

— Ист-Сайд, угол Первой и Сто четвертой, — сказал я водителю.

* * *

Пару слов о моей матери, прежде чем ты с ней познакомишься.

Зовут ее Салли Джексон, и она самый замечательный человек на свете, что только доказывает мою теорию: замечательным людям всегда чертовски не везет. Ее родители погибли в авиакатастрофе, когда ей было пять лет, и воспитывал ее дядя, который не слишком-то о ней заботился. Мама хотела стать писательницей, поэтому в старших классах копила деньги, чтобы поступить в колледж, где учили бы творчеству и сочинению книг. Потом у дяди нашли рак, и маме пришлось бросить школу на последнем году обучения, чтобы ухаживать за ним. Когда он умер, она осталась без денег, без семьи и без диплома.

Единственным светлым пятном на этом фоне было то, что она встретилась с моим отцом.

Я практически ничего о нем не помню, кроме следа от его мягко светящейся улыбки. Мама не любит говорить о нем, потому что всегда расстраивается. Фотографий от него тоже не осталось.

Понимаешь, дело в том, что они так и не поженились. Мама рассказывала мне, что он был богатый и важный человек и отношения у

них были тайные. Затем он однажды отправился через Атлантику в какую-то важную поездку, да так и не вернулся.

Пропал в море, так говорила мама. Не погиб. Пропал в море.

Она бралась за любую работу, какая подвернется, вечерами ходила на занятия, чтобы получить диплом об окончании средней школы, и воспитывала меня сама. Она никогда не жаловалась и не выходила из себя. Ни разу. Но я знал, что я — трудный ребенок.

Наконец она вышла замуж за Гейба Ульяно, который был замечательным парнем в первые тридцать секунд нашего знакомства, а затем проявил себя во всей красе как первоклассный подонок. Когда я был ребенком, то прозвал его Вонючка Гейб. И действительно, от этого парня так и разило, как от подгоревшей пиццы с чесноком в тренировочных штанах.

Оба мы сделали жизнь мамы совершенно невыносимой. То, как Вонючка Гейб третировал ее, то, как мы с ним ладили... в общем, мое возвращение домой — хороший пример.

Я вошел в нашу квартирку, надеясь, что мама уже вернулась с работы. Вместо этого я застал в гостиной Вонючку Гейба, игравшего в покер со своими друзьями. Телевизор орал на полную катушку. Чипсы и пивные банки были разбросаны по всему ковру.

Едва взглянув на меня, Гейб сказал, не вынимая сигары изо рта:

— Ну, вот ты и дома.

— А где мама?

— На работе, — ответил Гейб. — Деньжата есть? В этом был весь он. Никаких тебе: «С возвращением! Рад тебя видеть. Как жизнь?»

Гейб располнел. Он походил на моржа без клыков в одежде из магазина уцененных товаров. На голове у него было три волосины, которые он аккуратно зачесывал на лысый череп, как будто это его хоть сколько-нибудь красило.

Вообще-то он работал менеджером в супермаркете электроники в Квинсе, но почти все время торчал дома. Не пойму, почему его оттуда давным-давно не выставили. Он регулярно получал зарплату, тратя деньги на сигары, от которых меня воротило, и, конечно, на пиво. Пиво, пиво и пиво. Когда бы я ни оказался дома, он ждал, что я пополню его игровые фонды. Он называл это нашим «мужским секретом». Что в переводе означало: если я проболтаюсь маме, он устроит мне хорошую выволочку.

— Деньжат нет, — ответил я.

Гейб поднял сальные брови.

Он чуял деньги, как гончая, что удивительно, поскольку его собственный запах должен был перебивать все остальные.

— От автобусной остановки ты ехал на такси, — заявил он. — Возможно, заплатил двадцатку. Значит, шесть-семь баксов сдачи у тебя должны были остаться. Всякий, кто рассчитывает жить под этой крышей, должен вносить свою лепту. Верно я говорю, Эдди?

Эдди, управляющий многоквартирным домом, бросил на меня взгляд, в котором промелькнула симпатия.

— Да брось ты, Гейб, — сказал он. — Парень только приехал.

— Верно я говорю? — повторил Гейб.

Эдди нахмурился, уставившись на миску с посыпанными солью крендельками. Два остальных парня одновременно пукнули.

— Ладно, — сказал я и, вытащив из кармана смятые доллары, швырнул их на стол. — Надеюсь, ты проиграешь.

— Я тут кое-что про тебя слышал, умник, — крикнул он мне вслед. — Так что на твоём месте я не стал бы задирать нос.

Я изо всех сил захлопнул дверь в свою комнату, которая на самом деле была не моей. Пока я был в школе, Гейб устроил здесь свой «кабинет». В «кабинете» этом хранились разве что его старые автомобильные журналы, но зато он обожал рыться в моих вещах в кладовке, ставить свои грязные башмаки на мой подоконник и делать все, чтобы комната провоняла его мерзким одеколоном, сигарами и прокисшим пивом.

Я бросил чемодан на кровать. Дом, милый дом!

Запах Гейба был едва ли не хуже кошмаров про миссис Доддз или клацанья ножниц старой дамы, перерезавшей пряжу.

Но стоило мне подумать об этом, как я почувствовал слабость в коленях. Я вспомнил, как запаниковал Гроувер, как он заставил меня пообещать, что я не пойду домой без него. Неожиданно я весь похолодел. Я почувствовал, как кто-то — или что-то — наблюдает за мной прямо сейчас и, возможно, тяжело поднимается по лестнице, стуча длинными, жуткими когтями.

— Перси? — услышал я мамин голос.

Она открыла дверь спальни, и мои страхи моментально растаяли.

У меня могло подняться настроение только оттого, что мама просто вошла в комнату. Глаза ее искрились и меняли цвет в зависимости от освещения. Улыбка согревала, как теплое стеганое одеяло в холодную ночь. В маминых длинных каштановых волосах появилось несколько седых прядей, но я никогда не считал ее старой. Когда мама смотрела на меня, казалось, что она видит во мне одно только хорошее. Я никогда не слышал,

чтобы она повышала голос и попрекнула кого-нибудь, даже Гейба.

— Ох, Перси. — Она крепко прижала меня к себе. — Просто не верится. Да ты вырос с Рождества!

Ее красно-бело-синяя униформа пахла всеми самыми замечательными вещами на свете: шоколадом, лакрицей — всем, чем она торговала в кондитерской «Гранд централ». Она принесла мне большой пакет «бесплатных образцов», как делала всегда, когда я возвращался домой.

Мы сидели рядышком на краю кровати. Пока я уплетал кисленькие брусничные пирожки, мама ерошила мне волосы и требовала, чтобы я рассказал ей все, о чем не писал в письмах. Она ни словом не упомянула, что меня исключили. Казалось, это ее не волнует. Но зато маму интересовало, в порядке ли я, все ли хорошо у ее мальчика.

Я сказал маме, что она меня задушит, что ей нужно отдохнуть и всякое такое и — по большому секрету — я правда очень рад был видеть ее.

— Эй, Салли, — крикнул Гейб из другой комнаты, — как там насчет чего-нибудь пожевать?

Я заскрежетал зубами.

Моя мама — прекраснейшая женщина на свете. Ей бы выйти замуж за миллионера, а не за такого подонка, как Гейб.

Для ее же блага я описал свои последние дни в Йэнси в самых жизнерадостных и оптимистических тонах. Сказал, что не очень-то переживаю из-за исключения. Почти весь год я держался молодцом. Завел несколько новых друзей. По латыни стал одним из первых. И, если честно, ссоры и драки были вовсе не такими ужасными, как расписывает директор. Школа в Йэнси мне нравилась. Правда. Год у меня получился просто радужный, так что я чуть было сам в это не поверил. У меня чуть слезы не навернулись, когда я подумал о Гроувере и мистере Браннере. Даже Нэнси Бобофит вдруг показалась не такой уж дрянью.

До той экскурсии в музей...

— Что? — спросила мама. Глаза ее так и лезли мне в душу, пытаясь выведать все мои секреты. — Тебя что-то испугало?

— Нет, мама.

Врать было неприятно. Мне захотелось рассказать ей про миссис Доддз и трех старых дам с пряжей, но я подумал, что это прозвучит глупо.

Мама надула губы. Она понимала, что я что-то скрываю, но не хотела на меня давить.

— У меня для тебя сюрприз, — объявила она. — Мы едем к морю.

— В Монтаук?

— На три дня... в тот же домик.

— Когда?

— Как только я переоденусь, — улыбнулась мама.

Я просто не верил своим ушам! Мы с мамой не были в Монтауке последние два лета, потому что Гейб говорил, что денег не хватает.

Появившись в дверях, он проворчал:

— Так дашь нам что-нибудь пожевать, Салли? Ты что, оглохла?

Я хотел было ему врезать, но встретился глазами с мамой и понял, что она предлагает мне сделку: потерпи Гейба еще немного, будь с ним поласковой. Только пока она не подготовится к поездке в Монтаук. А потом — только нас и видели!

— Я уже иду, милый, — сказала она Гейбу. — Мы просто разговаривали о поездке.

— О поездке? — Гейб сузил глаза. — Так ты что, серьезно об этом говорила?

— Так я и знал, — пробормотал я. — Он нас не отпустит.

— Конечно отпустит, — ровным голосом возразила мама. — Твой отчим просто беспокоится из-за денег. Только и всего. А кроме того, — добавила она, — Габриелю не придется беспокоиться о том, что ему пожевать. Я наготовлю ему фасоли на целый уик-энд. И гуакамолем.^[3] И сливочный соус.

— Значит, деньги на поездку... мы вычтем из денег, отложенных на тряпки? — Гейб немного смягчился.

— Да, милый, — ответила мама.

— И ты возьмешь мою машину, только чтобы доехать туда и обратно?

— Мы будем очень осторожны.

— Может, если ты поскорее что-нибудь приготовишь... — Гейб поскреб двойной подбородок. — И если мальчишка извинится за то, что прервал нашу партию в покер.

«Может, я дам тебе хорошего пинка, — подумал я. — Найду уязвимое место, так что будешь у меня целую неделю петь сопрано».

Но мамины глаза предупредили, чтобы я перестал его злить.

Зачем только она спуталась с этим парнем? Мне хотелось завопить. Почему она так заботится о том, что он подумает?

— Извиняюсь, — пробормотал я. — Я правда извиняюсь, что прервал твою невероятно важную игру в покер. Пожалуйста, возвращайся к ней.

Глаза Гейба сузились. Вероятно, он пытался сообразить своим умишком, нет ли в моих словах какого подвоха.

— Ну, так и быть, — согласился он.

И вернулся доигрывать партию.

— Спасибо, Перси, — сказала мама. — Как только приедем в Монтаук, там и наговоримся, и ты расскажешь мне все, что забыл сказать, ладно?

На мгновение мне почудилось, что я увидел промелькнувшую в ее глазах тревогу — такой же страх, какой я видел на лице Гроувера, когда мы ехали в автобусе, — словно мама тоже почувствовала в воздухе странный холодок.

Но потом она улыбнулась, и я подумал, что ошибаюсь. Мама взъерошила мне волосы и пошла готовить Гейбу его жратву.

* * *

Через час мы были готовы.

Гейб даже прервал игру, чтобы самолично проследить, как я складываю мамины сумки в машину. Он все ныл и охал, что ему будет не хватать кухарки, а самое главное — его «камаро» весь остаток недели.

— И не вздумай хоть чуть-чуть ее поцарапать, умник, — предупредил он меня, когда я складывал последнюю сумку. — Чтоб ни одной крохотной царапины.

Как будто я собирался вести машину! Мне было всего двенадцать. Но для Гейба это не имело никакого значения. Если бы чайка случайно нагадила на его свежевыкрашенную машину, он нашел бы способ обвинить в этом меня.

Глядя, как он ковыляет обратно к дому, я до того взбесился, что сделал нечто, чего сам до сих пор не пойму. Когда Гейб дошел до двери, я поступил точно так же, как Гроувер в автобусе. Я повторил его жест, предохраняющий от зла: словно когтями вырвал сердце и швырнул в Гейба. Решетчатая дверь захлопнулась с такой силой и так звонко шлепнула его по заднице, что Вонючка буквально взлетел по лестнице, словно в него выстрелили из пушки. Может, это был порыв ветра или что-то приключилось с петлями — узнать я уже не успел.

Забравшись в «камаро», я открыл маме дверцу.

* * *

Лачуга, которую мы снимали, стояла на южном берегу, недалеко от оконечности Лонг-Айленда. Это был крохотный синий домишко с выцветшими занавесками, наполовину заметенный песком. Простыни тоже

всегда оказывались в песке, и повсюду кишели пауки, а море чаще всего было слишком холодным, чтобы купаться.

Я любил это место.

Мы ездили сюда с тех пор, когда я был еще совсем маленьким. А мама и того дольше. Она никогда ничего определенного не говорила, но я знал, что этот пляж для нее особенный. Это было место, где она встретилась с отцом.

Чем ближе мы подъезжали к Монтауку, тем моложе становилась мама, годы бесконечных тревог и тяжелой работы куда-то исчезали. Глаза у нее приобретали цвет моря.

Мы приехали на закате, открыли все окна и, как обычно, принялись за уборку. Потом мы пошли на пляж, стали кормить чаек синими кукурузными чипсами, а сами тем временем лакомились голубыми жевательными драже с фруктовой начинкой, голубыми солоноватыми ирисками — словом, перепробовали все угощения, которые мама бесплатно принесла с работы.

Кажется, мне следует объяснить про синюю еду.

Видишь ли, Гейб как-то сказал маме, что синей еды не бывает. Они разругались, что по тем временам казалось мелочью. Но с тех пор мама просто помешалась на том, чтобы абсолютно все продукты были синие. К дням рождения она пекла синие торты. Она взбивала черничные муссы. Она покупала синие кукурузные лепешки и приносила из магазина синюю выпечку. Все это — вместе с тем, что она сохранила девичью фамилию Джексон и никогда не называла себя миссис Ульяно, — означало, что Гейбу не удалось прижать ее к ногтю. В ней, как и во мне, была мятежная жилка.

Когда стемнело, мы развели костер. Стали жарить хот-доги. Мама рассказывала мне про те времена, когда была ребенком, еще до того, как ее родители погибли в авиакатастрофе. Мама говорила о книгах, которые собиралась написать когда-нибудь, когда она скопит достаточно денег, чтобы уйти из кондитерской.

Наконец я набрался мужества спросить о том, что всегда было у меня на уме, когда бы мы ни приезжали в Монтаук, — о своем отце. Взгляд мамы затуманился. Я понимал, что она расскажет мне то же, что всегда, но я никогда не уставал слушать это.

— Он был добрым, Перси, — сказала мама. — Высокий, красивый, мужественный и сильный. Но и мягкий — тоже. Ты знаешь, тебе достались от него черные волосы и зеленые глаза. — Мама вынула из сумки горсть жевательных драже. — Хотелось бы мне, чтобы ты увидел его, Перси. Он бы так тобой гордился.

Я удивился тому, что она это сказала. Что во мне такого замечательного? Дислексия, гиперактивность, сплошные тройки в табели успеваемости — парень, которого выгоняют из школы в шестой раз за шесть лет.

— Сколько мне было? — спросил я. — Я имею в виду, когда он уехал. Мама поглядела на пламя.

— Он провел со мной только одно лето, Перси. Вот здесь, на этом пляже. В этом домике.

— Но... он знал меня, когда я был маленьким?

— Нет, милый. Он знал, что я жду ребенка, но никогда не видел тебя. Ему пришлось уехать до твоего рождения.

Я постарался увязать это с тем, что помнил об отце: теплое свечение, улыбка.

Я всегда считал, что он знал меня ребенком. Мама никогда прямо этого не говорила, но я все же чувствовал, что это так. И вот теперь услышать, что он никогда меня не видел...

И тут я рассердился на отца. Может быть, и глупо, но я упрекал его за то, что он отправился в свое океанское путешествие и что у него не хватило мужества жениться на маме. Он бросил нас, и теперь хочешь не хочешь, а приходится жить с Вонючкой Гейбом.

— Ты снова собираешься меня куда-нибудь отправить? — спросил я. — Еще в какой-нибудь интернат?

Мама ворошила палкой огонь.

— Не знаю, милый. — Голос у нее стал низким, грудным. — Я думаю... Я думаю, мы найдем выход.

— Потому что ты не хочешь, чтобы я путался у тебя под ногами?

Я пожалел о своих словах, едва успел сказать их.

На глазах у мамы блеснули слезы. Взяв меня за руку, она крепко сжала ее.

— Ох, Перси, нет. Просто я... я должна, милый. Для твоего же собственного блага. Я должна отправить тебя куда-нибудь.

Ее слова напомнили мне то, что сказал мистер Браннер: для меня только лучше уехать из Йэнси.

— Потому что я — с отклонениями от нормы, — сказал я.

— Ты говоришь так, будто это плохо, Перси. Но ты не понимаешь всей своей важности. Я думала, что пансионат Йэнси достаточно далеко. Думала, что ты наконец-то будешь в безопасности.

— В безопасности от чего?

Мама встретила со мной взглядом, и на меня нахлынули

воспоминания — все странное, пугающее, что когда-либо происходило со мной и что я старался забыть.

В третьем классе какой-то дядька в длинном черном плаще погнался за мной на игровой площадке. Когда учителя пригрозили вызвать полицию, он ушел, злобно ворча, и никто не хотел мне верить, что под шляпой с широкими полями у него был всего лишь один глаз — прямо посередине лба.

А перед этим — очень-очень давно. Я учился тогда в подготовительном классе, и учительница положила меня вздремнуть в кроватку, куда заползла змея. Мама пронзительно закричала, когда пришла за мной, но увидела, что я играю с безвольной чешуйчатой веревкой: мне каким-то образом удалось задушить змею своими толстыми, неуклюжими ручонками.

В каждой школе случалось что-то жуткое, что-нибудь небезопасное, и я все время был вынужден переводиться из одного места в другое.

Я понимал, что мне следовало бы рассказать маме о трех старых дамах за фруктовым прилавком и о миссис Доддз в художественном музее, о своей странной галлюцинации, что ударом меча я обратил в прах свою математичку. Но я все никак не мог решиться. У меня было странное чувство, что эти новости прервут нашу поездку в Монтаук, а мне этого не хотелось.

— Я старалась, чтобы ты держался как можно ближе ко мне, — вздохнула мама. — Но они сказали мне, что это ошибка. Но есть только один выбор, Перси... место, куда тебя хотел послать отец. А я... я просто не могу это вынести.

— Отец хотел отправить меня в спецшколу?

— Не в школу, — мягко проговорила мама. — В летний лагерь.

Голова у меня закружилась. Почему папа, который даже не захотел задержаться, чтобы увидеть мое рождение, сказал маме про какой-то летний лагерь? И если это было так важно, почему она ни разу не упомянула об этом прежде?

— Прости меня, Перси, — сказала она, поняв, что выражали мои глаза. — Но я не могу говорить об этом. Я... я не могу отправить тебя туда. Возможно, это означает распрощаться с тобой навсегда.

— Навсегда? Но если это только летний лагерь?..

Мама отвернулась к огню, и по ее лицу я понял, что, если буду расспрашивать дальше, она заплачет.

В ту ночь мне приснился яркий, отчетливый сон.

Штормило, и два прекрасных животных — белая лошадь и золотой орел — бились не на жизнь, а на смерть у полосы прибоя. Орел камнем бросался вниз и вспарывал лошадиную морду мощными когтями. Лошадь разворачивалась и, брыкаясь задними ногами, старалась переломать орлу крылья. Пока происходила битва, земля тряслась, и какой-то чудовищный голос хохотал под землей, науськивая животных друг на друга.

Я бросился к ним, понимая, что должен остановить смертоубийство, но бежал я как в замедленном кино. Я понимал, что опоздаю. Я видел, как орел ринулся вниз, целясь клювом в широко раскрытые глаза лошади, и я завопил: «Нет!»

Проснулся я как от толчка.

Снаружи действительно штормило: такой шторм ломает деревья и сносит дома. На берегу не было ни лошади, ни орла, только молнии, озарявшие все как днем, и двадцатифутовые волны, с грохотом разрывающихся снарядов рушащиеся на дюны.

Следующий удар грома разбудил маму. С широко раскрытыми глазами она села на кровати и промолвила только одно слово: «Ураган!»

Я понимал, что это безумие. В начале лета над Лонг-Айлендом никогда не бывает ураганов. Но, казалось, океан про это забыл. Сквозь рев ветра я расслышал вдалеке утробный звук, полный злобы и муки, от которого волосы у меня встали дыбом.

Затем, уже куда ближе, раздался странный звук — будто кто-то бил по песку молотком для игры в крокет. И чей-то отчаянный голос — кто-то пронзительно вопил, стуча в дверь нашей хибары.

Мама выскочила из постели в ночном халате и откинула задвижку.

В дверном проеме на фоне сплошной стены ливня стоял Гроувер. Но это был не... был не совсем Гроувер.

— Я искал всю ночь, — задыхаясь, произнес он. — О чем вы думали?

Мама в ужасе посмотрела на меня, не потому что испугалась Гроувера, а оттого, *зачем* он пришел.

— Перси, — она старалась перекричать дождь, — что случилось в школе? Почему ты мне ничего не рассказал?

Я застыл как вкопанный, глядя на Гроувера. Я не верил собственным глазам!

— О *Zeu kai alloi theoi!* — возопил он. — Оно прямо за мной! Ты не

рассказал ей?

Я был слишком ошеломлен, чтобы обратить внимание на то, что он выругался на древнегреческом и я прекрасно его понял. И слишком потрясен, чтобы задуматься над тем, как Гроувер сам добрался сюда посреди ночи. Потому что на Гроувере не было штанов, а вместо ног у него были... вместо ног у него были...

Мама сурово посмотрела на меня и произнесла таким тоном, какой я слышал от нее впервые:

— Перси! Скажи мне немедленно!

Я, запинаясь, стал нести что-то про старых дам за фруктовым прилавком и миссис Доддз, а мама в упор уставилась на меня, и лицо ее во вспышках молний было мертвенно-бледным.

Схватив сумочку, она швырнула мне мой дождевик и командовала:

— В машину. Оба. Немедленно!

Гроувер побежал к «камаро», но сказать «побежал» было бы не совсем точно. Он скакал рысцой, тряся лохматыми бедрами, и внезапно история о мышечном расстройстве его ног обрела для меня совершенно иной смысл. Я понял, как он мог мчаться с такой скоростью и при этом хромать при ходьбе.

Потому что вместо ступней у него были раздвоенные копыта.

Глава четвертая

Мама учит меня бою быков

Мы мчались сквозь ночь по темным проселкам. Ветер хлестал по «камаро». Дождь сплошным потоком стекал по лобовому стеклу. Не понимаю, как мама могла что-то видеть, но она изо всех сил давила на газ.

Всякий раз при вспышке молнии я смотрел на сидевшего рядом со мной на заднем сиденье Гроувера и гадал: то ли я сошел с ума, то ли он вырядился в какие-то замысловатые лохматые штаны? Но нет, запах был точно такой же, как тогда в детском саду, когда нас водили на экскурсию на площадки молодняка: пахло ланолином, как от шерсти. Запах скотного двора.

— Значит, ты и мама... знакомы? — только и сумел сказать я.

Гроувер стрельнул глазами в зеркало заднего вида, хотя машин сзади не было.

— Ну, не то чтобы знакомы, — ответил он, — я имею в виду, мы никогда не встречались лично. Но она знала, что я за тобой наблюдаю.

— Наблюдаешь за мной?

— Вроде зрителя. Чтобы удостовериться, что с тобой все в порядке. Но я был твоим другом и не притворялся, — торопливо добавил он. — Я и вправду твой друг.

— Хм... а кто же ты на самом деле?

— В данный момент это неважно.

— Неважно? Начиная от пояса, мой лучший друг оказался ослом...

Гроувер издал резкий горловой звук, напоминавший ржанье.

Я слышал, как он ржал, и раньше, но всегда считал это приступом нервного смеха. Теперь же я понял, что это, скорее, раздраженное мычанье.

— Козел! — вскрикнул он.

— Что?

— Нижняя часть у меня козлиная.

— Ты только что сказал, что это не важно.

— Мэ-э-э! Есть сатиры, которые забили бы тебя копытами за такое оскорбление!

— Вот это да! Постой. Сатиры! Ты вроде как... из мифов мистера Браннера?

— Выходит, те старые дамы за прилавком с фруктами тоже миф,

Перси? И миссис Доддз миф?

— Так, значит, ты допускаешь, что миссис Доддз была на самом деле?

— Конечно.

— Тогда почему?..

— Чем меньше ты будешь знать, тем меньше монстров навлечешь на свою голову, — сказал Гроувер так, будто это было совершенно очевидно. — Мы навели на людей Туман. Надеялись, что ты примешь это за галлюцинации. Но все без толку. Ты стал понимать, кто ты.

— Кто я... погоди-ка минутку, что ты имеешь в виду?

Странный рев снова раздался позади нас, я уже слышал его, но на этот раз он приблизился. Кто бы за нами ни гнался, он по-прежнему несли по нашему следу.

— Перси, — вмешалась мама, — слишком многое надо объяснить, а времени мало. Мы должны доставить тебя в безопасное место.

— Безопасное? Но от кого и от чего? Кто за мной гонится?

— Ничего особенного, — ответил Гроувер, явно задетый моим замечанием насчет осла. — Всего лишь повелитель мертвых и несколько его кровожадных любимчиков.

— Гроувер!

— Простите, миссис Джексон. Пожалуйста, не могли бы вы ехать немного быстрее?

Я старался рассудком охватить все, что происходит кругом, но мне это не удавалось. Я понимал, что это не сон. С воображением у меня было туговато. Мне никогда не могло присниться что-нибудь настолько странное.

Мама круто свернула влево. Мы выехали на более узкую дорогу и помчались мимо темных фермерских домов, лесистых холмов и надписей «ЧУЖУЮ КЛУБНИКУ НЕ РВАТЬ» на белых частоколах.

— Куда мы едем? — спросил я.

— В летний лагерь, про который я тебе говорила. — Голос матери звучал напряженно, ради меня она изо всех сил пыталась скрыть свой страх. — Туда, куда хотел отправить тебя отец.

— Туда, куда ты не хотела, чтобы я ехал.

— Пожалуйста, дорогой, — взмолилась мама. — Все слишком серьезно. Попробуй понять. Ты в опасности.

— Потому что какие-то старые дамы перерезают пряжу?

— Это были не старые дамы, — сказал Гроувер. — Это были богини Судьбы. Понимаешь ли ты, что это означает... то, что они явились перед тобой? Они делают это, только когда ты... когда кто-нибудь вот-вот умрет.

— Вау! Ты сказал «ты».

— Нет. Я сказал «кто-нибудь».

— Ты имел в виду меня.

— Я имел в виду тебя как нечто обобщенное. Не тебя лично, разумеется.

— Мальчики! — оборвала нас мама.

Она резко крутанула баранку вправо, и я на мгновение заметил фигуру того, от кого она уворачивалась, — темные, трепещущие на ветру очертания, которые потом словно сдуло штормом.

— Что это было? — спросил я.

— Мы уже почти там, — отозвалась мама, не обращая внимания на мой вопрос. — Еще милую. Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я не знал, где это «там», но я лежал в машине, опрокинувшись на сиденье, и мне хотелось, чтобы мы наконец приехали...

Снаружи были только дождь и тьма — пустынная загородная местность, которую проезжаешь, когда добираешься на дальнюю оконечность Лонг-Айленда. Я подумал о миссис Доддз и о том, как она превратилась в тварь с острыми клыками и кожистыми крыльями. Мои конечности дрожали от настигшего меня потрясения. Она действительно была не человеком! Она хотела убить меня!

Потом я вспомнил о мистере Браннере... и мече, который он мне бросил. Прежде чем я успел спросить об этом Гроувера, волосы у меня на голове встали дыбом. Последовала ослепительная вспышка, пробравший меня до костей грохот, и наша машина взорвалась.

Помню чувство невесомости, и меня как будто сплющило, обожгло и облило водой из шланга одновременно.

Отлепившись лбом от спинки водительского сиденья, я сказал:

— Bay!

— Перси! — крикнула мама.

— Я в порядке...

Я постарался стряхнуть с себя оцепенение. Я был жив. Машина на самом деле не взорвалась. Мы съехали в кювет. Водительские дверцы заклинило в грязи. Крыша треснула, как яичная скорлупа, и дождь хлестал сквозь дырки.

Молния. Это было единственное объяснение. Нас скинуло с дороги. Рядом со мной на заднем сиденье лежало нечто большое, неподвижное и бесформенное.

— Гроувер!

Он тяжело осел набок, кровь струйкой стекала у него из уголка рта. Я потряс его мохнатое бедро, думая: «Нет! Даже если мой лучший друг —

наполовину животное со скотного двора, я не хочу, чтобы он умирал!»

Потом Гроувер простонал: «Еды», и я понял, что надежда осталась.

— Перси, — сказала мать, — мы должны... — Ее голос пресекся.

Я оглянулся. При вспышке молнии сквозь заляпанное грязью заднее стекло я увидел фигуру, которая, ковыляя, подбиралась к нам по обочине. При виде ее мурашки побежали у меня по всему телу. Это был темный силуэт могучего парня, похожего на футбольного игрока. На голову у него было наброшено что-то вроде одеяла. Торс мускулистый и покрыт шерстью. Поднятые руки походили на рога.

Я с трудом проглотил комок слюны.

— Кто это?..

— Перси, — сказала мать до ужаса спокойным голосом, — выметайся из машины.

Потом она бросилась к водительской дверце. Та завязла в грязи. Я попробовал открыть свою. То же самое. В отчаянии я посмотрел на отверстие в крыше. Оно могло послужить выходом, но края его были рваные и дымились.

— Вылезай через другую дверцу! — велела мать. — Перси... ты должен бежать. Видишь то большое дерево?

— Что?

Еще одна вспышка молнии, и сквозь дымящуюся дыру в крыше я увидел дерево, которое она имела в виду: огромная сосна, размером с рождественскую елку в Белом доме, росла на вершине ближайшего холма.

— Это граница участка, — сказала мама. — Заберись на холм и вниз, в долине, увидишь большой фермерский дом. Беги к нему и не оглядывайся. Кричи что есть сил, чтобы тебе помогли. Не останавливайся, пока не добежишь до двери.

— Мам, ты тоже пойдешь со мной!

Лицо ее было бледным, глаза — печальные, так она обычно глядела на океан.

— Нет! — закричал я. — Ты пойдешь со мной. Помоги мне вытащить Гроувера.

— Дайте мне еды! — простонал Гроувер чуть громче.

Человек с одеялом на голове приближался к нам, порывая и пофыркивая. Когда он подошел поближе, я понял, что он не может держать одеяло на голове, потому что его руки — мощные, мясистые руки — болтались по бокам. И никакого одеяла не было. Если только считать его массивную косматую голову, слишком крупную, чтобы быть его головой... — его головой. А кончики того, что напоминало рога...

— Мы ему не нужны, — пояснила мне мать. — Ему нужен ты. Кроме того, я не могу пересекать границу участка.

— Но...

— Некогда, Перси. Иди. Пожалуйста!

Тут я просто обезумел от злости на свою мать, на козла Гроувера, на рогатое существо, — походившее на быка... да, на быка, — которое, пошатываясь, медленно и целенаправленно подбиралось к нам.

Я перелез через Гроувера и, распахнув дверцу, оказался под дождем.

— Мы пойдем вместе. Давай, мам.

— Я же тебе сказала...

— Мам! Я тебя не оставлю. Помоги мне с Гроувером.

Я не стал дожидаться, что она ответит. Я вылез сбоку и вытащил Гроувера. Он оказался на удивление легким, хотя я не смог бы отнести его очень далеко без маминой помощи.

Мы взяли Гроувера под мышки и, спотыкаясь, стали карабкаться вверх по холму в мокрой траве, доходившей нам до пояса.

Оглянувшись, я впервые ясно разглядел монстра. Он был семи футов ростом, с руками и ногами, словно с обложки журнала для культуристов — бугристые бицепсы, трицепсы и всякие прочие «цепсы» бейсбольными мячами выпирали из-под оплетенной венами кожи. Одежды на нем не было вовсе, кроме ослепительно белых подштанников, что выглядело бы забавно, не будь верхняя часть его туловища такой устрашающей. Жесткие бурые волосы росли прямо от пупка и становились все гуще к плечам. Шея его представляла нагромождение мускулов, покрытых шерстью, и венчалась огромной головой с мордой длиной с мою руку. В сочащихся ноздрях соплях поблескивало медное кольцо, черные глаза смотрели свирепо, а рога — кончики огромных черно-белых рогов были настолько острые, что никакой электроточилкой так не заточишь.

Я прекрасно узнал монстра. Он был героем одной из самых первых историй, которые рассказывал нам мистер Браннер. Но не мог же он быть настоящим!

Дождь заливал мне глаза, и приходилось постоянно моргать.

— Это...

— Сын Пасифаи, — сказала мать. — Жаль, что я не знала, до чего ж им не терпится убить тебя.

— Но это же Мин...

— Не произноси его имени, — предупредила мама. — Имена тоже наделены силой.

Сосна была по-прежнему очень далеко — по меньшей мере, ярдах в

ста вверх по холму.

Я снова бросил быстрый взгляд назад.

Человекобык склонился над нашей машиной, заглядывая в окна, — точнее говоря, не заглядывая. Он все больше сопел и принюхивался. Я не совсем понимал, что его так беспокоит, ведь мы были всего в каких-то пятидесяти футах.

— Дайте поесть, — простонал Гроувер.

— Тс-с-с-с, — сказал я ему. — Мама, что он делает? Он что, не видит нас?

— Зрение и слух у него — никуда, — ответила она. — Он идет по запаху. Но скоро он сообразит, где мы.

Словно напав на след, человекобык яростно заревел. Он поднял «камаро» Гейба за разбитую крышу, причем шасси надсадно закрипели. Занес машину над головой и швырнул на дорогу. Врезавшись в мокрый асфальт, она проехала еще с полмили, разбрызгивая вокруг сноп искр, прежде чем остановилась. Бензобак взорвался.

«Ни царапины», — припомнил я слова Гейба.

Упс!

— Перси, — сказала мама, — как только он увидит нас, он сразу же бросится. Дождись последней секунды, а потом беги, прыгая из стороны в сторону. Он не может менять направление, когда бросается. Понял?

— Откуда ты все это знаешь?

— Я уже давно беспокоилась, что они могут напасть на тебя. Мне следовало этого ожидать. Я была эгоистичной, когда держала тебя при себе.

— Держала меня при себе? Но...

Еще один взрыв яростного рева, и человекобык, оглушительно топоча, ринулся вверх по холму.

Он учуял нас.

Сосна была теперь всего в нескольких ярдах, но холм становился все более крутым и скользким, а Гроувер отнюдь не полегчал.

Человекобык стремительно приближался. Еще несколько секунд — и он настигнет нас.

Силы у мамы были уже, наверное, на исходе, но она продолжала поддерживать Гроувера за плечо.

— Давай, Перси! По отдельности! Помни, что я сказала.

Мне не хотелось шарахаться из стороны в сторону, но возникло ощущение, что она права и это наш единственный шанс. Я бросился влево, повернулся и увидел, что монстр догоняет меня. Его черные глаза горели ненавистью. Он то и дело срыгивал тухлым мясом.

Опустив голову, монстр кинулся вперед, нацелив свои острые, как бритва, рога прямо мне в грудь.

Страх, засевший у меня в желудке, подталкивал меня рвануться вперед, как стрела, но это не сработало бы. Мне было ни за что не опередить это существо. Поэтому я развернулся и в последний момент отпрыгнул в сторону.

Человекобык промчался мимо, как грузовой поезд, затем заревел от отчаяния и повернулся, но на этот раз не ко мне, а к матери, которая в этот момент усаживала Гроувера на траву.

Мы взобрались на вершину холма. По другую его сторону, точь-в-точь как говорила мать, я увидел долину и желтый свет в окнах фермерского дома, различимый сквозь дождь. Но все это примерно в полумиле. Нам никогда до них не добраться.

Человекобык заворчал, роя землю ногами. Теперь он смотрел на мою мать, которая медленно отступала вниз по холму, к дороге, стараясь отвлечь чудовище от Гроувера.

— Беги, Перси! — крикнула она мне. — Я не могу идти дальше. Беги!

Но я стоял на месте, застыв от страха, когда чудовище бросилось на нее. Мама попыталась увернуться, как советовала мне, но монстр усвоил урок. Выбросив вперед руку, он схватил ее за шею и не дал ей отскочить. Когда он поднял ее, мама продолжала бороться, руками и ногами колошматя по воздуху.

— Мама!

Она перехватила мой взгляд и сдавленным голосом снова выкрикнула:

— Беги!

Затем чудовище со злобным рычанием сомкнуло свои ручищи на шее моей матери, и она растаяла у меня на глазах, обратившись в свет, в мерцающую золотистую оболочку, как если бы была голографическим изображением. Ослепительная вспышка и... ее попросту не стало.

— Нет!

Мой страх сменился гневом. Вновь обретенные силы жгли меня изнутри — я почувствовал тот же прилив энергии, как тогда, когда увидел, как у миссис Доддз выросли когти.

Человекобык подобрался к Гроувру, беспомощно лежавшему на траве. Монстр сгорбился над ним, обнюхивая моего лучшего друга так, словно собирался поднять Гроувера и тоже заставить его исчезнуть.

Я не мог этого допустить!

Я сорвал с себя свой красный дождевик.

— Эй! — завопил я что было мочи, размахивая курткой и забегая

сбоку от монстра. — Эй, дурень! Кусок говядины!

— Р-р-р-ррррр! — Чудовище обернулось ко мне, потрясая своими увесистыми кулачищами.

У меня возникла мысль — возможно, глупая, но все лучше, чем совсем ничего. Прислонившись к большой сосне, я стал размахивать красной курткой перед человекобыком, рассчитывая в последний момент отпрыгнуть в сторону.

Но все случилось совсем не так.

Человекобык ринулся вперед слишком быстро, вытянув руки, чтобы схватить меня, куда бы я ни отпрянул.

Время замедлилось.

Мои ноги напряглись. Я не мог отскочить в сторону, поэтому я подпрыгнул вверх, оттолкнувшись, как от трамплина, от головы этого существа, перевернулся в воздухе, правда не слишком высоко, и приземлился прямо ему на шею.

Как только мне это удалось? Соображать было некогда. Долей секунды позже монстр со всего размаху врезался головой в дерево, и сила удара была такой, что мне чуть не вышибло зубы.

Человекобык, пошатываясь, стал бродить вокруг дерева, стараясь стряхнуть меня. Я вцепился в его рога, чтобы он меня не сбросил. Гром и молнии бушевали вовсю. Дождь застил мне глаза. Нос мой наполнился отвратительным запахом гнилого мяса.

Монстр замотал головой и взбрыкнул, как бык на ринге. Он мог просто повернуться к дереву и расплющить меня об него, как лепешку, но постепенно я понял, что эта тварь была запрограммирована только на движение вперед.

Между тем лежавший в траве Гроувер застонал. Я хотел было завопить, чтобы он заткнулся, но побоялся, что откушу себе язык, поскольку меня так мотает из стороны в сторону.

— Еды! — воззвал Гроувер.

Человекобык развернулся к нему, снова стал рыть землю и приготовился к нападению. Я вспомнил о том, как он выжал жизнь из моей матери, заставил ее исчезнуть, как вспышку света, и ярость разлилась по моим жилам, как легковоспламеняющееся горючее. Ухватившись обеими руками за один из рогов, я дернул его на себя что есть мочи. Чудовище напряглось, удивленно заворчал и вдруг — треск!

Человекобык завопил и подбросил меня в воздух. Я навзничь упал в траву. Голова моя с силой ударилась о камень. Когда я сел, перед глазами у меня стоял туман, но в руке я держал рог — зазубренную кость размером с

нож.

Монстр снова бросился на меня.

Даже не думая, что делаю, я перекатился с боку на бок и встал на колени. Когда чудовище пушечным ядром пронеслось мимо, я метнул сломанный рог прямо в его мохнатую грудную клетку.

Человекобык заревел в агонии. Он заметался на земле, терзая когтями грудь, а затем начал распадаться — не как моя мать, вспышкой золотистого света, а как крошащийся песок, который сдувает порыв ветра, совсем как миссис Доддз.

Монстр исчез.

Дождь кончился. Гроза продолжала бушевать, но уже где-то вдалеке. От меня разило, как от домашнего скота, колени тряслись. Голова, казалось, раскалывалась от боли. Я чувствовал себя слабым, перепуганным и содрогался от горя. Только что на моих глазах исчезла мама. Мне хотелось броситься на землю и разрыдаться, но надо было помочь Гроуверу, поэтому я не без труда поднял его на ноги, и мы, пошатываясь, побрели навстречу огням в окнах фермерского дома. Я плакал, звал маму, но в то же время крепко держал Гроувера — я не мог позволить ему умереть.

Последнее, что мне запомнилось, это как я рухнул на деревянное крыльцо, увидел вращавшийся надо мной вентилятор, вокруг которого вилась мошकारа, и суровые лица странно знакомого мне бородатого мужчины и хорошенькой девочки со светлыми, вьющимися, как у принцессы, волосами. Оба смотрели на меня, и девочка сказала:

— Это он. Иначе и быть не могло.

— Тише, Аннабет, — ответил мужчина. — Он все еще в сознании. Отведи его в дом.

Глава пятая

Я играю в безик с конем

Мне снились странные сны — настоящий скотный двор. Большинство животных хотело убить меня. Другие требовали есть.

Должно быть, я просыпался несколько раз, но то, что я слышал и видел, не имело никакого смысла, и я снова погружался в сон. Помню, как я лежал на мягкой постели и меня из ложечки кормили чем-то по вкусу похожим на маслянистый попкорн, только это был пудинг. Девочка с волнистыми светлыми волосами склонялась надо мной, ухмыляясь всякий раз, когда ей приходилось ложкой счищать кусочки еды у меня с подбородка.

— А что должно случиться в летнее солнцестояние? — спросила она, увидев, что я открыл глаза.

— Что? — хрипло переспросил я.

Девочка оглянулась, словно испугавшись, что кто-нибудь может нас услышать.

— Что происходит? Что-то украли? И у нас только несколько недель?

— Извини, — пробормотал я. — Я не...

Кто-то постучал в дверь, и девочка проворно запихнула мне в рот ложку пудинга.

Когда я в следующий раз очнулся, ее уже не было.

Рослый и крепкий красавчик, похожий на серфера, наблюдал за мной, стоя в углу спальни. У него были голубые глаза — как мне показалось, целая дюжина — на щеках, на лбу, на тыльной стороне ладоней.

* * *

Когда я окончательно пришел в себя, то вокруг меня не оказалось ничего странного, не считая того, что все было намного красивее, чем я привык. Я сидел в шезлонге на высоком крыльце, и взгляд мой скользил над лугами, упираясь в зеленые холмы, видневшиеся вдалеке. Легкий ветерок доносил аромат клубники. Ноги мои укрыли одеялом, под голову подложили подушку. Все это прекрасно, однако во рту у меня был такой вкус, будто там свили гнездо скорпионы. Все зубы болели, шершавый и

распухший язык едва ворочался.

На столике рядом со мной стоял высокий стакан с питьем. По виду оно напоминало холодный яблочный сок, на зеленую соломинку с бумажным зонтиком была насажена мараскиновая вишенка.

У меня так ослабели руки, что, взяв стакан, я чуть не выронил его.

— Осторожно, — произнес знакомый голос.

Гроувер стоял, прислонившись к перилам крыльца, с таким видом, будто он не спал целую неделю. Под мышкой он бережно держал коробку из-под ботинок. На нем были джинсы и ярко-оранжевая футболка с надписью: «ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОК». Старый добрый Гроувер — точь-в-точь как прежде. И никаких сатиров.

Так что, может, это был кошмар? Может, с мамой все в порядке? Сейчас по-прежнему выходные, и мы почему-то остановились в этом большом доме. И...

— Ты спас мне жизнь, — сказал Гроувер. — Я... что ж, я, по крайней мере, смог... вернуться на холм. Я подумал, что тебе этого хотелось.

Поклонившись, он поставил коробку мне на колени.

Внутри оказался черный с белым бычий рог, сломанный и зазубренный у основания, на острие запеклась кровь. Нет, это был не кошмар.

— Минотавр, — вспомнил я.

— Хм, Перси, не слишком хорошая мысль произносить это вслух...

— Так его называют в греческих мифах, да? — настойчиво повторил я. — Минотавр. Наполовину человек, наполовину бык.

Гроувер потоптался на месте.

— Ты был в отключке два дня. Что ты помнишь?

— Мама. Она действительно?..

Гроувер опустил глаза.

Я посмотрел вдаль, через луг. Там зеленели рощицы, вился, струясь, речной поток, под синим небом расстилались клубничные поля. Долину окружали округлые склоны холмов, и самый высокий, прямо перед нами, был тот, на котором росла раскидистая сосна. Даже это дерево на вершине казалось прекрасным в лучах солнца.

Итак, моя мать умерла. Весь мир станет черным и холодным. В нем уже не будет места прекрасному.

— Прости, — шмыгнул носом Гроувер. — От меня одни несчастья. Я... я самый плохой сатир в мире.

Он застонал, с такой силой топнув ногой о землю, что она отскочила. То есть я, конечно, хочу сказать, что с ноги соскочил высокий ботинок.

Внутри оказался пенопласт с отверстием для копыта.

— О Стикс! — пробормотал Гроувер.

В чистом небе раздались раскаты грома.

Пока Гроувер старался натянуть ботинок, я подумал: «Что ж, неплохо».

Гроувер был сатиром. Я почти не сомневался, что если сбрить его курчавые каштановые волосы, то под ними обнаружатся маленькие рожки. Но я чувствовал себя слишком несчастным, чтобы беспокоиться о существовании сатиров или даже минотавров. Все мои мысли сводились лишь к одному: моя мама обратилась в ничто, растворилась в желтом свете.

Я был один-одинешенек. Сирота. Мне придется жить с... Вонючкой Гейбом? Нет. Этого не будет. Сначала буду жить на улицах. Потом притворюсь, что мне семнадцать, и вступлю в армию. Что-нибудь придумаю.

Гроувер все еще хныкал. Бедный парень — бедный козел, сатир, да какая теперь разница, — он словно ждал, что его прибьют.

— Ты не виноват, — сказал я.

— Нет, это моя вина. Мой долг был — защищать тебя.

— Это моя мать попросила тебя, чтобы ты меня защищал?

— Нет. Но такая уж у меня работа. Я хранитель. По крайней мере... был.

— Но зачем... — У меня внезапно закружилась голова, перед глазами все поплыло.

— Не напрягайся, — испугался Гроувер. — На вот.

Он помог мне взять стакан и ухватить соломинку губами.

Вкус меня ошеломил, ведь я думал, что это яблочный сок. Ничего подобного. Это было шоколадное печенье. Жидкое печенье. Причем не какое-то там печенье — точно такое, синее, готовила дома мама, маслянистое и горячее, во рту просто таяло. По мере того как я втягивал в себя этот напиток, по всему телу разливалось приятное тепло, я ощущал приток энергии. Мое горе никуда не делось, просто я чувствовал себя так, словно мама, совсем как в детстве, поглаживает меня рукой по щеке, дает мне напиться и говорит, что все будет хорошо.

Я даже не заметил, как выпил стакан до дна. Я заглянул в него, уверенный, что там еще осталось теплое питье, однако в стакане оказались кубики льда, которые даже не успели раствориться.

— Понравилось? — спросил Гроувер.

Я кивнул.

— А какой у него примерно вкус? — В его голосе слышалась легкая зависть, так что я даже почувствовал себя виноватым.

— Прости. Надо было дать тебе попробовать.
Гроувер сделал большие глаза.
— Нет! Я совсем не то имел в виду. Просто так... замечтался.
— Шоколадный коктейль, — сказал я. — Мамин. Домашний.
— И как ты себя чувствуешь? — вздохнул Гроувер.
— Как будто могу отшвырнуть Нэнси Бобофит на сто ярдов.
— Это хорошо, — заявил Гроувер. — Это очень хорошо. Думаю, ты не рискнешь выпить больше этого напитка?
— Что ты имеешь в виду?
Он осторожно взял у меня пустой стакан, словно это был динамит, и поставил обратно на стол.
— Пошли. Хирон и мистер Д. ждут.

* * *

Крыльцо тянулось вокруг всего Большого дома.
Походка у меня была нетвердой, я еще не привык ходить так далеко. Гроувер предложил понести рог Минотавра, но я не выпустил коробку из рук. Слишком дорого достался мне этот сувенир. Теперь-то уж я с ним не расстанусь.

Когда мы достигли противоположного конца дома, я перевел дух. Мы находились, наверное, на северном берегу Лонг-Айленда, потому что с этой стороны долина простиралась до самой воды, которая поблескивала примерно в миле от нас. Лежавшее между нами и заливом пространство представлялось непостижимым, как мираж. Ландшафт был испещрен зданиями, напоминавшими древнегреческую архитектуру — открытый павильон, амфитеатр, круглая арена, — только все это выглядело новехоньким, и беломраморные колонны блестели на солнце. На посыпанной песком площадке неподалеку дюжина старшеклассников и сатиров играла в волейбол. По глади небольшого озера скользили лодки. Ребята в ярко-оранжевых футболках, таких же, как у Гроувера, гонялись друг за другом вокруг рассыпанных по лесу домиков. Некоторые стреляли по цели из лука. Другие катались верхом по лесной тропе, и, если это не галлюцинация, некоторые лошади были крылатыми.

В дальнем конце крыльца за карточным столиком сидели двое мужчин. Светловолосая девочка, кормившая меня с ложечки пудингом с запахом попкорна, облокотилась на перила рядом с ними.

Мужчина, сидевший лицом ко мне, был невысоким, но тучным.

Красный нос, большие водянистые глаза и вьющиеся волосы, такие черные, что они даже казались немного фиолетовыми. Он был похож на живописное изображение малютки ангела... как их называют... кверуфимами? Нет, херувимами. Так правильно. Он походил на херувима, который дожил до среднего возраста где-нибудь в маленьком городке. На нем была тигровой расцветки гавайская рубашка, и он смотрелся бы вполне уместно на каком-нибудь покерном вечере Гейба, хотя у меня создалось впечатление, что этот парень даст сто очков вперед моему отчиму.

— Это мистер Д., — шепнул мне Гроувер. — Он директор лагеря. Так что будь вежлив. Девочку зовут Аннабет Чейз. Она просто живет в лагере, но пробыла здесь дольше всех. А с Хироном ты уже знаком...

Он указал на мужчину, сидевшего напротив мистера Д., спиной ко мне.

Первое, что бросилось мне в глаза, — мужчина сидел в инвалидной коляске. Затем я узнал твидовый пиджак, редкие каштановые волосы, чахлую бородачку.

— Мистер Браннер! — воскликнул я.

Учитель латыни обернулся и с улыбкой посмотрел на меня. Глаза его блестели тем же озорным блеском, как в минуты, когда он устраивал всему классу очередной опрос и никому выше четверки не ставил.

— А, вот и славно, Перси, — сказал он. — Теперь нас как раз четверо, чтобы составить партию в безик.

Он предложил мне кресло справа от мистера Д., который посмотрел на меня налитыми кровью глазами и тяжело вздохнул.

— Ах да, совсем забыл, я ведь должен был сказать: «Добро пожаловать в Лагерь полукровок». Вот. А теперь не жди, что я буду радоваться встрече с тобой.

— Уф, спасибо, — сказал я, отодвинувшись от него чуть подальше, потому что из общения с Гейбом твердо научился определять, кто из взрослых любитель веселящего напитка, а кто нет.

Если мистер Д. был трезвенником, то я, простите, сатир.

— Аннабет! — окликнул мистер Браннер светловолосую девочку. Она подошла к нам, и учитель нас познакомил. — Эта молодая леди выходила тебя, Перси, и поставила на ноги. Аннабет, дорогая, почему бы тебе не пойти и не проверить, приготовили ли койку для Перси? Пока поселим его в домике номер одиннадцать.

— Конечно, Хирон, — ответила Аннабет.

Она была моей ровесницей, может, на пару дюймов повыше и намного более атлетического сложения. С ровным загаром и волнистыми белокурыми волосами — в моем представлении она выглядела как

типичная калифорнийская девчонка, если бы этот образ не разрушали ее глаза. Они были поразительные, темно-серые, как грозовые тучи, красивые, но внушающие невольную робость, так, словно эта девчонка обдумывала, как лучше втянуть меня в драку.

Аннабет бросила взгляд на рог Минотавра в моей руке, затем снова посмотрела на меня. Я воображал, что она скажет: «Ты убил Минотавра!», или: «Ух ты, такой бесстрашный!», или что-то в этом роде.

Но девчонка выпалила:

— А ты, когда спишь, пускаешь слюни!

Затем она стремительно бросилась вниз по лужайке, ее белокурые волосы развевались на ветру.

— Так вы, значит, работаете здесь, мистер Браннер? — сказал я, стараясь как можно скорее сменить тему.

— Я не мистер Браннер, — ответил мой бывший учитель. — Скорей, это был мой псевдоним. Можешь называть меня Хирон.

— О'кей. — Окончательно смутившись, я посмотрел на директора. — А мистер Д... это тоже что-то означает?

Мистер Д. перестал тасовать карты. Он посмотрел на меня так, будто я только что громко рыгнул.

— Молодой человек, имена могущественны. Не надо употреблять их всуе.

— О да! Конечно. Простите.

— Должен сказать, Перси, — вмешался Хирон-Браннер, — я рад видеть тебя в живых. Прошло уже много времени, с тех пор как меня уведомили об одном потенциальном обитателе нашего лагеря. Не хотелось бы думать, что я попусту потратил время.

— Вас уведомили?

— Я целый год провел в Йэнси, чтобы подготовить тебя. Конечно, у нас есть сатиры в большинстве школ, они ведут наблюдение. Но Гроувер предупредил меня сразу после встречи с тобой. Он почуял в тебе что-то необычное, поэтому я решил сам приехать и посмотреть на тебя. Я убедил другого латиниста... ну, скажем, взять отпуск.

Я постарался вспомнить начало учебного года. Это казалось очень далеким прошлым, но все равно во мне всплыло смутное воспоминание о том, что первую неделю в Йэнси у нас был другой латинист. Затем, без всяких объяснений, он исчез, и класс принял мистер Браннер.

— Вы приехали в Йэнси только ради того, чтобы учить меня?

Хирон кивнул.

— Если начистоту, сначала я не был в тебе уверен. Мы связались с

твоей матерью и объяснили ей, что наблюдаем за тобой на случай, если ты будешь готов для Лагеря полукровок. Но тебе еще так многому нужно было научиться. Тем не менее ты попал сюда живым, а значит, прошел первое испытание.

— Гроувер, — нетерпеливо спросил мистер Д., — так ты играешь или нет?

— Да, сэр!

Гроувер, весь трепеща, сел в четвертое кресло, хотя я никак не мог понять, почему он так боится этого низенького толстяка в тигровой гавайской рубашке.

— Ты знаешь, как играть в безик? — подозрительно покосился на меня мистер Д.

— Боюсь, что нет.

— Боюсь, что нет, сэр, — поправил он.

— Сэр, — повторил я.

Директор нравился мне все меньше и меньше.

— Ладно, — сказал мистер Д., — однако знай, что наряду с гладиаторскими боями это одна из величайших игр, придуманных людьми. Я ожидал, что все цивилизованные молодые люди знакомы с ее правилами.

— Уверен, мальчик скоро научится, — вмешался Хирон.

— Пожалуйста, — попросил я, — скажите мне, что это за место? И что я здесь делаю? Мистер Бр... Хирон, зачем вы поехали в Йэнси? Только ради того, чтобы учить меня?

— Я его тоже об этом спрашивал, — фыркнул мистер Д.

Директор лагеря сдал карты. Гроувер вздрагивал всякий раз, когда карта падала в его кучку.

Хирон ободряюще улыбнулся мне, как обычно делал это на уроках латыни, словно для того, чтобы я понял, что вне зависимости от уровня подготовки я его первый ученик. Он ждал от меня правильного ответа.

— Перси, твоя мать ничего тебе не рассказывала? — спросил он.

— Она сказала... — Я вспомнил ее печальный взгляд, устремленный на море. — Она говорила, что боится отправлять меня сюда, хотя отец и хотел этого. Она сказала, что, как только я попаду сюда, скорей всего, не смогу выбраться. А ей хотелось, чтобы я был рядом с ней.

— Типичный случай, — заключил мистер Д. — Вот почему их обычно убивают. Так вы объявляете масть, молодой человек?

— А как?

Он с раздражением объяснил мне, как объявляют масть в безике, и я так и сделал.

— Боюсь, слишком многое придется рассказывать, — вздохнул Хирон. — Боюсь, нашего обычного ознакомительного фильма не хватит.

— Ознакомительного фильма? — переспросил я.

— Нет. — Хирон принял решение. — Послушай, Перси. Тебе известно, что твой друг Гроувер — сатир. Тебе известно, что ты убил Минотавра. — Он указал на рог в коробке из-под ботинок. — А это дорогого стоит, мой мальчик. А вот что ты вряд ли знаешь — это то, что в твоей жизни действуют могущественные силы. Боги — те силы, которые вы называете греческими богами, — очень даже живы.

Я уставился на остальных участников игры.

Я ожидал, что кто-нибудь из них пронзительно вскрикнет: «Нет!» Но вместо этого мистер Д. завопил:

— У меня королевский марьяж. Взятка! Взятка!

Он забормотал, подсчитывая свои очки.

— Мистер Д., — робко спросил Гроувер, — если вы не собираетесь съесть вашу банку из-под диетической колы, можно я возьму ее?

— Что? Бери, не стесняйся.

Откусив здоровенный кусок от пустой алюминиевой банки, Гроувер принялся скорбно жевать его.

— Постойте, — сказал я Хирону, — вы ведь сами объясняли мне, что такое Бог.

— Что ж, — пожевал губами Хирон, — да, Бог — это заглавная буква. Бог. Но не будем вдаваться в метафизику.

— Метафизику? Но вы говорили о...

— Ах да, о богах во множественном числе. Великие существа, которые контролируют силы природы и человеческие усилия. Бессмертные боги Олимпа. Они рангом поменьше.

— Поменьше?

— Да, именно. Боги, о которых мы беседовали на уроках латыни.

— Зевс, — сказал я, — Гера, Аполлон. Вы про них?

И снова в безоблачном небе где-то вдали раздался удар грома.

— Молодой человек, — произнес мистер Д., — будь я на вашем месте, я бы действительно не стал так легкомысленно разбрасываться этими именами.

— Но это же все вымысел, — возразил я. — Это мифы, которые создавали, чтобы объяснять молнии, смену времен года, ну и прочее. Это то, во что люди верили, пока не появилась наука.

— Наука! — издевательски усмехнулся мистер Д. — А вот скажи мне, Персей Джексон... — Я вздрогнул, потому что он назвал мое настоящее

имя, про которое я никогда никому не рассказывал, — что люди будут думать о твоей «науке» через две тысячи лет? А? Назовут ее примитивным «мумбо-юмбо». Вот так. О, как я люблю смертных — у них абсолютно отсутствует чувство перспективы. Они считают, что так далеко-о-о продвинулись во всем... Так ли это, Хирон? Посмотри на этого мальчика и скажи мне.

Мне не особенно нравился мистер Д., но было что-то такое в том, что он назвал меня «смертным», как будто... сам им не был. Этого хватило, чтобы у меня комок застрял в горле, и я начал понимать, почему Гроувер так прилежно следит за своими картами, жует банку из-под колы и держит рот на замке.

— Перси, — сказал Хирон, — хочешь верь, хочешь нет, но бессмертный и означает бессмертный. Ты хоть на мгновение можешь представить себе, что никогда не умрешь? Никогда не исчезнешь? А будешь существовать вечно, таким, какой ты есть?

Я хотел было отделаться отговоркой, сказав, что это славная мысль, но что-то в голосе Хирона заставило меня усомниться, стоит ли это говорить.

— Вы имеете в виду, что это важно: верят люди в них или нет? — спросил я.

— Именно, — согласился Хирон. — Если бы ты был богом, то как бы тебе понравилось, что тебя называют мифом, старой легендой, которая объясняет происхождение молнии? А если я скажу тебе, Персей Джексон, что когда-нибудь люди назовут мифом тебя, мифом, который объясняет, как маленькие мальчики справляются с потерей своих матерей?

Сердце тяжело забилося у меня в груди. Хирон почему-то пытался разозлить меня, но я решил не поддаваться.

— Мне бы понравилось, — ответил я. — Вот только я не верю в богов.

— Ох, уж лучше поверь, — пробормотал мистер Д., — пока один из них не испепелил тебя.

— П-по-жа-луй-ста, сэр, — заикаясь, сказал Гроувер. — Просто он недавно потерял мать и теперь в шоке.

— Этого только не хватало, — проворчал мистер Д., разыгрывая карту. — Мало мне того, что приходится заниматься этой жалкой работой, так еще надо возиться с мальчишками, которые даже не верят!

Он махнул рукой, и на столе появился кубок, словно солнечный свет, опустившись на мгновение, соткал стекло из прядей воздуха. Кубок сам собой наполнился красным вином.

У меня челюсть отвисла, но Хирон как будто бы ничего и не заметил.

— Мистер Д., — предупредил он, — подумайте о диете.

Мистер Д. с притворным удивлением посмотрел на вино.

— Боже. — Он уставился на небеса и возопил. — Старая привычка! Прости!

И снова слышался гром.

Мистер Д. опять взмахнул рукой, и вместо кубка на столе появилась новая банка с диетической колой. Мистер Д. горестно вздохнул, открыл банку и вернулся к игре.

Хирон подмигнул мне.

— Как-то мистер Д. оскорбил своего отца, заведя шуры-муры с лесной нимфой, которая отличалась крайней распущенностью.

— Лесной нимфой, — тупо повторил я, уставясь на банку с колой так, словно она попала сюда из космоса.

— Да, — признался мистер Д. — Отец любит наказывать меня. На первый раз он объявил «сухой закон». Ужасно! Жуткие десять лет! Во второй раз... ну, она действительно была хорошенькая, и я не мог устоять... во второй раз он послал меня сюда. На Холм полукровок. В летний лагерь для таких мальчишек, как ты. «Покажи хороший пример, — сказал он мне. — Поработай с молодежью вместо того, чтобы оказывать на нее пагубное влияние». Ха! Какая несправедливость.

У мистера Д. вдруг сделался обиженный вид, как у шестилетнего ребенка.

— Значит... — запинаясь, произнес я, — ваш отец...

— *Di immortales*,^[4] Хирон, — вздохнул мистер Д., — я думал, ты обучил этого мальчика основам. Разумеется, мой отец — Зевс.

Я пробежал все известные мне имена на «Д» из греческой мифологии. Вино. Тигровая рубашка. Сатиры, которые, казалось, все работают здесь. Раболепие Гроувера, словно мистер Д. был его хозяином.

— Вы Дионис, — выдохнул я. — Бог вина.

Мистер Д. выпучил глаза.

— Что они говорят сегодня, Гроувер? Когда пьют? Неужели даже дети говорят: «Хорошо пошла»?!

— Д-да, мистер Д.

— Тогда «хорошо пошла», Перси Джексон. А может, ты решил, что я Афродита?

— Так вы — бог?

— Да, дитя мое.

— Бог... Вы...

Он в упор посмотрел на меня, и я заметил пурпурный отблеск в его глазах, наводящий на мысль, что этот капризный маленький толстяк

показывал мне только крохотную частицу своей подлинной природы. Передо мной предстали видения, в которых винная лоза душила тех, кто не верил в божество винопития, и обезумевшие от вина воины, жаждавшие битв, и матросы, пронзительно вопившие, видя, как их руки превращаются в плавники, а лица удлиняются наподобие дельфиньих морд. Я понял, что, если буду и дальше злить его, мистер Д. учинит надо мной что-нибудь пострашнее. Скажем, заразит мой мозг болезнью, из-за которой остаток жизни мне придется провести в смиренной рубашке в одиночной палате, обитой войлоком.

— Хочешь проверить меня, дитя мое? — спокойно спросил он.

— Нет. Нет, сэр.

Огонь в его глазах погас. Мистер Д. вернулся к картам.

— Полагаю, я выиграл.

— Не совсем, мистер Д., — возразил Хирон. Он выложил перед собой «стрит», подсчитал очки и сказал: — Игра моя.

Я решил, что мистер Д. уничтожит Хирона прямо на месте, в инвалидной коляске, но тот просто засопел, как будто привык проигрывать латинисту. Он встал, Гроувер тоже поднялся.

— Что-то я устал, — объявил мистер Д. — Надо бы вздремнуть перед вечерней спевкой. Но сначала, Гроувер, нам надо потолковать еще разок о твоём, мягко говоря, неудовлетворительном выполнении задания.

— Д-да, сэр. — Лицо Гроувера покрылось капельками пота.

— Домик номер одиннадцать, Перси Джексон, — обернулся ко мне мистер Д. — И следите за своими манерами.

Он проследовал в дом. Гроувер поплелся за ним — на него было жалко смотреть.

— С Гроувером все будет в порядке? — спросил я Хирона.

Хирон кивнул, хотя вид у него был несколько встревоженный.

— Старина Дионис на самом деле не сумасшедший. Просто ему опротивела эта работа. Его «опустили», как, наверное, сказал бы ты, и он не может дожидаться еще век, пока ему будет разрешено вернуться на Олимп.

— Гора Олимп, — пробормотал я. — Вы ведь говорили мне, что такое место есть на самом деле?

— Да, в Греции есть гора Олимп. И там место обитания богов, точка, в которой сходятся их силы, действительно существовавшие на горе Олимп. Гора продолжает называться Олимпом из уважения к старине, но чертог перемещается, Перси, так же как перемещаются и боги.

— Вы имеете в виду, что греческие боги здесь? В... Америке?

— Ну конечно. Боги перемещаются вместе с сердцем западного мира.

— С чем?

— Не тормози, Перси. С тем, что вы называете «западной цивилизацией». Ты думаешь, это абстрактное понятие? Нет, это живая сила. Коллективное сознание, которое ярко пылает на протяжении тысяч лет. Боги — часть этого. Можно даже сказать, что они — его источник или, по крайней мере, так тесно связаны с ним, что не могут стереться из памяти, пока не будет уничтожена вся западная цивилизация. Огонь зажегся в Греции. Затем, как тебе известно, поскольку ты слушал мой курс, сердце огня переместилось в Рим, а вслед за ним и боги. О, возможно, им и давали другие имена — так, Зевса называли Юпитером, Афродиту Венерой и так далее, — но могущество, как и сами боги, оставалось неизменным.

— А потом они умерли.

— Умерли? Нет. Разве Запад умер? Боги просто на время перемещались в Германию, Францию, Испанию. Там, где пламя пылало ярче всего, — там были и боги. Несколько столетий они провели в Англии. Тебе нужно всего лишь взглянуть на архитектуру. Люди не забывают богов. В каждом месте, где они правили последние три тысячи лет, ты можешь увидеть их на картинах, в мраморе, на порталах главных зданий. И конечно, Перси, сейчас они в Соединенных Штатах. Взгляни на ваш символ — это орел Зевса; взгляни на статую Прометея в Рокфеллеровском центре, на греческие фасады ваших правительственных зданий в Вашингтоне. Назови-ка мне хоть один американский город, где олимпийцы не были бы представлены в самых разнообразных местах. Нравится тебе это или нет — кстати, поверь, многие не были в таком уж восторге от Рима, — сердце огня ныне в Америке. Это великая западная держава. Поэтому и Олимп здесь. И мы тоже.

Все это было для меня чересчур, особенно то, что Хирон словно бы и меня причислял к ним, так, будто я принадлежал к какому-то клубу.

— Кто вы, Хирон? И кто... кто я?

Хирон улыбнулся. Он изменил позу, будто собирался встать со своего кресла, но я знал, что это невозможно. Вся его нижняя часть была парализована.

— Кто ты? — в раздумье пробормотал он. — Это вопрос, на который мы все хотим получить ответ, разве не так? А пока мы предоставляем тебе койку в одиннадцатом домике. Там ты встретишь новых друзей. И у тебя будет масса времени, чтобы подготовиться к завтрашним занятиям. Кроме того, вечером у костра состоится традиционное угощение с маршмеллоу^[5] и сэндвичами из шоколада и крекеров, а я просто обожаю шоколад.

С этими словами Хирон стал подниматься из своей коляски. Но было что-то странное в том, как он это делал. Одеяло, прикрывавшее его ноги, упало, но сами ноги не двигались. Тело удлинялось, вырастая над поясницей. Сначала я подумал, что на нем очень длинная белая бархатистая нижняя рубашка, но Хирон все продолжал подниматься, становясь выше любого человека, и я понял, что бархатное белье и не белье вовсе. Это был торс животного, мускулистый и жилистый под жесткой белой шерстью. А инвалидная коляска оказалась отнюдь не коляской. Это было нечто вроде контейнера, огромного ящика на колесах, и тут, наверное, примешалось какое-то волшебство, потому что он не мог вместить Хирона. На свет явилась длинная узловатая нога с большим отполированным копытом. Затем другая, затем бедра, и ящик опустел — металлическая скорлупа с приделанными к ней муляжами человеческих ног.

Я устоял на лошадь, явившуюся мне из инвалидного кресла: передо мной предстал крупный белый жеребец. Но вместо шеи у него был торс моего учителя латыни, мягко переходящий в конское туловище.

— Какое облегчение! — произнес кентавр. — Меня засадили туда так надолго, что шерсть над копытами совсем слежалась. Итак, вперед, Перси Джексон. Пора познакомиться с другими обитателями лагеря.

Глава шестая

Я становлюсь верховным повелителем туалета

Как только я свыкся с фактом, что мой учитель латыни — конь, мы с ним совершили замечательную прогулку, хотя я был достаточно осторожен, чтобы не идти прямо позади него. Несколько раз мне пришлось исполнять роль уборщика, которые чистят улицы перед Днем благодарения, и, как ни жаль, я не мог положиться на нижнюю лошадиную половину Хирона так же, как полагался на его человеческую часть.

Мы прошли мимо волейбольной площадки. Там подпрыгивали и разминались несколько жителей лагеря. Один указал на рог Минотавра, который я по-прежнему держал в руке. Другой сказал: «Это он».

Большинство ребят выглядели старше меня. Их друзья-сатиры были крупнее Гроувера, и все они, как один, щеголяли в оранжевых футболках с надписью «Лагерь полукровок» — это единственное, что прикрывало их лохматые бедра. Обычно я не такой уж стыдливый, но взгляды, которые они бросали на меня, заставляли испытывать некоторую неловкость. Возникало ощущение, что они ждут, что я вот-вот сделаю сальто или отмочу что-нибудь еще.

Я оглянулся на дом. Он оказался намного больше, чем я полагал: четырехэтажный, небесно-голубой с белой отделкой, он напоминал солидный приморский дом отдыха. Я рассматривал бронзовый флюгер в виде орла, когда что-то привлекло мой взгляд — тень, скользнувшая в верхнем окне классического фронтона. Кто-то отодвинул занавеску всего на мгновение, но у меня возникло отчетливое впечатление, что за мной следят.

— Что это там наверху? — спросил я Хирона.

Хирон посмотрел, куда я указываю, и лицо его омрачилось.

— Просто чердак, — ответил он.

— Там кто-то живет?

— Нет, — категорически заявил он. — Ни одна живая душа.

Мне показалось, что он говорит правду. Но в то же время я не сомневался и в том, что кто-то подсматривал за нами из-за занавески.

— Пошли дальше, Перси, — сказал Хирон, его беззаботный тон прозвучал теперь несколько натянуто. — Нам надо еще многое увидеть.

Мы пересекли клубничные поля, где обитатели лагеря собирали ягоды в большие корзины, пока сатир наигрывал на тростниковой дудочке.

Хирон сказал, что лагерь собирает достаточно большой урожай, чтобы отправлять его в нью-йоркские рестораны и на Олимп.

— Это покрывает наши расходы, — пояснил он. — К тому же клубника почти не нуждается в уходе.

Кентавр сказал, что мистер Д. оказывает благоприятный эффект на растения: они начинают плодоносить со страшной силой, когда он оказывается поблизости. Лучше всего это срабатывало с винной лозой, но мистеру Д. было запрещено выращивать виноград, поэтому пришлось переключиться на клубнику.

Я посмотрел на сатира, игравшего на дудочке. Его мелодия заставляла побеги клубники разрастаться в разные стороны, наподобие людей, бегущих из горящего дома. Я подумал, смог ли бы Гроувер оказать подобное магическое воздействие своей музыкой. Еще я подумал: сидит ли он сейчас в Большом доме, выслушивая нотации мистера Д.

— У Гроувера не будет серьезных неприятностей? — спросил я Хирона. — Я имею в виду... он был хорошим защитником, правда.

Хирон вздохнул. Он снял твидовый пиджак и, скатав его, положил себе на спину наподобие седла.

— Гроувер слишком многого хочет, Перси. Вероятно, его мечты выходят за пределы возможного. Чтобы добиться своей цели, он сначала должен проявить больше мужества и преуспеть как хранитель, отыскав нового обитателя лагеря и благополучно доставив его на Холм полукровок.

— Но он же это сделал!

— Хотелось бы мне согласиться с тобой, — покачал головой Хирон. — Но тут не мне судить. Решать должны Дионис и Совет козлоногих старейшин. Боюсь, они могут расценить его действия как провал. В конце концов, Гроувер потерял тебя в Нью-Йорке. Затем злосчастная... судьба твоей матери. И то, что Гроувер был без сознания, когда ты тащил его сюда. Совет может усомниться, что это свидетельствует о мужестве Гроувера.

Мне захотелось возразить. Ничто из этого не было виной Гроувера. Я сам чувствовал себя очень-очень виноватым.

Если бы я не удрал от Гроувера на автобусной остановке, у него не было бы неприятностей.

— Ему дадут еще один шанс?

Хирон поморщился.

— Боюсь, что это и был второй шанс Гроувера. Однако Совет не особенно беспокоился, предоставив ему еще одну возможность после того, что случилось пять лет назад. На Олимпе знают: я советовал Гроувелу как следует выждать, прежде чем пробовать снова. Он еще слишком юный...

— И сколько же ему?

— Двадцать восемь.

— Что?! И он — шестиклассник?

— Сатиры достигают зрелости вполтину медленнее, чем люди, Перси. Последние шесть лет Гроувер мог считаться учеником средней школы.

— Это ужасно.

— Согласен, — кивнул Хирон. — В любом случае Гроувер расцвел поздно, даже по меркам сатиров, и не вполне уверенно чувствует себя в лесном волшебстве. Увы, ему не давала покоя его мечта. Возможно, теперь он подыщет себе какую-нибудь другую карьеру...

— Это несправедливо, — сказал я. — А что случилось в первый раз? Это был такой тяжкий проступок?

— Давай двигаться быстрее, ладно? — Хирон быстро отвел взгляд.

Но я не собирался с такой готовностью менять тему. Что-то изменилось во мне, когда Хирон упомянул о судьбе моей матери, как будто намеренно избегая слова «смерть». Зачатки мысли — крохотный, вселяющий надежду огонек — забрезжили в моем уме.

— Хирон, — начал я, — если боги, Олимп и все это взаправду...

— То что, дитя мое?

— Означает ли это, что подземный мир тоже существует на самом деле?

Выражение лица Хирона стало совсем сумрачным.

— Да, дитя мое. — Он помолчал, словно как можно тщательнее подбирая слова. — Есть место, куда души отправляются после смерти. Но теперь... пока мы не узнали больше... прошу тебя, выбрось это из головы.

— «Пока мы не узнали больше»? Что ты имеешь в виду?

— Вперед, Перси. Посмотрим на лес.

* * *

Когда мы приблизились, я понял, насколько огромен раскинувшийся перед нами лес. Он занимал по меньшей мере четверть долины, и деревья в

нем росли такие высокие и толстые, что вряд ли можно было представить, что сюда забредал кто-нибудь со времен аборигенов Америки.

— В лесах небезопасно. Можно, конечно, надеяться на удачу, но лучше вооружиться, — сказал Хирон.

— Небезопасно? — переспросил я. — Чем вооружиться?

— Увидишь. Сегодня ночь с пятницы на субботу. У тебя есть собственный меч и щит?

— Собственный меч?..

— Нет, — констатировал Хирон. — Так я и думал. Думаю, пятый размер подойдет. Попозже заеду в оружейную лавку.

Я хотел спросить: что это за летний лагерь, где есть оружейная лавка, но мне и так было о чем подумать, и мы продолжили путешествие. Мы осмотрели тир для стрельбы из лука, озеро, в котором соревновались гребцы на лодках, конюшни (кажется, они кентавру не очень-то нравились), плац для метания дротиков, амфитеатр и арену, где, по словам Хирона, устраивались бои на мечах и копьях.

— Бои на мечах и копьях? — опять переспросил я.

— Один домик вызывает другой, ну и так далее, — объяснил Хирон. — Летальный исход не обязателен. Как правило. А, да, вот и место, где можно перекусить.

Мой бывший учитель указал на открытый павильон, обрамленный белыми греческими колоннами; он стоял на холме, откуда был отличный вид на море. В павильоне стояло около дюжины каменных столов для пикника. Никаких стен. И никакой крыши.

— А что вы делаете, когда идет дождь? — спросил я.

Хирон как-то странно покосился на меня.

— Трапеза нам еще предстоит.

Я решил оставить эту тему.

Наконец он показал мне домики, двенадцать штук. Они уютно устроились в лесу возле озера. Расположены они были буквой «U»: два стояли у основания, остальные растянулись по пять в ряд с каждой стороны. И, вне всякого сомнения, эти строения представляли собой самые причудливые здания, которые мне только доводилось видеть.

Не считая того, что у каждого на двери красовался большой медный номер (нечетные слева, четные справа), они были совершенно не похожи друг на друга. Над номером девять, как над крохотной фабрикой, высились дымовые трубы. Стены четвертого номера были увиты побегами томатов, а крыша сложена из самой обычной травы. Номер седьмой казался сделанным из литого золота, которое так сверкало на солнце, что смотреть

на него было практически невозможно. Все они выходили на общую площадку размером с футбольное поле, уставленную изваяниями греческих богов, фонтанами, цветочными клумбами и — что больше всего меня развеселило — парой баскетбольных корзин.

В середине поля была большая, выложенная камнем яма для костров. Хотя день стоял теплый, очаг дымился. Девочка лет девяти не давала пламени угаснуть, вороша угли палочкой.

Два домика в начале поля, номер второй и первый, напоминали парные мавзолеи — большие беломраморные ящики с тяжелыми колоннами по фронтому. Домик номер один был самым большим и массивным из всех двенадцати. Его полированные бронзовые двери поблескивали, как голограмма, так что — как ни взгляни — казалось, по ним пробегают молнии. Второй домик выглядел в некотором смысле более изящным: его колонны, увитые гирляндами гранатов и цветов, были тоньше и стройнее. Стены украшали высеченные в камне павлины.

— Зевс и Гера? — высказал я свою догадку.

— Верно, — ответил Хирон.

— Их домики кажутся пустыми.

— Это правда. Но не только их, еще несколько. Никто никогда не останавливается ни в одном из них.

О'кей. Значит, у каждого домика имелся свой бог, наподобие талисмана. Двенадцать домиков для двенадцати олимпийцев. Но почему некоторые пустуют?

Я остановился перед первым домиком слева — домиком номер три.

Не такой большой и не производит такого мощного впечатления, как первый, напротив — длинный, невысокий и крепкий. Стены снаружи сделаны из грубого серого камня с вкрапленными в них кусочками ракушек и кораллов, так, будто глыбы эти подняли прямо с океанского дна. Я заглянул было в открытую дверь, но Хирон вмешался:

— А вот этого я бы делать не стал!

Прежде чем он успел оттащить меня от двери, я уловил исходивший изнутри соленый запах — так пах ветер на берегу Монтаука. Внутри стены переливались, как морские раковины. Там стояло шесть пустых кроватей, застеленных шелковыми простынями. Но не было ни малейшего признака, чтобы кто-нибудь когда-нибудь на них спал. Место выглядело настолько печальным и заброшенным, что я обрадовался, когда Хирон положил руку мне на плечо и сказал:

— Пошли дальше, Перси.

Почти все остальные домики были переполнены обитателями лагеря.

Номер пятый был ярко-красный и ужасно выкрашенный, будто краску на него выплескивали ведрами и горстями. По крыше протянулась колючая проволока. Чучело головы вепря нависало над дверью, и казалось, его глазки следят за мной. Внутри я увидел кучу-малу невзрачных мальчишек и девчонок, они занимались армрестлингом и спорили под оглушительные звуки рок-музыки. Громче всех вопила девчонка лет тринадцати-четырнадцати. Под ее камуфляжной курткой виднелась футболка «Лагерь полукровок» размера XXXL. Она стрельнула в меня глазами и злорадно ухмыльнулась. Она напомнила мне Нэнси Бобофит, хотя девчонка из лагеря была крупнее и крепче и ее свисавшие длинными патлами волосы были каштановые, а не рыжие.

Я пошел дальше, стараясь не попасть под копыта Хирона.

— Мы еще не видели ни одного кентавра, — заметил я.

— Да, — печально согласился Хирон. — Мои сородичи — дикий и варварский народ, боюсь, это так. Ты можешь встретить их в дебрях леса, в какой-нибудь пустоши и на крупнейших спортивных состязаниях. Здесь мы их вряд ли увидим.

— Вы сказали, что вас зовут Хирон. Так вы действительно... — Он с улыбкой посмотрел на меня. — ...Хирон из мифов? Воспитатель Геракла и тому подобное?

— Да, Перси, это я.

— Но разве вы не умерли?

Хирон помолчал, словно мой вопрос заинтриговал его.

— Честно сказать, не знаю. Суть в том, что я не могу умереть. Видишь ли, несколько тысяч лет назад боги удовлетворили мое желание. Я смог продолжить заниматься любимой работой. Я могу быть воспитателем героев, пока человечество нуждается во мне. Дело было трудное... но и отдачу я получал немалую. Однако я по-прежнему здесь, поэтому могу только предполагать, что во мне еще нуждаются.

Я подумал о том, каково это — быть наставником три тысячи лет. А я так и не смог придумать десять главных занятий для списка «Кем я хочу стать».

— И вам не скучно?

— Нет, нет, — помотал головой Хирон. — Временами возникает ужасное гнетущее чувство, но скучно... нет, никогда.

— Почему гнетущее?

Хирон снова притворился, что недослышал.

— Погляди, — сказал он, — нас ждет Аннабет.

Белокурая девочка, которую я встретил в Большом доме, читала книгу перед последним домиком слева — одиннадцатым по счету.

Когда мы подошли, она окинула меня критическим взглядом, словно думая, сколько слюней я еще напустил.

Я попытался разглядеть, что она читает, но так и не рассмотрел заглавия. Я решил было, что дело в моей дислексии. Потом понял, что название даже не английское. Буквы выглядели как греческие. Я имею в виду, на самом деле оказались греческими. Там были картинки, изображавшие храмы, статуи и разные типы колонн, как в учебнике по архитектуре.

— Аннабет, — обратился к ней Хирон, — в полдень у меня мастер-класс по стрельбе из лука. Приведешь Перси?

— Да, сэр.

— Жилище номер одиннадцать. — Кентавр указал мне на дверь. — Чувствуй себя как дома.

Из всех домиков одиннадцатый больше всего напоминал стандартный домик летнего лагеря, только все тут было старое. Разбитый порог, шелушащаяся коричневая краска. Над дверью помещался один из символов врачевания: крылатый жезл, вокруг которого обвились две змеи. Как же они называли его?.. Ах да, кадуцей.

Внутри домик был битком набит народом, мальчишками и девчонками, их число намного превышало количество коек. По всему полу валялись спальные мешки. Все вместе это напоминало физкультурный зал, в котором Красный Крест расположил эвакуационный центр для беженцев.

Хирон не стал заходить внутрь. Притолока была слишком низкой для него. Но при виде учителя все встали и почтительно ему поклонились.

— Что ж, вот и хорошо, — сказал кентавр. — Удачи тебе, Перси. Увидимся за ужином.

И он галопом припустил к стрельбищу лучников.

Я стоял в дверях, глядя на ребят. Они уже больше не кланялись. Теперь они оценивающе глазели на меня. Это была обычная рутина. Я проходил через эту процедуру во многих школах.

— Ну, — поторопила Аннабет. — Иди.

Стараясь держаться как можно естественнее, я устремился внутрь, споткнулся и выставил себя на всеобщее посмеище. Любителей похихикать в домике было явно немало, но никто не издал ни звука.

— Перси Джексон, познакомься с обитателями домика номер одиннадцать, — объявила Аннабет.

— Обычный или неопознанный? — спросил кто-то.

Я не знал, что ответить, но Аннабет сказала:

— Неопознанный.

Все вздохнули.

Вперед вышел парень чуть постарше остальных.

— Ну, давайте, ребята, чего вы? Для того мы и здесь. Добро пожаловать, Перси. Можешь занять это место на полу, вот тут.

Парню было лет девятнадцать, и держался он молодцом. Симпатичный — высокий и мускулистый, с коротко подстриженными рыжеватыми волосами и дружелюбной улыбкой. Он носил безрукавку с круглым вырезом, подрезанные до колен джинсы и сандалии, а на шее у него висел кожаный шнурок с пятью разного цвета глиняными бусинами. Единственное, что настораживало в его внешности, был широкий белый шрам, тянувшийся от правого глаза к подбородку, словно кто-то полоснул этого парня ножом.

— Это Лука, — сказала Аннабет, и в голосе ее появились какие-то новые нотки.

Я посмотрел на нее и могу поклясться, что она зарделась. Она увидела, что я уставился на нее, и выражение лица у девочки снова стало строгое.

— Пока он твой вожатый.

— Пока? — переспросил я.

— Ты неопознанный, — терпеливо объяснил Лука. — Они не знают, в какой домик тебя поселить, поэтому поселили сюда. В домике номер одиннадцать собираются все новички, все вновь пришедшие. И это естественно. Наш покровитель Гермес — бог странников.

Я посмотрел на узенький участок пола, который мне отвели. У меня не было ничего, что бы я мог положить туда, застолбив это место как свое: ни багажа, ни одежды, ни спального мешка. Только рог Минотавра. Я хотел положить его туда, но потом вспомнил, что Гермес был также и богом воров.

Я оглянулся: у некоторых ребят был унылый и подозрительный вид, другие глупо ухмылялись, а кое-кто поглядывал на меня так, словно только и поджидал случая обчистить мои карманы.

— И долго я здесь пробуду? — спросил я.

— Хороший вопрос, — сказал Лука. — Пока не определишься.

— А сколько это может занять?

Все расхохотались.

— Пошли, — велела Аннабет. — Я покажу тебе волейбольную площадку.

— Я ее уже видел.

— Пошли.

Схватив меня за запястье, она буквально выволокла меня наружу. Сзади раздался взрыв хохота обитателей домика номер одиннадцать.

* * *

Когда мы отошли на несколько футов, Аннабет заметила:

— Мог бы держаться и получше, Джексон.

— А в чем дело?

Она вытаращилась на меня и, почти задыхаясь, пробормотала:

— Просто поверить не могу, что я решила, что ты — тот самый.

— Может, это твоя проблема? — Я потихоньку начинал сердиться. — Я знаю только, что убил какого-то парня с бычьей головой...

— Не говори так! — воскликнула Аннабет. — Знаешь, сколько ребят в этом лагере мечтают, чтобы им представился такой шанс?

— Быть убитым?

— Сразиться с Минотавром! Для чего, по-твоему, мы тренируемся?

Я покачал головой.

— Слушай, если это существо, с которым я дрался, действительно Минотавр из всех этих мифов...

— Да.

— Тогда он всего один.

— Да.

— И он был убит пару тыщ лет назад. Тесей убил его в лабиринте. Значит...

— Чудовища не умирают, Перси. Их можно убить, но они не умирают.

— Большое спасибо. Теперь все ясно.

— У них нет души, как у тебя или у меня. Ты можешь рассеять их на какое-то время, может быть, даже на целую жизнь, если тебе повезет. Но это первобытные силы. Хирон называет их архетипами. В конечном счете они преобразуются.

Я вспомнил о миссис Доддз.

— Ты хочешь сказать, что если я случайно бил мечом одну такую...

— ...фурию... я хочу сказать, твою математичку. Верно. Она все еще

здесь. Ты просто очень здорово разозлил ее.

— Как ты узнала про миссис Доддз?

— Ты говорил во сне.

— Как ты назвала ее? Фурия? Так это они мучают людей в Аиде?

Аннабет нервно посмотрела на землю, словно та сейчас разверзнется и поглотит ее.

— Ты не должен называть их по имени, даже здесь. Если нам и приходится говорить о них, то мы называем их дальними родственниками.

— Послушай, тут можно хоть слово сказать спокойно, чтобы не прогремел гром? — Я даже самому себе казался сейчас нытиком, но меня это не волновало. — И вообще, почему я должен жить в одиннадцатом домике? Почему все вечно мечтают сбиться в кучу? Повсюду полно свободных коек.

Я указал на несколько первых домиков, и Аннабет побледнела.

— Ты не просто так выбираешь домик, Перси. Это зависит от того, кто твои родители. Или... родитель. — Она посмотрела мне прямо в глаза, ожидая, пока до меня дойдет.

— Мою маму зовут Салли Джексон, — ответил я. — Она работает в кондитерской. По крайней мере, работала там.

— Мне жаль твою маму, Перси. Но я не о ней. Я говорю о другом твоём родителе. Об отце.

— Он умер. Я его никогда не видел.

Аннабет вздохнула. Она явно вела такие беседы раньше с другими ребятами.

— Твой отец не умер, Перси.

— Как ты можешь так говорить? Ты его знаешь?

— Нет, конечно нет.

— Тогда как ты можешь говорить...

— Потому что я знаю тебя. Тебя не было бы здесь, не будь ты одним из нас.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Разве? — Она вздернула бровь. — Спорим, что ты переходил из школы в школу? Спорим, что тебя не раз выгоняли?

— Как...

— С диагнозом дислексия. Возможно, и умственная отсталость.

Я постарался скрыть свое замешательство.

— А какое это имеет отношение?..

— Эти факты, взятые вместе, — верный признак. Буквы плавают у тебя перед глазами, когда ты читаешь. А все потому, что твой мозг настроен

на Древнюю Грецию. А твоя гиперактивность, неспособность спокойно сидеть в классе? Это рефлекс воина. В настоящем бою ты наверняка остался бы в живых. А что касается проблем с вниманием, то они оттого, что ты слишком много видишь, Перси, а не слишком мало. Твои чувства более обострены, чем у простых смертных. Конечно, учителя хотели, чтобы тебя лечили с помощью медикаментов. Большинство из них — чудовища. Они не хотят, чтобы ты видел, кто они на самом деле.

— Звучит так... тебе тоже пришлось пройти через это?

— И большинству ребят здесь тоже. Если бы ты не был таким, как мы, ты не справился бы с Минотавром, не говоря уж про нектар и амброзию.

— Нектар и амброзию?

— Еда и питье, которые мы давали тебе, чтобы ты поправился. Для обычного мальчишки такие вещи оказались бы смертельными. Они превратили бы твою кровь в огонь, а кости — в песок, и ты умер бы. Взгляни правде в лицо. Ты — полукровка.

Полукровка.

Меня обуревало столько вопросов, что я не знал, с чего начать.

— Эй, ты там? Новичок! — неожиданно проорал чей-то хриплый голос.

Я обернулся. К нам не спеша приближалась дылда из уродливого красного домика. За ней следовали еще три уродины — такие же крупные, оборванные и тоже в камуфляжных куртках.

— Кларисса, — вздохнула Аннабет, — почему бы тебе не пойти и не почистить свое копье?

— Конечно, мисс Принцесса, — откликнулась верзила. — Чтобы лучше было насадить на него тебя в пятницу вечером.

— *Ere es korakas!* — отозвалась Аннабет, что я перевел с греческого примерно как: «Пошла к черту!», хотя у меня и было чувство, что это выражение покрепче. — И не мечтай.

— Мы превратим тебя в пыль, — заявила Кларисса, но глаз у нее задержался. Похоже, она не была уверена, стоит ли продолжать свои угрозы. Потом она повернулась ко мне. — А это что еще за хмырь?

— Перси Джексон, познакомься с Клариссой, дочерью Ареса, — сказала Аннабет.

— Бога... войны? — заморгал я.

— У тебя что — с этим проблемы? — ухмыльнулась Кларисса.

— Нет, — ответил я, судорожно напрягая мозги. — Так вот откуда эта вонь.

— У нас церемония инициации новичков, Присси, — ворчливо сказала

Кларисса.

— Перси.

— Не имеет значения. Пошли, я покажу.

— Кларисса... — постаралась остановить ее Аннабет.

— А ты стой где стоишь, воображала.

Аннабет это больно задело, но она не пошла за нами, да мне и не хотелось принимать от нее помощь. Я был новенький. Значит, придется самому зарабатывать себе репутацию.

Я отдал Аннабет рог Минотавра и приготовился драться, но не успел и опомниться, как Кларисса схватила меня за шею и потащила к зданию из шлакобетона, в котором я немедленно узнал совмещенный санузел.

Я отбивался руками и ногами. Не упомню, сколько раз в жизни мне приходилось драться, но у этой дылды Клариссы хватка была мертвая. Она затащила меня в отделение для девочек. По одну руку рядом протянулись туалетные кабинки, вдоль другой стены — душевые. Запах стоял как во всяком общественном туалете, и я подумал — насколько я мог думать, когда Кларисса волочила меня за волосы, — что если это место и принадлежит богам, то они могли бы раскошелиться на уборную пошикарнее.

Подружки Клариссы дружно хохотали, а я пытался собраться с силами, как тогда, в драке с Минотавром, но у меня ничего не выходило.

— Вот, пожалуйста, герой! Отбросы Большой троицы! — объявила Кларисса, подталкивая меня к одной из туалетных кабинок. — Вот так. Минотавр, должно быть, помер от смеха, такой у тебя был глупый вид.

Ее подружки захихикали.

Аннабет стояла в углу, опустив голову и разглядывая свои руки. Кларисса швырнула меня на колени и стала окунать мою голову в унитаз. Заворчали проржавленные трубы и... словом, то, что обычно спускают в туалет. Напрягая шею, я старался держать голову выше. Глядя на покрытую пеной воду, я подумал, что мне не придется в нее окунуться. И не пришлось.

Затем что-то случилось. Я почувствовал напряжение в желудке. Канализационная сеть задрожала, трубы начали трястись. Хватка Клариссы, державшей меня за волосы, ослабла. Вода мощной дугой вырвалась из унитаза, и следующее, что я помню, это как я растянулся на вымощенном плиткой полу, а Кларисса вопила где-то сзади.

Я поднял голову как раз тогда, когда вода, хлеставшая из унитаза, ударила Клариссе в лицо с такой силой, что она шлепнулась на задницу. Вода била, как из пожарного шланга, запихивая дылду в душевую кабинку.

Кларисса пыталась сопротивляться, ее подружки подбежали к ней. Но потом взлетели на воздух и остальные туалеты, и из них выплеснулось шесть или больше струй воды. Вся остальная арматура обрушилась на девочек в камуфляжных куртках и разметала их, как мусор.

Как только они вылетели за двери, я почувствовал, что тяжесть в желудке ослабла, и струи воды так же мгновенно иссякли.

Весь туалет был затоплен. Аннабет тоже досталось. Она промокла насквозь, но ее не вытолкнуло из помещения. Она стояла на том же самом месте, в шоке уставившись на меня.

Посмотрев вниз, я увидел, что сижу на единственном сухом месте в помещении. Меня окружал сухой пол. На мою одежду не попало ни одной капли воды. Ни одной.

Я встал, ноги у меня дрожали.

— Как тебе это удалось? — спросила Аннабет.

— Не знаю.

Мы подошли к двери. Снаружи Кларисса и ее подружки валялись в грязи, окруженные другими обитателями лагеря, которые столпились вокруг них, чтобы поиздеваться. Волосы Клариссы прилипли к лицу. От ее насквозь мокрой камуфляжной куртки разило дерьмом.

Она с ненавистью посмотрела на меня.

— Можешь считать себя покойником, новичок. Стопроцентным покойником!

Я мог бы сдержаться, но все-таки сказал:

— Хочешь пополоскать рот туалетной водичкой, Кларисса? Заткнись лучше.

Подружкам пришлось ее оттаскивать. Они поволокли Клариссу в домик номер пять, в то время как остальные обитатели лагеря поспешно убирались с дороги, стараясь не попасть под удары ее лежащих ног.

Аннабет уставилась на меня. Я не мог решить, сочла ли она меня полным придурком или просто сердится, что вымокла по моей вине.

— Ну и что? — спросил я. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что хочу взять тебя ко мне в команду, чтобы завоевать флаг.

Глава седьмая

Мой ужин превращается в дым

Рассказы о происшествии в туалете распространились моментально. Куда бы я ни отправился, обитатели лагеря указывали на меня и что-то вполголоса говорили про туалетную воду. А может, они просто пилились на Аннабет, с которой по-прежнему текло ручьем.

Она показала мне новые места: кузницу, где мальчики ковали себе мечи, артистическую мастерскую, где сатиры вовсю трудились над огромной мраморной статуей козлоногого человека, а также стену для желающих приобрести навыки альпиниста — практически две стены, которые, отчаянно раскачиваясь, осыпались, извергали потоки лавы и сталкивались, если кто-то не успевал достаточно быстро вскарабкаться наверх.

Наконец мы вернулись к озерцу, где практиковались гребцы на лодках и откуда тропа сворачивала к домикам.

— Мне нужно заняться тренировкой, — бесстрастно произнесла Аннабет. — Ужин в половине восьмого. Просто пройдешь из своего домика в трапезную.

— Аннабет, я прошу прощения... ну, за то, что случилось в туалете.

— Да ладно.

— Я не виноват.

Она скептически посмотрела на меня, и я понял, что все-таки виноват. Я сорвал вентили в туалете. И сам не понимаю, как это у меня получилось. Но туалеты были теперь на моей совести. Не знаю, как это произошло. Но теперь можно было считать меня водопроводчиком.

— Ты должен поговорить с Оракулом, — сказала Аннабет.

— С кем?

— Не с кем. А с чем. С Оракулом. Я спрошу у Хирона.

Я уставился на озеро, желая, чтобы кто-нибудь хоть раз ответил мне прямо.

Я не ожидал, что кто-то может смотреть мне в спину, поэтому сердце так и екнуло у меня в груди, когда я заметил двух девочек-подростков, сидевших, скрестив ноги, у причала, футах в двадцати внизу. На них были джинсы и поблескивающие зеленые футболки, каштановые волосы свободно развевались на ветру. Они улыбались и махали мне руками, как

старому другу.

Я не знал, что мне делать. Просто помахал в ответ.

— Не поощряй их, — предупредила меня Аннабет, — таких кокеток, как наяды, еще поискать.

— Наяды, — повторил я, совершенно ошеломленный. — Этого еще не хватало. Завтра же уезжаю домой.

— До тебя так еще и не дошло, Перси? — Аннабет нахмурилась. — Ты уже дома. Это единственное безопасное место для таких, как мы.

— Ты хочешь сказать, для слабоумных?

— Я хочу сказать, для *не совсем людей*. Не вполне людей. Людей только наполовину.

— Наполовину людей — и наполовину кого?

— Я думала, ты знаешь.

Я не хотел признавать этого, но, кажется, время пришло. Я ощутил дрожь во всем теле — чувство, которое испытывал, когда мама рассказывала мне об отце.

— Бог? — спросил я. — Полубог?

Аннабет кивнула.

— Твой отец не погиб, Перси. Он один из олимпийцев.

— Это... безумие.

— Да? А что делало большинство богов в старых историях? Влюблялись в обыкновенных людей и заводили от них детей. Думаешь, они изменили своим привычкам за последнее тысячелетие?

— Но это же... — Я чуть было опять не произнес слово «мифы». Однако успел вспомнить, как Хирон предупреждал меня, что через тысячу лет меня тоже могут счесть мифом. — Но если все ребята здесь наполовину боги...

— Полубоги, — поправила Аннабет. — Таков официальный термин. Или полукровки.

— Тогда кто же твой отец?

Аннабет крепко обхватила руками поручни пристани. У меня появилось чувство, что я затронул болезненную тему.

— Мой папа преподает в Вест-Пойнте, — ответила она. — Я не видела его с тех пор, когда была совсем маленькой. Он ведет занятия по американской истории.

— Значит, он человек?

— И что? Так ты решил, что только богам-мужчинам кажутся привлекательными человеческие женщины? Ну, ты, оказывается, женоненавистник!

— Так кто же тогда твоя мама?

— Она живет в шестом домике.

— И что это значит?

— Афина. Богиня мудрости и сражений. — Аннабет выпрямилась.

«А почему бы и нет», — подумал я.

— Ну, а мой отец?

— Он не установлен, — ответила Аннабет, — я ведь тебе уже говорила. Никто не знает.

— Кроме моей матери. Уж она-то знала.

— А может, и нет, Перси. Боги не всегда являют себя в истинном виде.

— Мой отец явился бы. Он любил мать.

Аннабет осторожно на меня посмотрела. Ей не хотелось разрушать мои мечты.

— Может, ты и прав. Возможно, он пошлет знак. Это единственный способ узнать наверняка — твой отец может прислать знак, удостоверяющий, что ты его сын. Так иногда бывает.

— Ты хочешь сказать, что иногда этого не происходит.

— Боги — существа занятые. — Аннабет провела ладонью по перилам. — У них так много детей, что они не всегда... Иногда они не заботятся о нас, Перси. Просто не хотят знать.

Я вспомнил о нескольких подростках, которых видел в домике Гермеса: у них был унылый, подавленный вид, уж они-то явно ничего не ждали. Я знал таких в Йэнси: богатые родители засунули их в интернат, потому что у них не было времени возиться с детьми. Но боги должны вести себя лучше.

— Значит, выходит, я застрял здесь? — спросил я. — До конца жизни?

— Как сказать, — ответила Аннабет. — Некоторые остаются здесь только на лето. Если ты ребенок Афродиты или Деметры, то не представляешь реальной силы. Монстрам до тебя нет дела, поэтому ты можешь тренироваться здесь несколько месяцев летом и до конца жизни жить в мире смертных. Но некоторым из нас слишком опасно покидать лагерь. Мы находимся здесь круглый год. В смертном мире мы привлекаем монстров. Они чуют нас. Бросают нам вызов. Как правило, они не обращают на нас внимания, пока мы не становимся достаточно взрослыми и не можем причинить им вреда — лет до десяти-одиннадцати, — но потом большинство полубогов либо пробираются сюда, либо их убивают. А иным удается выжить во внешнем мире и стать знаменитыми. Поверь мне, я могу назвать их по именам, ты их слышал. Некоторые даже не знают, что они полубоги. Но таких очень-очень мало.

— Значит, монстры могут проникнуть сюда?

— Нет, если только они намеренно не прячутся в лесах или их кто-нибудь не заставляет сделать это, — покачала головой Аннабет.

— Но кому может понадобиться специально присылать сюда монстра?

— Чтобы поупражняться в битвах. И так, в качестве розыгрыша.

— Розыгрыша?

— Ну, по сути, границы опечатаны, чтобы не пускать сюда смертных и монстров. Если смертный человек смотрит в долину снаружи, он видит только ферму, где выращивают клубнику.

— Так, значит, ты живешь здесь круглый год?

Аннабет кивнула. Потом достала из-под футболки кожаный шнурок, на котором болтались пять разноцветных глиняных бусин. Они выглядели точно так же, как у Луки, но у Аннабет на шнурок было надето еще большое золотое кольцо.

— Я здесь с тех пор, как мне исполнилось семь лет, — пояснила она. — Каждый август в конце летней сессии ты получаешь бусину за то, что тебе удалось выжить еще год. Я прожила здесь дольше большинства вожатых, они все уже в колледже.

— Зачем же ты приехала сюда такой молодой?

— Не твое дело. — Аннабет покрутила кольцо на шнурке.

— Ох... — Я потоптался несколько минут в неловком молчании. — Значит... я могу уйти отсюда, если только захочу?

— Это будет самоубийство, но можешь, если только мистер Д. или Хирон разрешат. Но они не разрешат до конца летней сессии, если только...

— Если только что?

— Если тебе не поручат поиск. Но это случается редко. В последний раз... — Она замолчала.

По ее тону я понял, что последний раз все вышло не так удачно.

— В комнате для больных, — начал я, — когда ты еще кормила меня этой штукой...

— Амброзией.

— Да. Ты спрашивала меня что-то про это летнее солнцестояние. Плечи Аннабет напряглись.

— Так тебе что-то известно?

— В общем, нет... Но в моей старой школе я подслушал, как Гроувер и Хирон говорили об этом. Гроувер упомянул летнее солнцестояние. Сказал, что у нас совсем немного времени, а потом намекнул на какую-то последнюю черту. Что это значит?

— Хотела бы я знать. — Аннабет стиснула кулаки. — Хирон и сатиры — те знают, но никогда мне не скажут. Что-то неладно на Олимпе, что-то очень важное. Когда я последний раз была там, все выглядело как обычно, нормально.

— Ты была на Олимпе?

— Некоторые из нас, те, кто живет здесь круглый год — Лука, Кларисса и еще несколько человек, — ездят туда на экскурсии во время зимнего солнцестояния. Тогда боги собираются на большой ежегодный совет.

— Но... как ты туда попала?

— По Лонг-Айлендской железной дороге, конечно. Садись на Пенн-стейшн. Потом Эмпайр-стейт-билдинг, специальный лифт на шестисотый этаж. — Она посмотрела на меня так, будто я уже это знал. — Ты ведь из Нью-Йорка, правда?

— Да, конечно.

Насколько мне известно, в Эмпайр-стейт-билдинг всего сто два этажа, но я не стал на этом сосредотачиваться.

— После нашего последнего посещения, — продолжала Аннабет, — погода просто сошла с ума, как будто боги затеяли сражение. С тех пор я несколько раз слыхала, как об этом говорили сатиры. Все, что мне удалось расслышать, это то, что было украдено нечто очень важное. И если это не вернуть к летнему солнцестоянию, то быть беде. Когда ты появился, я надеялась... я хочу сказать, что Афина может уживаться с кем угодно, кроме Ареса. И, конечно, соперничает с Посейдоном. Но помимо этого... я хочу сказать, что мы могли бы работать вместе. Просто я подумала, что ты что-то знаешь.

Я покачал головой. Я хотел помочь Аннабет, но чувствовал себя слишком голодным и усталым, мысли едва ворочались в голове, и я не в силах был больше задавать вопросы.

— Я должна отправиться в поиск, — еле слышно пробормотала Аннабет. — Я уже не такая маленькая. Если они просто скажут мне, в чем проблема...

Я почувствовал доносящийся откуда-то запах жареного мяса. Аннабет, должно быть, услышала, как бурчит у меня в желудке. Она сказала мне, чтобы я шел; она догонит меня позже. Когда я уходил с пристани, то заметил, что Аннабет рисует что-то пальцем на перилах, как будто вычерчивает план сражения.

Возле одиннадцатого домика все наперебой галдели, подначивая друг друга в ожидании ужина. Впервые я заметил, что большинство обитателей лагеря похожи друг на друга: у всех были резко очерченные носы, высокие лбы, и улыбались они с одинаковым озорством. Некоторым доставались шлепки от учителей, как возмутителям спокойствия. К счастью, никто не обратил на меня внимания, когда я подошел к своему месту на полу и плюхнулся на него, зажав в руке рог Минотавра.

Появился вожатый Лука. Он тоже чем-то отдаленно напоминал Гермеса. Его внешность портил только шрам, но улыбка оставалась добродушной.

— Подыскал тебе спальный мешок, — сказал он, — и вот, прикарманил кое-какие туалетные принадлежности из лагерьной лавки.

Трудно было понять, правду он говорит или врет насчет «прикарманил».

— Спасибо.

— Нет проблем. — Лука присел рядом, прислонился к стене. — Ну что, тяжелым выдался первый денек?

— Мое место не здесь, — сказал я. — Я даже в богов-то не верю.

— Понятно, — протянул он. — Мы все тоже так же начинали. Но однажды вдруг приходится в них поверить. Только легче от этого не становится.

Горечь в его голосе удивила меня, потому что Лука казался самым воплощением беспечности. Выглядел он, по крайней мере, так, словно ему все по плечу.

— Значит, твой отец — Гермес? — спросил я.

Лука вытащил из заднего кармана складной нож, и я решил, что он собирается меня прирезать, но он всего лишь счистил грязь с подошвы своих сандалий.

— Да, Гермес.

— Посланец с крыльями на ногах.

— Он самый. Послания, лекарства. Путешественники, купцы, воры. Все, кто бродит по дорогам, — это относится к нему. Вот почему ты здесь — двери одиннадцатого домика всегда гостеприимно распахнуты для тебя. Гермес не слишком-то разборчив с теми, кому покровительствует.

Я решил, что Лука не станет относиться ко мне пренебрежительно. Он явно был парень с головой.

— Ты когда-нибудь встречался с отцом? — спросил я.

— Как-то раз.

Я подождал, думая, что если он захочет рассказать мне, то расскажет сам. Но Лука явно не собирался откровенничать. Интересно было, связана ли как-то эта история с его шрамом?

Лука поглядел на меня и улыбнулся.

— Не беспокойся об этом, Перси. Обитатели лагеря в основном хорошие люди. В конце концов, мы все одна большая семья, не так ли? И мы заботимся друг о друге.

Казалось, он понимал, каким одиноким и брошенным я себя чувствую, и я был благодарен ему за это, потому что парень постарше вроде него, даже если он вожатый, не часто стал бы церемониться с беспокойным школьником — таким, как я. Но Лука пригласил меня в домик. Он даже украл для меня кое-какие туалетные принадлежности, это было самое замечательное, что кто-либо сделал для меня за весь день.

Я решился задать ему последний серьезный вопрос, который не давал мне покоя весь день.

— Кларисса, дочь Ареса, шутила, когда называла меня отбросами Большой троицы? Потом Аннабет... дважды сказала, что я, возможно, «тот самый». Сказала, что мне нужно обратиться к Оракулу. Что все это значит?

— Терпеть не могу пророчества. — Лука сложил свой нож.

— Что ты имеешь в виду?

Шрам на его лице дернулся.

— Давай-ка я объясню тебе все попросту. За последние два года, считая с того момента, как я забрался в сад Гесперид и вылазка оказалась неудачной, Хирон не позволил никому ни одного героического деяния. Аннабет до смерти хочется побывать в мире. Она не давала Хирону покоя до тех пор, пока он, наконец, не объявил ей, что уже знает ее судьбу. У него имелось пророчество Оракула. Всего он Аннабет не рассказал, но возвестил, что ей еще рано отправляться в поиск. Ей надо дождаться, пока в лагере не появится кто-нибудь особенный.

— Кто-нибудь особенный?

— Не переживай по этому поводу, парень, — сказал Лука. — Аннабет хочется думать, что каждый новый обитатель лагеря — это знак, которого она ожидает. А теперь пошли, пора ужинать.

Когда он проговорил это, издали донесся звук рога. Каким-то образом я догадался, что это поющая раковина, хотя никогда прежде таких звуков не слышал.

— Одиннадцатый, строиться! — закричал Лука.

Все обитатели домика, человек двадцать, построились в шеренги. Становились по росту, поэтому, разумеется, я оказался в самом хвосте. Подходили ребята и из других домиков за исключением тех трех, где никто не жил, и восьмого домика, который в дневное время выглядел обычно, но, когда солнце садилось, начинал отсвечивать серебром.

Мы прошли вверх по холму к павильону, где располагалась трапезная. Выходившие из лугов сатиры присоединялись к нам. Наяды выплывали из озера. Еще несколько девочек появилось из-за деревьев — то есть, я хочу сказать, *прямо из деревьев*. Я видел, как одна из них, лет девяти-десяти, отделилась от клена и вприпрыжку побежала вверх по холму.

Всего собралось около сотни ребят, несколько дюжин сатиров и разбившиеся на группы дриады и наяды.

В павильоне вокруг мраморных колонн ярко пылали факелы. Центральный огонь полыхал в бронзовой жаровне размером с ванну. У каждого домика был собственный стол, покрытый белой скатертью, обрамленной пурпурной полосой. Четыре столика пустовали, но за тем, что принадлежал одиннадцатому домику, собралась целая толпа — яблоку негде упасть. Мне пришлось сесть на самый край скамьи, причем примоститься удалось только наполовину.

Гроувера я увидел за двенадцатым столиком вместе с мистером Д., несколькими сатирами и парой пухлых блондинистых карапузов, как две капли воды похожих на мистера Д. Хирон стоял сбоку, поскольку за обеденным столом для кентавра было слишком мало места.

Аннабет сидела за шестым столиком, в окружении серьезных, атлетически сложенных молодых людей со светло-золотистыми волосами.

Кларисса пристроилась за моей спиной, за столиком Ареса. Она явно перевозбудилась после случая в туалете, потому что хохотала и рыгала в сторону своих подруг.

Наконец Хирон звучно ударил копытом по мраморному полу. Он поднял кубок и провозгласил:

— За богов!

Все последовали его примеру, дружно поддержав тост:

— За богов!

Дриады подносили блюда с едой: гроздья винограда, яблоки, клубнику, сыр, только что испеченный хлеб и — к моей великой радости — мясо, жаренное на углях! Бокал мой был пуст, но Лука сказал:

— А ты *попроси его*. Что хочешь, только, конечно, безалкогольное.

— Вишневую колу.

Бокал тут же наполнился сверкающей жидкостью цвета жженого

сахара. Тут мне пришла в голову мысль.

— Голубую вишневую колу.

Цвет напитка изменился на ярко-кобальтовый.

Я осторожно сделал маленький глоточек. Отлично.

И я выпил этот бокал за свою мать.

«Она не умерла, — продолжал уверять я себя. — По крайней мере, не насовсем. Она в том, подземном мире. И если это место на самом деле существует, то однажды...»

— Держи, Перси. — Лука протянул мне блюдо с жареной говядиной.

Я наложил себе побольше мяса и уже приготовился засунуть в рот здоровенный кусок, как вдруг заметил, что все встают и подходят с тарелками к жаровне посреди трапезной. Я поинтересовался, может, они идут за десертом или еще за чем.

— Пошли, — велел мне Лука.

Подойдя поближе, я увидел, что все бросают в огонь лучшие куски: самую спелую клубнику, самые сочные куски говядины, самые пухлые, пропитанные маслом булочки.

— Огненное жертвоприношение богам, — пробормотал Лука мне на ухо. — Им нравится запах.

— Ты шутишь?

Лука взглядом предупредил меня, чтобы я воспринял его слова всерьез, но я не мог не подивиться тому, что бессмертным, всемогущим богам может нравиться запах горелой пищи.

Лука подошел к огню, склонил голову и бросил в жаровню горсть крупного винограда.

— Гермесу.

Настала моя очередь.

Хотелось бы мне знать, имя какого бога произнести!

Наконец я молча взмолился: «Кто бы ты ни был, скажи мне. Пожалуйста!»

Я сбросил в пламя большой кусок говядины.

И, почувствовав струйку дыма, вовсе не ощутил рвотного позыва.

Запах ничем не напоминал запах подгорелого мяса. Из жаровни к небу вознесся аромат горячего шоколада, поджаристых шоколадных пирожных с орехами, гамбургеров, полевых цветов — сотен разных вещей, которые никогда не сочетались, а тут образовывали ни с чем не сравнимое благоухание. Я даже почти поверил, что боги могут жить этими запахами.

Когда все вернулись на свои места и заканчивали ужин, Хирон снова призвал нас к вниманию стуком копыта.

Из-за стола с тяжелым вздохом поднялся мистер Д.

— Полагаю, я должен поприветствовать всех вас, сорванцы. Ну, ладно, привет. В нашем расписании произошли некоторые изменения. Наш исполнительный директор Хирон сообщил, что следующий захват флага откладывается до пятницы. Пока же лавровый венок удерживает у себя домик номер пять.

Над столиком Ареса раздались нестройные радостные возгласы.

— Мои поздравления, — продолжал мистер Д. — Также хочу сообщить, что сегодня к нам прибыл новичок. Питер Джонсон.

Хирон прошептал ему что-то.

— То есть я хотел сказать, Перси Джексон, — поправился мистер Д. — Вот теперь все правильно. Ура и все такое. А теперь бегите к вашему глупому костру. Вперед.

Все разразились приветственными криками. Затем мы все направились к амфитеатру, где обитатели домика Аполлона исполнили «Пойте вместе с нами». Мы пели песни, сочиненные жителями лагеря и посвященные богам, ели традиционное сладкое угощение, шутили, и самое странное было то, что никто больше не обращал на меня внимания. Я чувствовал себя как дома.

Еще позже, когда искры костра взвивались к звездному небу, снова прозвучала поющая раковина, и мы стали расходиться по своим домикам. Я даже представить не мог, как я вымотался, пока без сил не рухнул на взятый взаймы спальный мешок.

Мои пальцы сжимали рог Минотавра. Я подумал о маме, но в голову пришли только хорошие воспоминания: ее улыбка, сказки, которые она читала мне на ночь, когда я был еще совсем маленький, и как она успокаивала меня, что не позволит клопам кусаться.

Стоило мне закрыть глаза — и я моментально уснул.

Так прошел мой первый день в Лагере полукровок.

Если бы я знал, как недолго продлится моя радость.

Глава восьмая

Мы захватываем флаг

В течение последующих нескольких дней я погрузился в поток обыденной жизни — ощущение, хорошо знакомое каждому, если, конечно, не считать уроков, которые давали мне сатиры, нимфы и кентавр.

Каждое утро Аннабет занималась со мной древнегреческим, и мы с ней говорили о богах и богинях в настоящем времени, что само по себе было несколько странно. Я обнаружил, что Аннабет права насчет моей дислексии: читать по-древнегречески оказалось не так уж сложно. По крайней мере, не труднее, чем по-английски. Через пару уроков я уже мог, правда с запинками, прочесть несколько строк из Гомера без особой головной боли.

Остаток дня я болтался в поисках каких-либо занятий, в которых мог отличиться. Хирон пробовал учить меня стрелять из лука, но довольно скоро выяснилось, что с луком и стрелами у меня нелады. Кентавр, однако, не жаловался, даже когда ему приходилось вытаскивать сломанную стрелу у себя из хвоста.

Соревнования по бегу? Тоже без толку. Тренеры дриад раскритиковали меня в пух и прах. Правда, при этом всячески утешали. Они говорили, что им пришлось практиковаться веками, удирая от одержимых любовью богов. Но все же передвигаться медленнее, чем дерево, было несколько унижительно.

А борьба? Про это лучше и вовсе забыть. Каждый раз, когда я оказывался на мате, Кларисса просто стирала меня в порошок.

— Так тебе и надо, лох, — бормотала она мне на ухо. — То ли еще будет!

Единственное, в чем я превосходил других, — гребля на лодке, и это стало примером мастерства героя, которого люди ждут от парня, одолевшего Минотавра.

Я знал, что старшие обитатели лагеря и вожатые ломают головы над тем, кто же мой отец, но это оказалась задачка повышенной сложности. Я не был так силен, как отпрыски Ареса, и не так хорошо владел луком, как дети Аполлона. Я не обладал навыками Гефеста в работе с металлом или, хотя у богов это запрещено, умением Диониса выращивать виноградные лозы. Лука сказал мне, что я могу быть сыном Гермеса — мастером на все

руки, который толком ничего не умеет. Но у меня было чувство, что он просто хочет меня подбодрить.

Несмотря на все это, лагерь мне нравился. Я привык к утреннему туману над берегом, запаху нагретых солнцем клубничных полей в полдень и даже к причудливому вою монстров в лесу по ночам. Я ужинал вместе с обитателями домика номер одиннадцать, бросал часть своей еды в огонь и старался почувствовать хоть какую-то связь со своим отцом. Но то ощущение не приходило — то теплое чувство, которое я всегда испытывал, вспоминая его улыбку. Я старался поменьше думать о маме, но все же гадал: если боги и монстры реальны, если все это волшебство и чудеса возможны, есть ли какой-то способ спасти, вернуть ее?..

Я понемногу начинал понимать горечь, прозвучавшую в первый день в словах Луки, то, как ему хочется упрекнуть своего отца Гермеса. Ладно, согласен, может, у богов есть дела и поважнее. Но неужели они не могут хоть раз окликнуть тебя, прогреметь громом, подать знак? Ведь мог же Дионис доставать свою диетическую колу прямо из воздуха? Неужели мой папа, кто бы он ни был, не мог заставить материализоваться телефон?

* * *

В четверг днем, через три дня после того, как я появился в Лагере полукровок, у меня состоялся первый урок владения мечом. Все обитатели одиннадцатого домика собрались на большой круглой арене, где должен был проводить инструктаж Лука.

Начали мы с основных колющих и рубящих ударов, которые наносили по набитым соломой чучелам в греческих доспехах. Кажется, у меня получалось неплохо. По крайней мере, я понял, чего от меня ожидают и что с рефлексамии у меня порядок.

Проблема была в том, что я никак не мог подобрать оружие себе по руке. Меч оказывался то слишком тяжелым, то слишком легким, то слишком длинным. Лука старался помочь мне изо всех сил, но вынужден был согласиться, что имеющиеся клинки не по мне.

Мы перешли к парным поединкам. Лука заявил, что поскольку это мой первый бой, то он будет моим партнером.

— Удачи, — сказал мне один из парней. — Лука лучше всех дерется на мечах за последние триста лет.

— Может, на мне он решит передохнуть, — ответил я.

Парнишка фыркнул.

Лука в безжалостной манере показал мне, как наносить, парировать и блокировать удары. Из каждой стычки я выходил с прибавляющимся количеством ушибов и синяков.

— Держи оборону, Перси, — говорил он, затем хлопал меня по ребрам плоской стороной лезвия. — Нет, ты слишком расслабляешься! — Хлоп! — Уходи нырком! — Хлоп! — Теперь отступай! — Хлоп!

Ко времени, которое он назвал перерывом, я так взмок, что на мне уже сухой нитки не осталось. Ученики толпились возле лотков с прохладительными напитками. Лука плеснул ледяную воду себе на голову, и это показалось мне такой хорошей мыслью, что я сделал то же самое.

Внезапно я почувствовал себя лучше. К рукам вернулась сила. Меч уже не казался чем-то нелепым и неуклюжим.

— Ладно, все в круг! — скомандовал Лука. — Если Перси не против, я хочу показать вам небольшое представление.

«Отлично, — подумал я. — Пусть все посмотрят, как Перси достанется».

Отпрыски Гермеса встали в круг. Некоторые с трудом сдерживали улыбки. Я понимал, что им пришлось побывать в моей шкуре и они не могли дождаться, когда Лука использует меня как мальчика для битья. Он объяснил нам, что собирается продемонстрировать приемы обезоруживания: как можно закрутить вражеский клинок плоской стороной своего меча так, чтобы противнику не оставалось ничего иного, как выронить оружие.

— Это трудно, — подчеркнул Лука. — Я это испытал на себе. Так что не смейтесь над Перси. Многим фехтовальщикам приходится потратить годы работы, чтобы выработать такую технику.

Он показал мне прием в замедленном движении. Вполне естественно, меч с грохотом выпал у меня из рук.

— А теперь в реальном времени, — сказал Лука, после того как я подобрал свое оружие. — Мы будем в спарринге, пока один из нас не выбьет меч. Готов, Перси?

Я кивнул, и Лука наклонил голову в ответ. Я пытался держаться так, чтобы он не зацепил мой эфес. Мои чувства приобрели необычайную остроту. Я видел, как он собирается атаковать. Про себя я считал. Выступил вперед и попытался нанести собственный удар. Лука легко отразил его, но я увидел, как он переменился в лице. Глаза его сузились, и он стал нападать с новой силой.

Меч сразу потяжелел у меня в руке. Баланс был неправильный. Я понимал, что это всего вопрос нескольких секунд, сейчас Лука подловит

меня, и подумал: «Какого черта»?

И я испробовал обезоруживающий маневр.

Мое лезвие ударило по основанию меча Луки, и я сделал вращательное движение, всем своим весом налегая на оружие противника.

С металлическим звяканьем меч Луки покатился по камням. Острием я едва не уперся в его незащищенную грудь.

Зрители притихли.

— Прости, — сказал я, опуская свой меч.

Какое-то мгновение Лука стоял совершенно ошеломленный и не мог вымолвить ни слова.

— Прости? — Его обезображенное лицо расплылось в ухмылке. — Клянусь богами, Перси, за что же тебе просить прощения? Покажи мне это снова!

Мне не хотелось. Короткая вспышка невероятной энергии миновала. Но Лука настаивал.

На этот раз схватки не получилось. Как только наши мечи ударились друг о друга, Лука моментально рубанул по моему эфесу, и оружие мое покатилося по земле через всю арену.

После длительной паузы кто-то из присутствующих нерешительно спросил:

— Новичкам везет?

Лука вытер пот со лба. Он оценивающе, но уже как-то совсем по-другому посмотрел на меня.

— Возможно, — сказал он. — Но, я полагаю, Перси мог бы и не то сделать, придиись меч ему по руке...

* * *

В пятницу днем мы с Гроувером сидели возле озера, переводя дух после едва не закончившейся смертью попытки взобраться на стену. Гроувер вскарабкался наверх, как горный козел, но меня едва не утянул поток лавы. На моей одежде остались прожженные, дымящиеся дыры. И волосы на руках подпалило.

Мы сидели на пристани, наблюдая, как наяды резвятся под водой, и я наконец набрался духу спросить у Гроувера, как прошел его разговор с мистером Д.

Его лицо тут же приобрело болезненный, желтоватый оттенок.

— Замечательно, — буркнул он. — Просто здорово.

— Значит, будешь и дальше продолжать свою карьеру?

Гроувер нервно посмотрел на меня.

— Хирон с-сказал, что ты хочешь получить право на поиск?

— Ну... не знаю. — Я понятия не имел о том, что такое право на поиск, но, похоже, сейчас был не совсем подходящий момент, чтобы спрашивать. — Просто, понимаешь, Хирон говорил мне, что у тебя большие планы... и тебе нужно доверие, чтобы завершить работу хранителя. Так тебе удалось это уладить?

Гроувер посмотрел вниз, на воду и наяд.

— Мистер Д. отложил окончательное решение. Он сказал, что я не провалил задание с тобой, но и не преуспел в нем, так что наши судьбы по-прежнему связаны. Если ты получишь разрешение на поиск, а я буду рядом, чтобы охранять тебя, и мы оба вернемся живыми, тогда, может быть, он сочтет работу выполненной.

Я воспрял духом.

— Что ж, значит, все не так уж плохо.

— Мэ-э-э! Он мог бы с тем же успехом перевести меня чистить конюшни. Шансы на то, что ты получишь разрешение на поиск... а если и получишь, с чего это ты захочешь, чтобы я сопровождал тебя?

— Конечно, я хочу, чтоб ты сопровождал меня!

Гроувер мрачно уставился на воду и сменил тему.

— Подводный баскетбол... Этому не так-то просто научиться.

Я попытался разубедить его, говоря, что у него куча способностей, но вид у Гроувера становился все более жалкий. Какое-то время разговор шел о гребле на лодках и фехтовании, затем мы принялись обсуждать положительные и отрицательные качества разных богов. Наконец я спросил Гроувера о четырех пустующих домиках.

— Восьмой номер, серебристый, принадлежит Артемиде, — пояснил Гроувер. — Она дала обет всегда оставаться девственницей. Поэтому, самой собой, никаких детей. Домик считается почетным. Если бы у нее его не было, она, наверное, сильно разгневалась бы.

— Ну ладно, допустим. Но те три, в конце. Это и есть «Большая троица»?

Гроувер напрягся. Мы вплотную приблизились к болезненной для него теме.

— Нет. Один из них, номер второй, принадлежит Гере, — сказал он. — Это еще одно почетное место. Она богиня брака, поэтому не стала бы путаться со смертными. Это занятие ее мужа. Когда мы говорим «Большая троица», то подразумеваем трех могущественных братьев, сыновей

Кроноса.

— Зевса, Посейдона и Аида?

— Верно. Вижу, тебе это известно. После великой битвы с титанами они силой отобрали мир у своего отца и бросили жребий, кому что достанется.

— Зевс получил небо, — стал припоминать я. — Посейдон — все моря и океаны, Аиду досталось царство мертвых.

— Угу.

— Но домика Аида здесь нет.

— Нет. И престола на Олимпе у него тоже нет. Похоже, он занимается своими делами только у себя в подземном царстве. Если бы у него здесь был домик... — Гроувера всего даже передернуло. — Приятного было бы мало. И хватит об этом.

— Но у Зевса и Посейдона, согласно мифам, есть сыновья. Так почему же их домики пустуют?

Гроувер стал беспокойно перебирать копытами.

— Лет шестьдесят назад, после Второй мировой войны, Большая троица решила, что больше не будет производить на свет героев. Их дети оказались слишком могущественными. Они стали слишком активно влиять на течение событий в мире, и получилась такая бойня! Как тебе должно быть известно, Вторая мировая война была, прежде всего, сражением между сыновьями Зевса и Посейдона, с одной стороны, и Аида и прочих — с другой. Победившие боги, Зевс и Посейдон, заставили Аида торжественно поклясться вместе с ними: больше никаких шашней со смертными женщинами. Они принесли клятву на реке Стикс.

Раздался удар грома.

— Это самая серьезная клятва, которую вы можете принести? — спросил я.

Гроувер кивнул.

— И братья сдержали слово, и больше детей не было?

— Семнадцать лет спустя Зевс не устоял. — Лицо Гроувера омрачилось. — По телевизору выступали старлетки с такими пышными прическами... он просто не удержался. Когда ребенок родился — девочка по имени Талия... в общем, река Стикс серьезно относится к обещаниям. Зевс-то отделался легко, он ведь бессмертный, но зато навлек страшную судьбу на свою дочь.

— Но это нечестно! Девочка ни в чем не виновата.

Гроувер в нерешительности помедлил, потом попытался объяснить.

— Перси, дети Большой троицы обладают могуществом более

сильным, чем остальные полукровки. У них сильная аура и запах, который привлекает монстров. Когда Аид узнал о девочке, он совсем не обрадовался, что Зевс нарушил клятву. Аид призвал самых страшных чудовищ из всего Тартара, чтобы мучить Талию. Когда ей исполнилось двенадцать, хранителем ее назначили сатира, но сделать было ничего нельзя. Сатир попытался провести ее сюда вместе с еще двумя полукровками, с которыми она подружилась. Им это почти удалось. Они прошли весь путь до вершины холма.

Он указал через долину на сосну, где я сражался с Минотавром.

— За ними устроили настоящую погоню с целой сворой адских гончих. Они уже почти настигли их, когда Талия сказала сатиру, чтобы он взял двух других полукровок и уходил, пока она попытается сдержать чудовищ. Она была ранена, выбилась из сил и не хотела жить как загнанный зверь. Сатир не желал бросать Талию, но ему не удалось ее переубедить, поэтому пришлось защищать остальных. Талия встретила врагов лицом к лицу на вершине холма, одна-одинешенька. Когда она умерла, Зевс пожалел ее и превратил в сосну. Ее дух по-прежнему помогает охранять границы долины. Вот почему этот холм называется Холмом полукровок.

Я долгим взглядом посмотрел на сосну вдалеке.

История, рассказанная Гроувером, вызвала во мне чувство опустошенности, да и вины тоже. Девочка, моя ровесница, пожертвовала собой ради своих друзей. Она одна выступила против целого полчища монстров. По сравнению с этим моя победа над Минотавром казалась не такой уж значительной. Я задумался: а поведи я себя иначе, мог бы я спасти маму?

— Скажи, Гроувер, — спросил я, — а что, действительно были герои, которые отправлялись на поиски близких в подземный мир?

— Случалось, — ответил он. — Орфей, Геракл, Гудини.

— И им хоть раз удавалось вернуть кого-нибудь из царства мертвых?

— Нет. Никогда. Это почти получилось у Орфея... Перси, неужели ты серьезно думаешь?..

— Нет, — соврал я. — Просто размечтался. Так, значит... сатир всегда предназначен охранять полубога?

Гроувер с опаской посмотрел на меня. Мне не удалось убедить его, что я действительно расстался с мыслью посетить царство мертвых.

— Не всегда. Под прикрытием мы внедряемся во многие школы. Чутьем пытаемся определить полубогов, которым предназначено стать великими героями. Если мы находим кого-нибудь с очень сильной аурой,

как у отпрысков Большой троицы, мы предупреждаем Хирона. Он старается держать их под присмотром, пока они не вызвали действительно серьезных проблем.

— И ты нашел меня. Хирон сказал, что ты думаешь, будто я могу быть кем-то особенным.

Гроувер посмотрел на меня так, словно я заманивал его в ловушку.

— Я не... О, пожалуйста, не думай так. Знаешь, если ты особенный, тебе никогда не разрешат отправиться в поиск, а я никогда не получу свое право. Возможно, ты сын Гермеса. Или даже кого-нибудь из младших богов, вроде Немезиды — богини мщения. Так что не беспокойся, ладно?

Мне пришло в голову, что он убеждает не столько меня, сколько себя.

* * *

В тот вечер после ужина лагерь был взбудоражен гораздо больше обычного.

Наконец-то пришло время для захвата флага.

Когда на тарелках ничего не осталось, протрубила раковина, и мы все встали со своих мест.

Обитатели лагеря разразились пронзительными криками, когда Аннабет и двое ее братьев прибежали в трапезную с шелковым знаменем. Оно было футов десять в длину, отливало серым, и на нем была изображена сова над оливковым деревом. Потом появилась Кларисса со своими подружками и с другим знаменем такого же размера, но кричаще красным, с изображением окровавленного копья и кабаньей головы.

Я повернулся к Луке и крикнул, перекрывая шум:

— Так это и есть флаги?

— Да.

— Арес и Афина всегда предводители команд?

— Не всегда, — ответил Лука. — Но часто.

— Значит, если другой домик захватит одно из знамен, вы что же, его перекрашиваете?

— Увидишь, — усмехнулся Лука. — Для начала надо его захватить.

— А мы на чьей стороне?

Он лукаво на меня посмотрел, будто знал что-то, чего не знаю я. Шрам на лице в свете факелов придавал ему разбойничий вид.

— Мы временно заключим союз с Афиной. Сегодня же ночью похитим флаг у Ареса. Хочешь помочь?

Огласили составы команд. Афина заключила союз с двумя самыми большими домиками — Аполлоном и Гермесом. Насчет привилегий — время для душа, распписание хоров — явно торговались заранее, чтобы заручиться поддержкой.

Команда Ареса заключила союз со всеми остальными: Дионисом, Деметрой, Афродитой и Гефестом. Парни и девчонки из команды Диониса были хорошими атлетами, хотя, пожалуй, только двое из них представляли собой серьезных противников. Ребята Деметры хорошо ориентировались на местности и знали, как сбить со следа, но особой агрессивности не проявляли. По поводу сыновей и дочерей Афродиты я не переживал. Большей частью они не стремились принимать участие в действиях, а любовались своими отражениями в глади озера, укладывали волосы и сплетничали. Отпрыски Гефеста были некрасивыми, к тому же их явилось всего четверо, но они были крупные и мускулистые, потому что весь день трудились в кузнице. С ними могли возникнуть проблемы. Я уж не говорю о домике Ареса — дюжине самых здоровенных ублюдков с Лонг-Айленда, а может, и со всего мира.

Хирон оглушительно цокнул копытом по мрамору.

— Герои! — возгласил он. — Правила вам известны. Пограничная линия — ручей. Весь лес — законная игровая площадка. Допустимы любые виды волшебства. Знамя должно быть выставлено у всех на виду и охраняться только двумя участниками состязания. Пленных можно разоружать, но запрещается связывать или вставлять кляп в рот. Убийства, а равно и нанесение тяжких телесных увечий — воспрещается. Судить, а также оказывать медицинскую помощь во время сражения буду я. К оружию!

Кентавр распростер руки, и на столах неожиданно появилось оружие: шлемы, бронзовые мечи, копья, щиты из воловьих шкур, украшенные металлом.

— Ничего себе! — изумился я. — Неужели мы действительно пустим все это в ход?

Лука посмотрел на меня так, как будто я не в своем уме.

— Надеюсь, ты не хочешь, чтобы нас продырявили наши друзья из домика номер пять? Ладно, Хирон придумал, где от тебя будет больше пользы. Ты будешь нести охрану границы.

Мой щит оказался размером с баскетбольный щит НБА, с большим изображением кадуцея посередине. Весил он, я думаю, миллион фунтов. Я мог бы с успехом прокатиться на нем, как на доске для сноуборда, но надеялся, что никто не ожидает от меня такой прыти. Мой шлем, как и

шлемы всех, кто сражался на стороне Афины, венчал синий плюмаж из конских волос. У команды Ареса и их союзников цвета были красные.

— Команда синих, вперед! — пронзительно выкрикнула Аннабет.

Мы разразились приветственными воплями и, потрясая мечами, последовали за ней по тропе, ведущей в южные леса. Команда красных взяла направление на север и, удаляясь, в полный голос осыпала нас насмешками.

Мне удалось нагнать Аннабет, при полном вооружении и ни разу не споткнувшись.

— Привет!

Она продолжала идти строевым шагом.

— Так каков план? — спросил я. — Запаслась какими-нибудь волшебными штучками, которые можешь одолжить мне?

Рука ее нащупала карман, словно она боялась, что я что-то украл.

— Просто следи за копьем Клариссы, — ответила она. — Не позволяй ей до тебя дотронуться. Об остальном не волнуйся. Мы захватим знамя Ареса. Лука уже поручил тебе что-нибудь?

— Охрану границы, что бы это ни значило.

— Это просто. Встань у ручья и отгоняй красных. Остальное предоставь мне. Афина всегда действует по плану.

Аннабет ринулась вперед, оставив меня далеко позади.

— Ладно, — пробормотал я ей вслед. — Рад, что захотела взять меня в свою команду.

Ночной воздух был жаркий и липкий. В лесу царила полная тьма, не считая светляков, мелькавших перед глазами. Аннабет поставила меня возле небольшого ручья, журчавшего среди камней, затем она и остальные члены ее команды рассыпались по лесу.

Стоя в одиночестве в большом шлеме с синим плюмажем и огромным щитом, я чувствовал себя последним идиотом. Бронзовый меч, как все мечи, которые я до сих пор опробовал, казался мне неправильно подобранным. Обернутая кожей рукоять оттягивала мне руку, как шар для боулинга.

Никто, похоже, и не собирался на меня нападать. Кажется, у олимпийцев нашлись дела поважнее.

Вдали пропела раковина. Я слышал крики в лесу и звон металла — ребята затеяли нешуточную схватку. Кто-то из потомков Аполлона в синем плюмаже промчался мимо меня, как олень, перепрыгнул через ручеек и скрылся на вражеской территории.

«Отлично, — подумал я. — Самое интересное я, как обычно,

пропустил».

Затем я услышал звук, от которого по спине у меня пробежали мурашки, — глухое собачье рычание где-то совсем близко.

Я инстинктивно поднял щит; у меня возникло чувство, что кто-то меня преследует.

Потом рычание прекратилось. Я почувствовал, что невидимое существо отступило.

На другой стороне ручья нижние ветви деревьев пришли в движение. Пять воинов Ареса с улюлюканьем и пронзительными воплями появились из темноты.

— Задайте этому лоху! — заорала Кларисса.

Ее мерзкие свиные глазки пылали в прорезях шлема. Она потрясала пятифутовым копьем, на зазубренном острие которого играли красноватые отблески. Ее сородичи были вооружены только стандартными бронзовыми мечами, но легче мне от этого не стало.

Они бросились через ручей. Никакой помощи не предвиделось. Я мог бежать. Или защищаться в одиночку против половины домика Ареса.

Мне удалось увернуться от первого удара, но эти ребята были поумнее Минотавра. Они окружили меня, и Кларисса метнула свое копье. Мой щит отразил острие, но я ощутил болезненное покалывание во всем теле. Волосы у меня встали дыбом. Державшая щит рука онемела, воздух заискрился огнем.

Электричество. Ее дурацкое копье было наэлектризовано. Я упал на спину.

Другой парень из команды Ареса со всей силы ударил меня в грудь рукоятью своего меча, после чего мне стало совсем паршиво.

Они могли бы сделать из меня отбивную, но слишком уж их обуяло веселье.

— Подстригите ему волосики, — ржала Кларисса. — Хватайте его за волосы.

Мне удалось встать на ноги. Я поднял меч, но Кларисса ударила по нему так, что только искры полетели. Теперь у меня онемели обе руки.

— Ух ты! Как я боюсь этого парня, — издевалась Кларисса. — Нет, правда боюсь.

— Флаг там, — напомнил я ей.

Мне хотелось, чтобы это прозвучало злобно, однако, боюсь, вышло совсем наоборот.

— Да, — ухмыльнулся один из ее сородичей. — Но, видишь ли, нам флаг не важен. Зато нам очень важен парень, который выставил наш домик

на посмешище.

— Вы делаете это и без моей помощи, — ответил я.

Пожалуй, это было самое умное, что я мог сказать в данной ситуации.

Двое из них подошли ко мне. Я повернулся к ручью, попытался поднять щит, но Кларисса оказалась проворнее. Кончиком копья она ткнула меня в ребра. Если б я не надел металлический нагрудник, из меня мог бы получиться неплохой люля-кебаб. Как бы то ни было, электрический разряд чуть не выбил у меня все зубы. Один из сотоварищей Клариссы полоснул меня мечом, оставив у меня на руке приличную рану.

Когда я увидел собственную кровь, у меня закружилась голова и возникло ощущение жара и холода одновременно.

— Никаких телесных повреждений, — только и удалось сказать мне.

— Ах-ах, — отозвался парень, — боюсь, теперь меня оставят без сладкого.

Он столкнул меня в ручей, и я плюхнулся в воду. Все загоготали. Я подумал, что, как только им надоест потешаться, придет моя смерть. Но затем что-то произошло. Вода взбудрила мои чувства, словно я только что съел двойную порцию маминых конфет.

Кларисса и ее сожители по домику вошли в ручей, чтобы поднять меня, но тут я сам выступил им навстречу. Я отлично понимал, что делаю. Размахнувшись, я шандарахнул плоской стороной меча по голове парня, шедшего первым, и начисто снес шлем. Удар был настолько силен, что я видел, как выкатились его глаза, когда доблестный отпрыск Ареса рухнул в ручей.

Урод номер два и урод номер три приближались с обеих сторон. Я хорошенько заехал одному по физиономии щитом и мечом срезал у другого плюмаж. Урод номер четыре в драку не рвался, но Кларисса продолжала надвигаться на меня, кончик ее копья потрескивал электрическими разрядами. Как только она нанесла удар, я зажал острие между щитом и мечом и сломал копье, как веточку.

— Ах ты! — завопила она. — Идиот! Червяк!

Вероятно, она сказала бы еще что-то более оскорбительное, но я хорошенько приложил рукоятью меча ей между глаз, так что Кларисса, пошатываясь, отступила на берег.

Затем я услышал протяжные пронзительные крики и увидел, как Лука стремительно мчится к пограничной линии, высоко подняв знамя команды красных. Сбоку, прикрывая его отступление, бежали двое ребят из команды Гермеса, а за ними несколько отпрысков Аполлона, отбивавшиеся от наседавших детей Гефеста. Детки Ареса встали, но еще не совсем пришли

в себя.

— Хитрость! — завопила Кларисса, по-видимому еще не до конца опомнившаяся от моего удара. — Они пошли на хитрость!

Они, пошатываясь, побрели за Лукой, но было уже поздно. Когда Лука перебежал на дружескую территорию, все собрались возле ручья. Наши взорвались победными приветственными криками. Красное знамя, мерцая, обратилось в серебряное. Копье и кабанья голова сменились огромным кадуцеем — символом одиннадцатого домика. Команда синих подняла Луку на плечи и понесла его по кругу. Хирон победным аллюром выбежал из-за деревьев, поднес раковину к губам и торжественно протрубил.

Игра была закончена. Мы победили.

Я уже почти присоединился к ликующей толпе, когда услышал рядом голос Аннабет:

— Неплохо, герой.

Я оглянулся, но ее не было.

— Черт побери, где ты научился так драться? — спросила она.

В воздухе сгустилось мерцание, и в нем появилась Аннабет, держа в руках бейсболку «Янкиз»^[6] так, как будто только что сняла ее с головы.

Я почувствовал, что начинаю злиться. Я даже упустил из виду, что всего минуту назад она была невидимой.

— Ты меня подставила, — огрызнулся я. — Бросила здесь, потому что знала, что Кларисса гонится за мной, а Луку послала на фланг. Ты все это заранее придумала.

— Я же тебе говорила. У Афины всегда есть план на всякий случай.

— План, чтобы меня тут в порошок стерли?

— Я появилась так быстро, как смогла. Я даже хотела было вмешаться, но... — Она снова пожала плечами. — Но тебе моя помощь не понадобилась.

Потом она заметила мою раненую руку.

— Как это вышло?

— Мечом, — буркнул я. — А ты как думала?

— Нет, это *был* порез от меча, а теперь — взгляни...

Крови не было и в помине. На месте глубокого разреза осталась длинная белая царапина, да и та быстро затягивалась. Пока я изумленно пялился на нее, царапина превратилась в небольшой шрам, а потом и вовсе исчезла.

— Как... как же это? — пробормотал я.

Аннабет напряженно соображала. Я буквально слышал, как шестеренки крутятся у нее в голове. Она посмотрела на мои ноги, затем на

сломанное копьё Клариссы и сказала:

— Выйди из воды, Перси.

— Что?..

— Просто выйди.

Выйдя из ручья, я мгновенно почувствовал страшную слабость. Руки снова стали неметь. Приток адреналина кончился. Я чуть не упал, но Аннабет подхватила меня.

— О, Стикс! — выругалась она. — Это нехорошо. Я не хотела... Просто подумала — это Зевс...

Прежде чем я успел спросить, что она имеет в виду, раздался тот же собачий рык, только намного ближе. Протяжный вой вспорол лесную тишину.

Ликующие возгласы обитателей лагеря мгновенно смолкли. Хирон крикнул что-то по-древнегречески, я, хотя и с некоторым запозданием, прекрасно понял его слова:

— Всем быть наготове! Мой лук!

Аннабет обнажила меч.

Затем на скалах, прямо над нами, возникла черная гончая размером с носорога, с красными, как пылающая лава, глазами и клыками наподобие кинжалов.

Это отродье глядело прямо на меня.

Никто не двинулся с места, только Аннабет выкрикнула:

— Перси, беги!

Она постаралась загородить меня собой, но существо оказалось проворнее. Оно перепрыгнуло через Аннабет — нечто громадное, темное, ощерившееся — и врезалось в меня. Я повалился на землю, чувствуя, как когти, острые как бритвы, раздирают мою броню, но тут один за другим раздались звуки, похожие на щелчки хлыста, словно сорок листов бумаги рвали один за другим. Шея твари оцетинилась стрелами. Монстр упал мертвым к моим ногам.

Каким-то чудом я уцелел. Мне не захотелось глядеть на свою искореженную броню. Грудь у меня была мокрой и теплой, и я понял, что тяжело ранен. Еще секунда — и монстр превратил бы меня в сотню фунтов отборного филе.

Хирон подскочил к нам, держа в руке лук, лицо его было мрачно.

— *Di immortales!* — воскликнула Аннабет. — Это адская гончая с Полей наказания. Они не должны были... никто не ждал...

— Кто-то призвал его, — сказал Хирон. — Кто-то из обитателей лагеря.

Подошел Лука, казалось, он позабыл о знамени и о минуте своего торжества.

— Это все Перси виноват! — завопила Кларисса. — Перси его призвал!

— Успокойся, дитя, — велел ей Хирон.

Мы смотрели, как тело гончей постепенно сливается с тенями, впитывается в землю и исчезает.

— Ты ранен, — напомнила мне Аннабет. — Быстро, Перси, давай обратно в воду.

— Я в порядке.

— Нет, не в порядке, — возразила она. — Хирон, посмотри на это.

Я слишком устал, чтобы спорить. Ступил обратно в ручей, весь лагерь столпился вокруг.

Внезапно я почувствовал себя лучше. Порезы на моей груди затягивались. Кто-то из обитателей лагеря шумно перевел дух.

— Послушайте, я... я не знаю, почему так случилось, — произнес я, пытаюсь извиниться. — Жаль...

Но никто не смотрел, как исцеляются мои раны. Они смотрели куда-то вверх, над моей головой.

— Перси... — Аннабет тоже указывала куда-то вверх...

Когда я поднял голову, знамение уже таяло, но я успел заметить нечто вроде голограммы, посверкивающее и вращающееся в зеленоватом свете. Трехконечное копьё — трезубец.

— Твой отец, — пробормотала Аннабет. — Вот это уже действительно плохая новость.

— Свершилось! — провозгласил Хирон.

Все вокруг стали опускаться на колени, даже обитатели домика Ареса, хотя, по-моему, особой радости они при этом не испытывали.

— Итак, мой отец?.. — спросил я, совершенно сбитый с толку.

— Посейдон, — изрек Хирон. — Сотрясатель земли, буреносец, покровитель лошадей. Приветствуем Персея Джексона, сына бога морей.

Глава девятая

Мне предлагают начать поиск

На следующее утро Хирон переселил меня в домик номер три.

Больше мне не пришлось ни с кем делить свое жилище. Места у меня было теперь достаточно: его хватило и для рога Минотавра, и для чистой одежды, и для мешочка с туалетными принадлежностями. Я мог сидеть за собственным обеденным столом, заниматься чем хочу, требовать «выключить свет», когда мне заблагорассудится, и никого не слушать.

При этом я чувствовал себя совершенно несчастным.

Не успели меня принять, не успел я почувствовать себя своим в домике номер одиннадцать, нормальным парнем — настолько нормальным, насколько вообще может чувствовать себя полубог, — как меня отделили от всех, как носителя какой-то редкой болезни.

Никто не упоминал об адской гончей, но я чувствовал, что все говорят о ней за моей спиной. Нападение испугало всех. Собственно говоря, оно несло в себе два смысла. Первый — я сын бога морей, и второй: монстры не остановятся ни перед чем, чтобы убить меня. Они могут даже вторгнуться в лагерь, который всегда считался безопасным.

Обитатели лагеря по возможности избегали меня. Жители одиннадцатого домика капитально занервничали, и никто из ребят не стал заниматься со мной фехтованием после того, что я учинил над детьми Ареса в лесу. Нам с Лукой пришлось тренироваться один на один. Он теснил меня еще сильнее, чем раньше, и не боялся в процессе обучения наставить мне шишек и синяков.

— Тебе потребуется все твое искусство, — обещал он, когда мы орудовали мечами и пылающими факелами. — Теперь давай снова попробуем этот удар «отрубить голову гадюке». Повторяем пятьдесят раз.

Наши утренние занятия древнегреческим с Аннабет продолжались, но она постоянно была рассеянна. Всякий раз, когда я произносил какую-либо фразу, она смотрела на меня исподлобья, словно я ударил ее между глаз.

Уходя после уроков, она бормотала себе под нос: «Поиск... Посейдон?... Идиотская затея... Надо придумать план...»

Даже Кларисса держалась на расстоянии, хотя по ее ядовитому взгляду было ясно: она хочет убить меня за то, что я сломал ее волшебное копье. Я предпочел бы, чтобы она просто завопила или дала мне оплеуху, что

удовно. Уж лучше каждый день драться, чем когда на тебя вообще не обращают внимания.

* * *

Я знал, что кто-то в лагере сильно настроен против меня, потому что как-то вечером, зайдя к себе, я обнаружил подсунутый под дверь номер «Нью-Йорк дейли ньюс», открытый на странице происшествий. У меня ушел почти час, чтобы прочесть статью, поскольку чем больше я злился, тем сильнее расплывались у меня перед глазами слова.

Эйлин Смит
МАЛЬЧИК И ЕГО МАТЬ
ВСЕ ЕЩЕ СЧИТАЮТСЯ
ПРОПАВШИМИ БЕЗ ВЕСТИ
ПОСЛЕ СТРАННОЙ АВТОКАТАСТРОФЫ

Салли Джексон и ее сын Перси до сих пор не обнаружены спустя неделю после своего таинственного исчезновения. Частично сгоревший семейный «Камаро-78» с сорванной крышей и сломанной передней подвеской был обнаружен в прошлую субботу на северном шоссе Лонг-Айленда. Машину перевернуло и несло по шоссе еще несколько сот футов, пока она не взорвалась.

Мать с ребенком уехали на выходные в Монтаук, но спешно покинули место своего нахождения при таинственных обстоятельствах. Пропавшие Джексоны не оставили никаких следов, не считая небольших следов крови в машине и вблизи от места аварии. Жители сельского района сообщили, что не заметили ничего необычного в ночь инцидента.

Муж миссис Джексон Гейб Ульяно заявляет, что его пасынок Перси Джексон — дефективный ребенок, которого выгнали из нескольких закрытых учебных заведений и который и в прошлом проявлял склонность к насилию.

Полиция не подтверждает, что Перси причастен к исчезновению матери, но не исключает возможности злоумышленных действий с его стороны. Внизу — недавно сделанные фотографии Салли и Перси Джексон. Полиция настоятельно просит всех граждан, располагающих любой информацией, позвонить по бесплатной горячей линии добровольного содействия органам власти.

Телефонный номер был обведен черным маркером.

Скомкав газету, я выбросил ее, затем бросился ничком на койку, стоявшую посередине моего пустого домика.

— Выключите свет, — жалобно попросил я.

* * *

В ту ночь мне приснился один из самых худших моих снов.

Я бежал по берегу штормящего моря. На этот раз позади меня находился город. Не Нью-Йорк. Очертания были совсем другие: здания располагались дальше друг от друга, росли пальмы, вдалеке виднелись холмы.

В сотне ярдов от полосы прибоя боролись двое мужчин. Они выглядели точь-в-точь как борцы, которых показывают по телику: мускулистые, бородатые, длинноволосые. На обоих были развевающиеся греческие туники, на одном с синей каемкой, на другом — с зеленой. Они то неистово вцеплялись друг в друга руками, то наносили обоюдные мощные удары, то сшибались лбами, и при каждом их соприкосновении вспыхивала молния, небо становилось все темнее и ветер крепчал.

Я должен был остановить их. Зачем — не знаю. Но чем быстрее я старался бежать, тем яростнее ветер отбрасывал меня назад, пока я уже не смог сделать вперед ни шагу, беспомощно топчась по песку.

Сквозь рев штормящего моря я слышал, как тот, что был в синем, пронзительно кричал второму, в зеленом: «Отдай! Отдай!» Как в детском саду, когда дерутся из-за игрушки.

Волны становились все круче, разбиваясь о берег, забрызгав меня солью.

«Прекратите! Перестаньте драться!» — завопил я.

Земля вздрогнула. Откуда-то снизу донесся хохот и голос, такой низкий и зловещий, что у меня кровь застыла в жилах.

«Иди же сюда, маленький герой, — негромко и проникновенно произнес голос. — Иди!»

Почва разверзлась у меня под ногами, и расселина эта вела прямо к центру Земли. Ноги мои соскользнули, и тьма поглотила меня.

Я проснулся, уверенный, что все еще падаю.

Но я по-прежнему лежал на кровати в домике номер три. Организм подсказывал, что уже утро, но за окном было темно, и громовые раскаты неслись над холмами. Надвигался шторм. Выходит, что мне ничего не

приснилось.

Я услышал стук копыт возле порога, потом заколотили в дверь моего домика.

— Войдите!

Гроувер рысью вбежал внутрь, вид у него был встревоженный.

— Тебя хочет видеть мистер Д.

— Зачем?

— Он хочет убить... Впрочем, пусть лучше сам все тебе расскажет.

Я торопливо натянул на себя одежду и последовал за Гроувером, уверенный, что двигаюсь навстречу серьезным неприятностям.

Уже несколько дней я постоянно ожидал, что меня призовут в Большой дом. Теперь же, когда меня провозгласили сыном Посейдона, одного из богов Большой троицы, которые предположительно не могли иметь детей, я полагал, что просто оставаться в живых с моей стороны — уже преступление. Возможно, другие боги обсуждали, как лучше всего наказать меня за это, и вот теперь мистер Д. готов огласить их вердикт.

Небо над всем Лонг-Айлендом выглядело как суп из чернил, который вот-вот закипит. Мутная завеса дождя двигалась в нашем направлении. Я спросил Гроувера, не нужен ли нам зонтик.

— Нет, — ответил тот. — Здесь никогда не идет дождь, хотя порой очень хочется.

— А это тогда какого черта? — Я указал рукой на приближающуюся бурю.

Гроувер беспокойно посмотрел на небо.

— Пройдет стороной. Плохая погода всегда нас минует.

Я понял, что он прав. За неделю, что я находился здесь, небо ни разу не обкладывало тучами. Несколько дождевых облаков, которые я видел, просто огибали край долины.

Но шторм... это вам не шутки.

На волейбольной площадке ребята из домика Аполлона играли против сатиров. Близнецы Диониса бродили вокруг клубничных полей, способствуя произрастанию ягод. Все вроде бы шло своим чередом, но везде ощущалась какая-то напряженность. Глаза всех обитателей лагеря были прикованы к надвигающейся буре.

Мы с Гроувером вошли на веранду Большого дома. Дионис сидел за столом для безика в той же самой тигровой гавайской рубашке, и перед ним точно так же стояла банка диетической колы — словом, все как в первый день. Хирон сидел напротив него в своем бутафорском инвалидном кресле. Они играли против двух невидимых противников: в воздухе парили

сданные карты.

— Так, так, — сказал мистер Д., не поднимая глаз. — А вот и наша маленькая знаменитость.

Я промолчал.

— Подойди поближе, — велел мистер Д. — И не жди, что я буду лебезить перед тобой, потому что твой отец этот старый похотливый бородач.

Разветвленная молния прорезала тучи. Гром сотряс стекла.

— Бла-бла-бла, — передразнил Дионис.

Хирон с притворным интересом уставился в свои карты. Гроувер спрятался за перила, перебирая копытами.

— Будь на то моя воля, — продолжал мистер Д., — я бы подпалил огоньком все твои молекулы разом. Мы бы тут все чистенько подмели — и делу конец. Но Хирону кажется, что это противоречило бы моей миссии в этом чертовом лагере: держать братьев наших меньших подальше от опасности.

— Самопроизвольное возгорание — также форма опасности, мистер Д., — вставил Хирон.

— Чушь, — огрызнулся Дионис. — Мальчишка ничего и не почувствовал бы. Тем не менее я согласился, что буду проявлять сдержанность. Думаю, лучше обратить тебя в дельфина и отослать к папаше.

— Мистер Д... — предупредил Хирон.

— Ну-ну, — смягчился Дионис, — просто еще один вариант. Но это глупо дальше некуда. — Дионис встал, и карты невидимых игроков упали на стол. — Я отбываю на Олимп на срочное совещание. Если мальчишка будет все еще здесь, когда я вернусь, я превращу его в какого-нибудь длиннорылого дельфина. Атлантический бутылконос подойдет? Короче, если у тебя есть хоть крупица разума, Персей Джексон, то ты немедленно согласишься с предложением Хирона.

Дионис взял игральную карту, свернул ее, и она превратилась в пластиковый прямоугольник. Кредитная карточка? Нет. Удостоверение для службы безопасности.

Он щелкнул пальцами.

Воздух обернулся вокруг него коконом. Потом мистер Д. превратился в голограмму и развеялся ветром, оставившим после себя лишь запах свежееотжатого винограда.

Хирон улыбнулся мне, но вид у него был усталый и напряженный.

— Садись, Перси, пожалуйста. И ты, Гроувер.

Мы сели.

Хирон выложил свои карты на стол — выигрышная комбинация, которой он не воспользовался.

— Ответь мне, Перси, — сказал он, — какое впечатление на тебя произвела адская гончая?

Одно только упоминание об этом отродье заставило меня содрогнуться.

Возможно, Хирон хотел, чтобы я сказал: «Да ну, чепуха все это. Я таких собачек на завтрак ел», но я не настроен был врать.

— Она напугала меня, — честно ответил я. — Если бы вы ее не застрелили, я бы погиб.

— Ты встретишь монстров и пострашнее, Перси. Куда страшнее, прежде чем завершишь его.

— Что... что завершу?

— Свой поиск, разумеется. Так ты берешься за это дело или нет?

Я быстро взглянул на Гроувера, который скрестил пальцы.

— Хм, сэр, — сказал я, — вы ведь до сих пор так и не сказали мне, в чем он заключается.

— Ну, в этом самое трудное, в деталях. — Хирон скорчил недовольную гримасу.

По долине вновь раскатился гром. Грозовые тучи уже почти достигли полосы прибоя. Насколько я мог видеть, море и небо слились в громокипящую волну.

— Посейдон и Зевс, — сказал я. — Они сражаются из-за чего-то очень ценного... чего-то, что было похищено.

Хирон и Гроувер переглянулись.

— Как ты узнал об этом? — Кентавр подкатился ближе ко мне.

На лице у меня выступила испарина. Ох, как бы мне хотелось придержать свой болтливый язык!

— Погода с самого Рождества стояла такая странная, будто небо и море борются между собой. Потом я говорил с Аннабет, и она сказала, что нечаянно услышала что-то о похищении... И... мне снились такие сны.

— Я знал это! — выдохнул Гроувер.

— Молчи, сатир, — приказал Хирон.

— Но это его поиск! — Глаза Гроувера горели от волнения. — Так должно быть!

— Только Оракул может вынести окончательное решение. — Хирон провел рукой по своей колючей бороде. — И тем не менее, Перси, ты прав. У твоего отца с Зевсом вышла величайшая ссора за последние несколько

столетий. Они борются за нечто очень ценное, что было украдено. Точнее говоря, из-за жезла, изрыгающего молнии.

— Из-за чего? — нервно рассмеялся я.

— Не воспринимай это так легкомысленно, — предупредил Хирон. — Речь не о какой-то там обернутой фольгой безделушке, которой вы забавлялись в младших классах. Речь идет о двухфутовом бронзовом цилиндре высшей небесной пробы, снабженном с обоих концов божественными взрывчатыми веществами.

— Ух ты!

— Жезл Зевса-повелителя! — произнес Хирон, распаляя себя. — Символ его власти, с которого были скопированы все остальные жезлы, мечущие молнии. Первое оружие, изготовленное циклопами для борьбы с титанами, жезл, поразивший молнией вершину горы Этна и низвергнувший Кроноса; жезл повелителя, по сравнению с которым все ваши водородные бомбы выглядят просто шутихами!

— И он пропал?

— Похищен, — уточнил Хирон.

— Чем?

— Кем, — поправил меня Хирон, никогда не выходивший из роли учителя. — Тобой.

У меня буквально отпала челюсть.

— По крайней мере, так полагает Зевс. — Хирон воздел руку. — Во время зимнего солнцестояния на последнем совете богов Зевс повздорил с Посейдоном. Повод был, как всегда, пустяковый: «Мать Рея всегда любила тебя больше!», «Воздушные катастрофы более зрелищны, чем кораблекрушения!» и тому подобное. После чего Зевс обнаружил, что его жезл пропал. Утащили из тронного зала прямо у него из-под носа. Зевс моментально обвинил в похищении Посейдона. Теперь слушай: бог не может просто отнять у другого бога символ верховной власти. Это запрещено древнейшими божественными законами. Однако Зевс убежден, что твой отец подговорил сделать это кого-то из героев.

— Но я не...

— Наберись терпения и выслушай, мальчик, — произнес Хирон. — Подозрительность Зевса не лишена оснований. Циклопы-кузнецы пребывают в самой глубине океана, что позволяет Посейдону определенным образом влиять на тех, кто выковал жезл его брата. Зевс полагает, что Посейдон похитил жезл повелителя и теперь приказал циклопам тайно изготовить целый арсенал незаконных копий, с помощью которых он замыслил свергнуть Зевса с трона. Зевс не был до конца уверен только в

том, кого из героев Посейдон избрал, чтобы похитить жезл. И вот Посейдон открыто признает тебя своим сыном. Ты был в Нью-Йорке на зимних каникулах. Ты легко мог прокрасться на Олимп. Короче, Зевс считает воров — *тебя!*

— Да я никогда не был на Олимпе! Ваш Зевс совсем спятил!

Хирон и Гроувер одновременно с тревогой посмотрели на небо. Тучи не расступились над долиной, как обещал Гроувер. Они неслись прямо над нами — тяжелые, как гробовая доска.

— Эх, Перси, Перси... — упрекнул меня Гроувер. — Мы никогда не используем бранных слов применительно к нашему повелителю.

— Скорее, это паранойя, навязчивая идея, — предположил Хирон. — Опять-таки Посейдон уже не раз пытался подсидеть Зевса. Помнится, это был тридцать восьмой вопрос вашего выпускного экзамена...

Он посмотрел на меня так, словно я действительно мог припомнить какой-то там тридцать восьмой вопрос.

Каким образом кому-то могло взбрести в голову обвинить меня в том, что я похитил оружие, принадлежащее богу? Я не мог стянуть даже кусочка пиццы, которой Гейб угощал своих покерных гостей, чтобы не попасться. Хирон ждал ответа.

— Что-то насчет золотой сети? — брякнул я наобум. — Посейдон, Гера и еще какие-то боги поймали Зевса и не хотели выпускать, пока он не пообещает править лучше?

— Точно, — произнес Хирон. — И с тех пор Зевс никогда не доверял Посейдону. Конечно, Посейдон отрицает, что он украл жезл. Он страшно разгневался, когда ему предъявили обвинение. Оба месяцами продолжали препираться, угрожая войной. И вот являешься ты — последняя капля, переполнившая чашу.

— Но я всего лишь мальчишка!

— Перси, — вмешался Гроувер, — поставь себя на место Зевса. Твой брат строит козни, чтобы свергнуть тебя, затем он же внезапно признает, что нарушил священную клятву, принесенную после Второй мировой войны, что он — отец нового героя, которого может использовать против тебя... Неужели это не заставило бы тебя усомниться?

— Но я ничего не сделал. Мой отец, Посейдон, не мог же он действительно украсть жезл своего повелителя?

Хирон испустил тяжкий вздох.

— Большинство разумных наблюдателей сходятся на том, что воровство не в стиле Посейдона. Но бог морей слишком горд, чтобы попытаться убедить в этом Зевса. Зевс потребовал, чтобы Посейдон вернул

жезл после летнего солнцестояния. Оно наступит двадцать первого июня, через десять дней. Посейдон же хочет, чтобы в этот день ему принесли извинения за подозрения в воровстве. Я надеялся, что дипломатия восторжествует, что Гера, или Деметра, или Гестия образумят братьев. Но твое появление еще больше разгневало Зевса. Теперь обратного пути нет. Если кто-нибудь не вмешается, если жезл повелителя не найдут и не вернут Зевсу до солнцестояния, — быть войне. Можешь ли ты себе представить, что значит полномасштабная война, Перси?

— Паршиво, да? — предположил я.

— Представь себе хаос, который воцарится в мире. Природа восстанет против самой себя. Олимпийцам придется выбирать между Зевсом и Посейдоном. Разрушения. Резня. Миллионы погибших. Западная цивилизация превратится в такое огромное поле битвы, что Троянская война по сравнению с ней покажется детской игрой в солдатики.

— Паршиво...

— И ты, Перси Джексон, первый испытываешь на себе гнев Зевса.

Пошел дождь. Волейболисты прекратили игру и в полном ошеломлении уставились в небо.

И это ненастье на Холм полукровок навлек я. Зевс наказывал весь лагерь из-за меня. Я был взбешен.

— Значит, я должен найти этот дурацкий жезл и вернуть его Зевсу? — раздраженно поинтересовался я.

— Разве можно придумать более совершенное и мирное жертвоприношение, чем сын Посейдона, возвращающий Зевсу принадлежащее ему по праву? — вопросом на вопрос ответил Хирон.

— Но если у Посейдона его нет, то где тогда эта штука?

— Полагаю, что я знаю это. — Хирон помрачнел. — Часть пророчества, явленного мне несколько лет назад... теперь некоторые из его строк мне понятны. Но, прежде чем я поясню свои слова, ты должен официально возглавить поиск. Можешь спросить совета у Оракула.

— Почему вы не хотите прежде сказать мне, где жезл?

— Если я сделаю это, ты слишком испугаешься, чтобы принять вызов.

— Веская причина, — ответил я, сглотив.

— Так ты согласен?

Я посмотрел на Гроувера, который ободряюще кивал мне головой.

Ему-то легко. Ведь Зевс намеревался убить именно меня.

— Ладно, — сказал я. — Все лучше, чем превратиться в дельфина.

— Значит, настал час спросить совета у Оракула, — кивнул Хирон. — Ступай наверх, Перси Джексон, на чердак. Когда вернешься — надеюсь,

что в здоровом уме, — мы поговорим еще.

* * *

Четыре пролета вверх, и ступеньки закончились зеленым люком.

Я потянул за веревку. Люк распахнулся, и навстречу мне с треском опустилась деревянная лестница. Теплый воздух наверху пах плесенью, подгнившим деревом и чем-то еще... запах, запомнившийся мне еще с уроков биологии. Рептилиями. Так пахнут змеи.

Задержав дыхание, я стал взбираться по лестнице.

Чердак был забит всяким древнегреческим хламом. Доспехи густо затянуло паутиной, когда-то ослепительно блестящие щиты разъела ржавчина, у стены громоздились друг на друга старые корабельные рундуки из кожи с наклейками «Итака», «Остров Цирцеи» и «Земля амазонок». Длинный стол был уставлен стеклянными сосудами, в которых плавали заспиртованные мохнатые лапы, огромные желтые глазища и другие части тел монстров. На стене висел пропыленный трофей, похожий на голову гигантской змеи, но с рогами и зубами, как у акулы. Табличка гласила: «ГОЛОВА ГИДРЫ № 1, ВУДСТОК, Нью-Йорк, 1969».

Возле окна на деревянном стуле с тремя ножками сидел самый отвратительный экспонат из всех — мумия. Но не обычная мумия, завернутая в тряпки; это было сморщенное и высохшее до невозможности женское тело. Открытое летнее платье висело на ней мешком, наряд дополняли множество ожерелий и лента на черных длинных волосах. Тонкая, как пергамент, кожа лица стягивалась к макушке, а на месте глаз поблескивали белые стекловидные щелки, словно туда вставили кусочки мрамора. Эта женщина была уже очень давно мертва.

Глядя на нее, я почувствовал, как по спине у меня забегали мурашки. Из рта мумии вырвались клубы зеленого дыма, которые толстыми завитками стали сворачиваться на полу, шипя, как двадцать тысяч змей. Я повернулся с намерением добраться до люка, но он был уже наглухо задраен. Доносящийся ниоткуда голос зазвучал у меня в голове, вползая в ухо, как змея, и кольцом обвиваясь вокруг моего мозга: «Я — дух Дельфийский, пророчествующий от лица Аполлона, убийцы могучего Пифона. Приблизься, ищущий, и спрашивай».

Я хотел было ответить: «Нет, спасибо, извините, я ошибся дверью, мне нужен туалет».

Но я заставил себя сделать глубокий вдох и постарался успокоиться.

Мумия была не живая. Она представляла собой отвратительное вместилище чего-то такого... некой силы, клубившейся вокруг меня зеленым туманом. Но присутствие этой силы не было зловещим, как моя математичка миссис Доддз или Минотавр. Скорее, у меня возникло ощущение, ассоциирующееся с тремя прядильщицами судьбы, которых я видел на шоссе за фруктовым прилавком: нечто древнее, могучее и определенно *нечеловеческое*. Но не заинтересованное в том, чтобы меня убить.

Набравшись духу, я спросил:

— Какая судьба мне уготована?

Вращаясь, дым сгустился, обволакивая меня и стол с заспиртованными органами монстров. Внезапно появились четверо мужчин, сидящих вокруг стола и играющих в карты. Теперь я мог ясно различить их лица. Это был Вонючка Гейб и его дружки.

Кулаки у меня непроизвольно сжались, хоть я и понимал, что эта партия в покер не может быть реальной. Это всего лишь иллюзия, сотканная из тумана.

Гейб повернулся ко мне и произнес скрипучим голосом Оракула: «Ты отправишься на запад и встретишься с богом, который изменил».

Дружок Гейба, сидевший справа, посмотрел на меня и сказал тем же голосом: «Ты найдешь украденное и вернешь его в целостности и сохранности».

Дружок слева бросил две фишки и объявил: «Ты будешь предан тем, кто называет себя твоим другом».

И Эдди, наш управляющий, изрек самое мрачное пророчество: «И в конце концов ты не сможешь спасти самое главное».

Фигуры стали растворяться в дымке. Поначалу я был слишком ошарашен, чтобы вымолвить хоть слово, но, увидев, что туман, сплетаясь, превращается в огромную зеленую змею и вновь заползает в рот мумии, вскричал:

— Постой! Что ты имела в виду? Какой друг? Чего я не смогу спасти?

Хвост змеи исчез в зеве мумии. Она откинулась назад, прислонившись к стене. Мумия так плотно сжала губы, что можно было подумать — она не открывала рта уже по меньшей мере сотню лет. На чердаке снова все стихло; это было просто заброшенное помещение, забитое старыми экспонатами.

У меня возникло чувство, что я могу простоять здесь, пока не покроюсь паутиной, но умнее от этого не стану.

Моя аудиенция у Оракула закончилась.

— Ну, как? — спросил меня Хирон.

Я тяжело опустился в кресло рядом с карточным столиком.

— Она сказала, что я найду и верну украденное.

— Отлично! — Гроувер придвинулся поближе, возбужденно жуя остатки банки из-под диетической колы.

— Что именно сказал Оракул? — настаивал Хирон. — Это важно.

Голос рептилии по-прежнему звенел у меня в ушах.

— Она... она сказала, что я отправлюсь на запад и увижу бога, который изменил. Найду украденное и верну его в целости и сохранности.

— Я так и знал! — воскликнул Гроувер.

— Что-нибудь еще? — спросил явно неудовлетворенный Хирон.

Я не хотел рассказывать ему все до конца.

Какой друг предаст меня? Не так уж у меня много друзей.

И что касается последних слов — мне не удастся спасти самое главное, Оракул посылает меня на поиск и при этом говорит: «Да, кстати, ты опозоришься».

Как я мог в этом признаться?

— Нет, — ответил я. — Это все.

Хирон изучающее скользнул взглядом по моему лицу.

— Хорошо, хорошо, Перси. Но знай: слова Оракула часто имеют двойной смысл. Не стоит сильно ломать над ними голову. Правда никогда не становится окончательно ясной, пока события не совершатся.

Кажется, Хирон понял, что я скрываю от него нечто плохое, и старается меня утешить.

— О'кей. — Меня обуревало желание сменить тему. — Так куда мне идти? И кто этот бог на западе?

— Подумай, Перси, — сказал кентавр. — Если Зевс и Посейдон ослабеют в войне друг против друга, то кто выиграет?

— Кто-то третий, кто хочет получить преимущество? — ответил я наугад.

— Совершенно верно. Некто, затаивший злобу, кому выпал несчастливый жребий с тех незапамятных пор, когда мир был поделен на три части, чье царство станет только могущественнее с притоком миллионов мертвецов. Некто, ненавидящий своих братьев за то, что они вынудили его дать клятву не иметь больше детей, клятву, которую оба впоследствии нарушили.

— Аид. — Я вспомнил о своем сне и о зловещем подземном голосе. Хирон кивнул.

— Повелитель мертвых — единственная возможная кандидатура.

Гроувер поперхнулся кусочком алюминия.

— Постойте-ка, кто? Ч-что?

— За Перси пришла фурия, — напомнил Хирон. — Проследив за юношей и удостоверившись в том, кто он, она попыталась убить его. Фурии подчиняются только одному повелителю — Аиду.

— Да, но... но Аид ненавидит *всех* героев, — возразил Гроувер. — Особенно если он узнал, что Перси — сын Посейдона...

— В лес проникла адская гончая, — продолжал кентавр. — Ее могли призвать только с Полей наказания, и сделал это кто-то из обитателей лагеря. У Аида здесь свой соглядатай. Он должен подозревать, что Посейдон постарается использовать Перси, дабы очистить свое имя. Аиду очень хотелось бы убить этого юного полукровку до того, как он отправится в поиск.

— Лихо, — пробормотал я. — Значит, меня хотят убить два верховных божества.

— Но поиск... — Гроувер прокашлялся. — То есть я хочу сказать — жезл повелителя не может находиться в таком месте, как Мэн. Мэн так красив в это время года.

— Аид послал одного из своих приспешников, чтобы похитить жезл, — стоял на своем Хирон. — Он спрятал его в подземном царстве, прекрасно зная, что Зевс обвинит Посейдона. Я не претендую на то, что в совершенстве разбираюсь в мотивах повелителя мертвых или в том, почему он решил затеять войну именно сейчас, но одно несомненно. Перси должен отправиться в царство мертвых, найти жезл и явить богам правду.

В животе у меня возникло какое-то странное жжение. И самое удивительное, что это был не страх. Это было предвкушение. Жажда мести. Аид пытался убить меня уже трижды, наслав на меня фурию, Минотавра и адскую гончую. Он виновен в том, что моя мать исчезла во вспышке света. Теперь он пытался обвинить меня с отцом в краже, которой мы не совершали.

Я готов был растерзать его.

Кроме того, если мама — в царстве мертвых...

«Эй, парень, — произнес некто в той крохотной части моего мозга, которая еще что-то соображала. — Ты же просто пацан. Ведь Аид — бог».

Гроувера трясло. Он принялся с хрустом жевать карты для безика, словно принял их за чипсы.

Бедняга собирался сопровождать меня в поиске, иначе не видать ему своей лицензии хранителя, но как мог я просить его идти со мной, особенно после того, как Оракул сказал, что у меня ничего не выйдет? Чистое самоубийство.

— Послушайте, если мы знаем, что это Аид, — сказал я Хирону, — почему бы не рассказать об этом другим богам? Зевс или Посейдон могут спуститься в подземное царство и разнести там все в пух и прах?

— Знать и подозревать не одно и то же, — урезонил меня Хирон. — Кроме того, даже если другие боги и подозревают Аида — а мне кажется, что Посейдон подозревает, — они не могут найти и вернуть жезл сами. Боги не могут пересекать границы своей территории, разве что по приглашению. Еще одно древнее правило. С другой стороны, герои наделены определенными привилегиями. Они могут отправиться куда угодно и бросить вызов любому, если они достаточно сильны. Ни один бог не несет ответственности за деяния героя. Почему, как тебе кажется, боги всегда действуют с помощью людей?

— Вы же сами сказали, что меня уже использовали.

— Я говорил, что Посейдон не случайно призвал тебя именно сейчас. Это очень рискованная игра, но он в безвыходном положении. Ты нужен ему.

Я нужен своему отцу!

Эмоции захлестнули меня, сплетаясь в причудливый вихрь, как узоры в калейдоскопе. Я не знал, чувствовать мне обиду или негодование, радоваться или сердиться. Посейдону не было до меня никакого дела целых двенадцать лет. А теперь, видите ли, я ему понадобился.

Я пристально поглядел на кентавра.

— Вы с самого начала знали, что я сын Посейдона!

— У меня были подозрения на этот счет. Как я уже говорил... я тоже обращался к Оракулу.

Я почувствовал, что Хирон много чего недоговаривает насчет своего пророчества, но решил, что сейчас не время об этом беспокоиться. В конце концов, я ведь тоже кое-что утаил.

— Итак, давайте подведем итог, — объявил я. — Значит, я должен спуститься в царство мертвых и лицом к лицу встретиться с повелителем смерти.

— Точно, — подтвердил Хирон.

— Найти самое мощное оружие во вселенной.

— Именно.

— И доставить его на Олимп до летнего солнцестояния.

— Ты абсолютно прав.

Я посмотрел на Гроувера, который проглотил туза червей.

— Я уже говорил, что Мэн прекрасен в это время года? — вяло спросил он.

— Можешь не идти, — предложил я. — Я ведь не могу тебя об этом просить.

— Да нет... — Он переступил копытами. — Нет... просто сатиры и царство мертвых... но, конечно...

Гроувер сделал глубокий вдох, затем встал и смахнул со своей футболки клочья карт и алюминиевую крошку.

— Ты спас мне жизнь, Перси. Если... если ты всерьез хочешь, чтобы я отправился с тобой, можешь на меня рассчитывать.

Я испытал такое облегчение, что мне захотелось закричать, хоть я и не думал, будто из этого получится нечто героическое. Гроувер был единственным, кого я считал своим другом больше нескольких месяцев. Я был не уверен, что сатир будет так уж полезен в схватке с силами смерти, но чувствовал: будет лучше, если он отправится со мной.

— Мы их сделаем, напарник! — Я повернулся к Хирону. — Так куда направимся? Оракул просто велел идти на запад.

— Вход в подземное царство всегда находится на западе. Веками он перемещается, подобно Олимпу. Сейчас он наверняка в Америке.

— Где?

— Я думал, это вполне очевидно. — Хирон удивленно воззрился на меня. — Вход в подземный мир находится в Лос-Анджелесе.

— Ну конечно, — пробормотал я. — Итак, мы сядем в самолет...

— Нет! — взвизгнул Гроувер. — О чем ты думаешь, Перси?! Ты хоть раз в жизни летал на самолете?

Я смущенно покачал головой. Мама никуда со мной не летала. Говорила, что у нас якобы нет денег. К тому же ее родители погибли в авиакатастрофе.

— Подумай, Перси, — сказал Хирон. — Ты сын бога морей. Самый злостный противник твоего отца — Зевс, повелитель неба. Твоя мать была права, когда не хотела брать тебя в полет. Тогда ты оказался бы во владениях Зевса. И не вернулся бы живым.

В небе раздался треск молнии. Прогредел гром.

— О'кей, — ответил я, решив не обращать внимания на грозу. — Поедем поездом или на машине.

— Вот и правильно, — одобрил Хирон. — Выбирай себе двух спутников. Один уже есть, это Гроувер. Вторая твоя спутница уже

вызвалась идти с тобой, если ты согласишься принять ее помощь.

— Неужели? — спросил я притворно удивленным голосом. — Кто же еще настолько глуп, что вызвался сопровождать меня?

Воздух позади Хирона слабо замерцал.

Сквозь мерцание проступила Аннабет, которая засовывала в задний карман свою бейсболку.

— Ты туп, как морской планктон, — парировала она. — Я уже сто лет дожидаюсь того, чтобы отправиться в поиск. Афина не поклонница Посейдона, но если ты собираешься спасти мир, то я лучше всего помогу тебе не опозориться.

— Ты в этом так уверена? — отозвался я. — Полагаю, у тебя есть план, воображала?

Щеки Аннабет покрылись румянцем.

— Так ты хочешь, чтобы я тебе помогала, или нет?

По правде говоря, мне бы этого хотелось. Мне нужна была любая помощь.

— Трио, — изрек я. — Что ж, годится.

— Превосходно, — заключил Хирон. — Сегодня же днем мы доставим вас на автовокзал в Манхэттене. Дальше рассчитывайте только на себя.

Сверкнула молния. Дождь рекой изливался на поля, которые, как предполагалось, всегда будет согревать солнышко.

— Не будем терять времени попусту, — сказал кентавр. — Пора собирать вещи.

Глава десятая

Я умудряюсь угробить новенький автобус

Мне паковать было особенно нечего. Я решил оставить рог Минотавра в домике, так что в рюкзак, который раздобыл мне Гроувер, оставалось положить смену белья и зубную щетку.

Лагерный магазинчик выдал мне ссуду в тысячу долларов обычными деньгами и двадцать золотых драхм. Монеты размером походили на домашнее печенье, которое пекут герл-скауты, и с одной стороны на них были выбиты изображения греческих богов, а с другой — Эмпайр-стейт-билдинг. Хирон сказал, что в древности люди чеканили драхмы из серебра, но олимпийцы всегда использовали только чистое золото. Затем присовокупил, что драхмами можно пользоваться для сделок с небожителями, каких именно — значения не имеет. Он дал мне с Аннабет по фляге нектара и мешочек на молнии с квадратными ломтиками амброзии, но только для экстренных случаев, если мы будем серьезно ранены. Это еда богов, напомнил нам Хирон. Она губительна для смертных, но нас излечит практически от любой раны. Если съесть или выпить слишком много, полукровка сделается лихорадочно возбужденным. Передозировка может сжечь нас в буквальном смысле слова.

Аннабет взяла волшебную бейсболку «Янкиз», которую, как она сказала, подарила ей на день рождения мама. Еще у нее была книга по знаменитой классической архитектуре, написанная на древнегреческом, чтобы читать, когда ей станет скучно, и длинный бронзовый нож, спрятанный в рукаве.

Я не сомневался, что нож выдаст нас с головой на первом же металлоискателе.

Гроувер надел свои бутафорские ноги и брюки, чтобы походить на человека. Еще на нем была большая зеленая кепка, потому что, когда шел дождь и его вьющиеся волосы распрямлялись, проглядывали кончики рожек. Свой ярко-оранжевый рюкзак сатир битком набил мелким металлоломом и яблоками, чтобы можно было перекусить по дороге. В кармане он таскал целый набор тростниковых дудочек, которые вырезал для него его папа-козел, хотя исполнить он мог лишь две вещи: Двенадцатый фортепианный концерт Моцарта и «So yesterday» Хилари Дафф. Обе звучали на дудочках просто ужасно.

Помахав на прощание обитателям лагеря, мы бросили последний взгляд на клубничные поля, океан, Большой дом, затем стали взбираться по Холму полукровок к высокой сосне — Талии, дочери Зевса.

Хирон ждал нас в инвалидном кресле. Рядом стоял похожий на серфера оболтус, которого я видел, когда лежал больной. Как объяснил мне Гроувер, это шеф службы безопасности лагеря. Судя по всему, глаза у него располагались по всему телу, так что его невозможно было застать врасплох. Однако сегодня он надел шоферскую форму, так что я мог видеть подглядывающие глазки только на его руках, лице и шее.

— Это Аргус, — представил его Хирон. — Он довезет нас до города и, хм... присмотрит за вами.

Я услышал сзади шаги и обернулся.

Вверх по холму бежал Лука, неся пару баскетбольных кроссовок.

— Привет! — задыхаясь, вымолвил он. — Рад, что нагнал вас.

Аннабет зарделась, как всегда, когда Лука был поблизости.

— Просто хотел пожелать удачи, — сказал мне Лука. — И еще подумал, что, хм, они могут тебе пригодиться.

Он передал мне кроссовки, выглядевшие вполне обыкновенно. Даже запах от них вроде бы шел нормальный.

— Майя! — произнес Лука.

Белые крылышки выпростались из подошв — я от изумления даже выронил обувь. Туфли запрыгали по земле, пока крылышки не сложились и не исчезли.

— Потрясающе! — воскликнул Гроувер.

Лука улыбнулся.

— Они сослужили мне хорошую службу, когда я отправился на поиск. Подарок от папы. Конечно, в последнее время я ими не часто пользовался...

Он погрузился.

Я не знал, что сказать. Здорово, что Лука пришел попрощаться. Я боялся, что он обижен тем, что в последние дни я уделяю ему слишком мало внимания. Но вот он стоял передо мной, протягивая свой волшебный подарок... Я зарделся почти так же, как Аннабет.

— Спасибо, дружище.

— Послушай, Перси... — Было видно, что Луке неловко это говорить. — Тут на тебя возлагают такие надежды. Так что... убей за меня парочку монстров, о'кей?

Мы пожали друг другу руки. Лука потрепал Гроувера по голове между рожками и на прощание обнял Аннабет, которая едва не лишилась чувств.

После того как Лука ушел, я сказал ей:

— Больно ты у нас нежная барышня.

— А вот и нет!

— Ты же отдала ему захваченный флаг?

— Ох... и зачем это я с тобой потащилась, Перси?

Она стала спускаться по другой стороне холма, где на обочине уже ждал белый лимузин. Аргус последовал за ней, побрякивая ключами от машины.

Я подобрал крылатые кроссовки, и внезапно меня охватило нехорошее чувство.

— Ведь я все равно не смогу воспользоваться ими? — спросил я, поглядев на Хирона.

Кентавр покачал головой.

— Лука сделал это от души, Перси. Но подниматься в воздух... я бы тебе не советовал.

Я разочарованно кивнул, но затем меня осенило.

— Эй, Гроувер, хочешь волшебную вещь?

— Я? — Глаза у сатира загорелись.

Мы быстренько зашнуровали кроссовки на его бутафорских конечностях, и первый в мире летающий мальчик-козел был готов к запуску.

— Майа! — выкрикнул он.

Взлет у Гроувера получился на славу, но потом его стало болтать из стороны в сторону, так что он проехался рюкзаком по траве. Крылатые туфли брыкались, как маленькие необъезженные жеребцы.

— Потренируйся! — посоветовал ему Хирон. — Тебе просто не хватает практики!

— А-а-а-а! — Гроувер, которого мотало в полете из стороны в сторону, промчался к подножию холма, как безумный газонокосильщик.

Прежде чем я успел последовать за ним, Хирон взял меня за руку.

— Мне надо было больше заниматься тобой, Перси, — сказал он. — Если бы только у меня было время. Геракл, Ясон — их мне удалось обучить лучше.

— Да ничего, и так сойдет. Я просто хотел...

Я замолчал: не стоит говорить какие-то банальности. Просто мне хотелось, чтобы папа тоже подарил мне какую-нибудь замечательную волшебную штуку, которая помогла бы мне в поиске, что-нибудь вроде крылатых туфель Луки или кепки-невидимки Аннабет.

— О чем я думаю? — спохватился Хирон. — Я не могу отпустить тебя

без этого.

Он вынул из кармана ручку и отдал ее мне. Это была обычная шариковая ручка, с черным стержнем и снимающимся колпачком. Центов за тридцать.

— Здорово, — сказал я. — Спасибо.

— Перси, это дар твоего отца. Я хранил его долгие годы, не зная, что он предназначался тебе. Но теперь пророчество стало окончательно мне ясно. Ты — тот самый.

Я вспомнил экскурсию в Метрополитен, когда я уничтожил миссис Доддз. Хирон бросил мне ручку, которая превратилась в меч. Может быть, это...

Сняв колпачок, я моментально почувствовал, как ручка стала длиннее и тяжелее. Через полсекунды я уже держал блестящий бронзовый меч — обоюдоострый, с рукоятью, обернутой кожей и украшенной золотыми заклепками. Впервые меч пришелся мне как раз по руке.

— У этого меча долгая и трагическая история, в которую нет нужды вдаваться, — сказал Хирон. — Его называют Анаклузмос.

— Сильное течение, стремнина, — перевел я, удивленный тем, как легко мне удалось понять древнегреческое слово.

— Пользуйся им только при крайней необходимости, — предупредил Хирон, — и только против монстров. Конечно же, никакой герой не станет причинять людям вред, только в исключительных обстоятельствах, но этот меч в любом случае не нанесет им ущерба.

Я посмотрел на грозное, острое лезвие.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он не может причинить вред людям? Как это может быть?

— Этот меч выкован из небесной бронзы. Сначала над ним работали в кузне циклопы, его закалили в кратере Этны и охладили в струях Леты. Он смертоносен для монстров и всех существ царства мертвых, если, конечно, они не убьют тебя прежде. Но сквозь тело смертного этот клинок пройдет как сквозь туман. Слишком уж они мелки, чтобы убивать их этим мечом. И предупреждаю: будучи полубогом, ты можешь погибнуть и от небесного, и от обычного оружия. Ты вдвойне уязвим.

— Приятная новость.

— Теперь снова надень колпачок.

Не успел я коснуться колпачком острия, как Анаклузмос снова превратился в обычную ручку. Я засунул ее в карман, немного нервничая, так как в школе славился тем, что постоянно терял ручки.

— Ты не сможешь.

— Что?

— Потерять ручку, — пояснил кентавр. — Она заколдована и всегда будет снова оказываться в твоём кармане. Попробуй.

Забросив ручку как можно дальше вниз по холму и увидев, как она исчезла в траве, я стал внимательно следить за тем, что произойдет дальше.

— На это может уйти несколько мгновений, — предупредил Хирон. — Ну-ка, теперь проверь.

Естественно, ручка была на месте.

— О'кей, чертовски здорово, — согласился я. — Ну а если кто-нибудь из смертных увидит, что я достаю меч?

— Туман — могучая вещь, Перси, — улыбнулся Хирон.

— Туман?

— Да. Прочитай «Илиаду». Там есть множество упоминаний об этом. Всякий раз, когда божественные или inferнальные силы вступают в связь со смертным миром, они порождают туман, затмевающий зрение людей. Как полукровка, ты будешь видеть все, как оно есть, но люди станут истолковывать увиденное неправильно. Примечательно, однако, что люди готовы пойти на невероятные ухищрения, чтобы доказать, будто их версия правильна.

Я сунул Анаклузмос обратно в карман.

Впервые я по-настоящему почувствовал, что пускаюсь в поиск. Я действительно покидал Холм полукровок. Я отправлялся на запад самостоятельно, без взрослых, без определенного плана, даже без мобильного. (Хирон сказал, что монстры отслеживают сотовые телефоны; если мы возьмем с собой хоть один, это будет для них как сигнальная ракета.) Выходило, что самым мощным моим оружием, чтобы сразиться с монстрами и достигнуть царства мертвых, становился меч.

— Хирон... — нерешительно позвал я. — Если вы говорите, что боги бессмертны... то, значит, время было и до них?

— Точнее говоря, до них прошло четыре века. Время титанов пришлось на четвертый век, который иногда называют золотым, а это вопиющая несправедливость. Пятый век — век западной цивилизации и владычества Зевса.

— Так что же было... до богов? Хирон поморщился.

— Даже я недостаточно стар, чтобы знать это, дитя, но я знаю, что то было время тьмы, когда смертные пребывали в диком состоянии. Кронос, владыка титанов, назвал свое царствование Золотым веком, поскольку люди жили в неведении и не были обременены знанием. Но это была всего лишь пропаганда. Царь титанов считал, что ваш род способен лишь

потреблять выпивку, закуску и дешевые развлечения. В раннюю пору царствования Зевса добрый титан Прометей добыл для человечества огонь, чтобы ваш вид мог развиваться, но Прометея заклеили как бунтаря и мятежника. Как ты, вероятно, помнишь, Зевс сурово наказал его. Однако в конце концов боги смягчились по отношению к людям, и появилась западная цивилизация.

— Но теперь боги не могут умереть. То есть, пока жива западная цивилизация, они тоже будут живы. Выходит... что, даже если у меня ничего не получится, не произойдет ничего настолько плохого, чтобы все пошло кувырком?

— Никто не знает, сколько продлится век Запада, Перси, — меланхолично улыбнулся Хирон. — Да, боги бессмертны. Но такими же были и титаны. Они существуют до сих пор, запертые в темницах, лишённые власти и вынужденные в наказание терпеть бесконечные муки, но все еще живые. Очень даже живые. Быть может, богини Судьбы воспротивятся тому, чтобы боги когда-либо пережили подобное, а мы вернулись к мраку и хаосу прошлого. Единственное, что мы можем, дитя, — следовать своему предназначению.

— Своему предназначению... знать бы — в чем оно.

— Расслабься, — посоветовал мне Хирон. — Сохраняй ясность мыслей. И помни: может быть, именно тебе суждено предотвратить величайшую войну за всю историю человечества.

— Расслабиться... — огрызнулся я. — Да я вообще не напрягаюсь.

Добравшись до подножия холма, я оглянулся. Хирон стоял под сосной — Талией, дочерью Зевса, — выпрямившись во весь свой немалый рост и высоко подняв лук в знак приветствия. Обычное прощальное напутствие после летних каникул от самого обычного кентавра.

* * *

Аргус вывез нас из сельской местности и доставил на западную оконечность Лонг-Айленда. Странно было снова оказаться на шоссе; Аннабет и Гроувер сидели рядом со мной, как обыкновенные попутчики. После двух недель на Холме полукровок реальный мир казался чем-то фантастическим. Я поймал себя на том, что, как дикарь, глазею на «макдоналдсы», на ребят на заднем сиденье родительской машины, на придорожные щиты и торговые центры.

— Пока все хорошо, — сказал я Аннабет. — Вот уже десять миль

проехали — и ни одного монстра.

Она ответила мне раздраженным взглядом.

— У тебя рыбы мозги. Такие слова не доведут до добра.

— Напомни, а то я забыл: отчего ты меня терпеть не можешь?

— Неправда.

— Ты меня за дурака держишь?

— Слушай... не обязательно же нам ладить? — Она принялась мять свою кепку-невидимку. — Наши родители — соперники.

— Почему?

— Вот же настырный, — вздохнула Аннабет. — Как-то раз мама застала Посейдона с подружкой в храме Афины — ничего неуважительнее и быть не может. В другой раз Афина и Посейдон состязались — кому быть покровителем Афин. В качестве дара твой папа открыл какой-то там источник соленой воды, а моя мама вырастила оливковое дерево. Люди увидели, что ее дар лучше, вот и назвали город в ее честь.

— Наверное, просто потому, что они любили оливки.

— Отвяжись.

— Вот если бы она изобрела пиццу — это я понимаю!

— Сказала — отвяжись!

Аргус на переднем сиденье улыбался. Он ничего не сказал, но голубой глаз на затылке подмигнул мне.

Движение транспорта в Квинсе стало медленнее. К тому времени, когда мы добрались до Манхэттена, солнце уже садилось, стал накрапывать дождь.

Аргус высадил нас на остановке «грейхаундов» в Верхнем Ист-Сайде, недалеко от квартиры, где мама когда-то жила с Гейбом. К почтовому ящику был приклеен промокший флайер с моей фотографией и надписью: «Ты видел этого мальчика?»

Я сорвал флайер, прежде чем Гроувер и Аннабет успели заметить его.

Аргус выгрузил наши вещи, удостоверился, что мы купили билеты на автобус, и уехал; когда он выезжал с парковочной площадки, один глаз на его руке открылся, чтобы проследить за нами.

Я подумал о том, как близко отсюда моя старая квартира. В это время мама обычно возвращалась домой из кондитерской. Вонючка Гейб сейчас, наверное, сидит у себя, играет в покер, и ему глубоко плевать на то, где она и что с ней.

Гроувер надел рюкзак. Он перехватил мой взгляд и посмотрел в ту же сторону.

— Хочешь знать, почему она вышла за него, Перси?

— Ты что, мои мысли читаешь? — уставился я на него.

— Только твои чувства, — пожал плечами Гроувер. — Я вроде забыл тебе сказать, что сатиры это умеют. Ты ведь вспоминал про маму и отчима?

Я кивнул, призадумавшись, что еще Гроувер мог позабыть сказать мне.

— Твоя мама вышла за Гейба из-за *тебя*, — сказал Гроувер. — Вот ты зовешь его Вонючкой, а сам ничего не понимаешь. У парня такая аура!.. Ее даже отсюда можно учуять. Я чую его следы на тебе, а ведь вы не виделись почти неделю.

— Ах, значит, спасибо Вонючке Гейбу, — огрызнулся я. — Где тут ближайший магазин? Я сбегая за пивом.

— Тебе следовало быть благодарным, Перси. Твой отчим так отвратительно пахнет человеком, что он мог годами скрывать твою полубожественную природу. Как только я почуял запах его «камаро», понял: своей вонью Гейб годами прикрывал тебя. Если бы ты не жил с ним каждое лето, монстры, наверное, давно убили бы тебя. Твоя мама оставалась с ним, чтобы защитить тебя. Она была умная. И, должно быть, очень любила тебя, поскольку связалась с таким парнем... если тебе это, конечно, интересно.

Лучше мне от его слов не стало, но я не подал виду.

«Я снова увижу ее, — подумал я. — Она не умерла».

Интересно, продолжает ли Гроувер читать мои чувства, сейчас они в полном раздразе. Мне было приятно, что он и Аннабет со мной, но я чувствовал себя виноватым, поскольку был с ними не вполне честен. Я не открыл им истинной причины, почему согласился на этот дурацкий поиск.

Правда заключалась в том, что мне не было ровно никакого дела до жезла или спасения мира или даже того, чтобы помочь своему отцу в беде. Чем больше я думал об этом, тем больше упрекал Посейдона за то, что он ни разу не навестил меня, ни разу не помог маме, ни разу не прислал даже какие-нибудь вшивые алименты. Он призвал меня только потому, что ему нужен был исполнитель.

Я беспокоился лишь о маме. Аид несправедливо забрал ее, и Аид вернет ее обратно.

«Тебя предаст один из тех, кто называет себя твоим другом, — прошелестел у меня в голове Оракул. — В конце концов ты не сможешь спасти самое главное».

«Заткнись», — велел я.

Дождь не переставал.

Мы потеряли всякое терпение, дожидаясь автобуса, и решили поиграть одним из яблок Гроувера. Аннабет была бесподобна. Она могла подбросить яблоко коленом, локтем, плечом, чем угодно. Я старался от нее не отставать.

Игра закончилась, когда я зашвырнул яблоко практически в рот Гроуверу. В одну козло-секунду наш импровизированный мячик исчез — с кожей, черенком, словом, весь.

Гроувер густо покраснел. Он попытался извиниться, но мы с Аннабет были слишком заняты, нахваливая друг друга.

Наконец пришел автобус. Пока мы стояли в очереди на посадку, Гроувер начал оглядываться и принюхиваться, будто учуял свое любимое школьное лакомство — энчиладу.

— Что такое? — спросил я.

— Не знаю, — напряженно ответил он. — Может, и ничего.

Но ручаюсь, это было не просто так. И я тоже стал оглядываться.

Мне стало легче только тогда, когда посадка закончилась и мы нашли свои места в задней части автобуса. Сложили рюкзаки и уселись. Аннабет продолжала нервно похлопывать по бедру бейсболкой.

Когда зашли последние пассажиры, она стиснула мое колено:

— Перси!

В автобус только что вошла старая дама. На ней было помятое бархатное платье, кружевные перчатки и бесформенная оранжевая вязаная шляпа, затенявшая ее лицо, в руках она держала большую сумку из ткани с орнаментом. Когда дама подняла голову, ее черные глаза блеснули, и сердце мое бешено забилося.

Это была миссис Доддз. Она постарела, на лице появилось больше морщин, но выражение осталось то же — злобное.

Я поглубже вжался в сиденье.

За ней вошли еще две старые дамы, одна в зеленой, другая в фиолетовой шляпе. В остальном они выглядели точь-в-точь как миссис Доддз: те же узловатые руки, матерчатые сумки, помятые бархатные платья. Демоническая троица старушек.

Они сели в переднем ряду, сразу за шофером. Двое, сидевшие возле прохода, выставили ноги и скрестили их. Это могло показаться случайным, но смысл был совершенно очевиден: проход закрыт.

Автобус отъехал от остановки и запетлял по мокрым улицам Манхэттена.

— Недолго же она пробыла мертвой, — сказал я, стараясь не выдать

дрожь в голосе. — Кажется, ты говорила, что их можно уничтожить раз и навсегда.

— Я сказала: если повезет, — ответила Аннабет. — Ты явно не из везунчиков.

— Все трое сразу, — захныкал Гроувер. — *Di immortales!*

— О'кей. — Аннабет напряженно что-то обдумывала. — Фурии. Трое самых ужасных чудовищ царства мертвых. Не беда... Не беда. Мы вылезем через окна!

— Они не открываются, — простонал Гроувер.

— Задний выход? — предположила Аннабет.

Заднего выхода не было. Да если бы и был, вряд ли бы это нам помогло. Мы уже успели выехать на Девятую авеню и направлялись к туннелю Линкольна.

— Они ведь не нападут, когда кругом столько свидетелей? — спросил я.

— У смертных плохое зрение, — напомнила Аннабет. — Их мозг воспринимает лишь то, что видно сквозь туман.

— Но они увидят, как три старухи убивают нас, или нет?

Аннабет задумалась.

— Трудно сказать. Но мы не можем рассчитывать на поддержку смертных. Может быть, аварийный выход на крыше?..

Мы въехали в туннель Линкольна, и в автобусе стало темно, не считая цепочки огней, бежавших вдоль прохода. Царила зловещая тишина, даже дождя не было слышно.

Миссис Доддз встала. Голосом, таким бесцветным, словно она репетировала его заранее, она объявила на весь автобус:

— Мне нужно в туалет.

— Мне тоже, — сказала вторая сестра.

— И мне, — подхватила третья.

Все три двинулись по проходу.

— Поняла, — прошептала Аннабет. — Перси, возьми мою кепку!

— Что?

— Им нужен только ты. Превратись в невидимку и ступай по проходу. Пусть они пройдут мимо. Может, тебе удастся добраться до передней двери...

— А вы?..

— Есть шанс, что они не заметят нас, — пояснила Аннабет. — Ты — сын одного из Большой тройцы. Твой запах может заглушить остальные.

— Я не могу просто так бросить вас.

— Да не волнуйся ты о нас, — подтолкнул меня Гроувер. — Иди!

Руки у меня дрожали. Чувствуя себя трусом, я взял бейсболку с эмблемой «Янкиз» и надел ее.

Посмотрев вниз на свои ноги, я увидел, что ничего не вижу.

Я пополз по проходу. Мне удалось преодолеть десять рядов и шмыгнуть на свободное место как раз в тот момент, когда фурии проходили мимо.

Миссис Доддз остановилась, пригнувшись, и в упор посмотрела на меня. Сердце мое гулко билось в груди.

Она ничего не заметила. И сестры пошли дальше.

Я был свободен. Мне удалось подобраться к передней двери, как раз когда мы выезжали из туннеля. Я уже приготовился нажать кнопку аварийной остановки и тут услышал омерзительные завывания, доносившиеся сзади.

Старухи уже не были старухами. Лица их остались теми же — страшнее не придумаешь, — но тела превратились в кожистые коричневые тела старых ведьм, с крыльями как у летучих мышей и когтистыми, как у горгулий, лапами. Вместо сумочек они размахивали огненными хлыстами.

Окружив Гроувера и Аннабет — хлысты так и свистели в воздухе, — они наперебой зашипели:

— Где это? Где?

Остальные пассажиры пронзительно кричали, съежившись на сиденьях. Значит, что-то они увидели, уже неплохо.

— Его здесь нет! — взвизгнула Аннабет. — Он ушел.

Фурии занесли над ней свои хлысты.

Аннабет выхватила бронзовый нож. Гроувер вытащил жестяную банку из рюкзака, где хранил свою провизию, и замахнулся.

Мои дальнейшие действия были настолько импульсивными и опасными, что я вполне мог претендовать на звание первого психа года и расклейку моих фотографий на постерах по всей стране.

Водитель отвлекся, пытаясь разглядеть, что происходит, в зеркале заднего вида.

Оставаясь невидимкой, я выхватил у него руль и крутанул влево. Пассажиры взвыли, когда их швырнуло вправо, и я услышал — хотелось бы надеяться! — как трое фурий вываливаются в окна, разбивая стекло.

— Эй! — завопил шофер. — Эй, какого черта?!

Мы продолжали бороться за руль. Автобус тяжело швыряло из стороны в сторону, металлический скрежет не умолкал, искры летели в воздухе на милую позад нас.

Накренившись, автобус выскочил из туннеля Линкольна под дождь, людей и монстров бросало по всему автобусу, машины летели в разные стороны, как кегли в боулинге.

Каким-то образом водитель нашел выход из ситуации. Мы пулей промчались по шоссе, минуя с полдюжины светофоров, и в конце концов оказались на одной из проселочных дорог Нью-Джерси, которых по ту сторону реки чертова прорва. Теперь слева был лес, справа — Гудзон, и, судя по всему, водитель выруливал к реке.

Тут меня снова осенило, и я со всей силы ударил по педали аварийных тормозов.

Завизжали покрышки, автобус описал полный круг на мокром асфальте и врезался в деревья. Включилось аварийное освещение. Двери распахнулись. Шофер первым бросился наружу, за ним, пронзительно вопя, кинулись пассажиры. Я пропустил их и уселся на водительское сиденье.

Фурии успели занять прежние позиции. Они бичевали своими хлыстами Аннабет, которая размахивала ножом и что-то кричала на древнегреческом — в том смысле, чтобы они убирались прочь. Гроувер швырялся банками.

Я посмотрел на открытую дверь. Передо мной была свобода, но я не мог бросить своих друзей. Я снял кепку-невидимку.

— Привет!

Фурии обернулись ко мне, оскалив желтые клыки, и мне в голову внезапно пришла блестящая мысль о том, какой теперь возможен выход из положения. Миссис Доддз подкрадывалась ко мне по проходу — точно так же, как в классе, чтобы сообщить, что я завалил очередной тест по математике. Всякий раз, когда она щелкала хлыстом, по морщинистой коже пробегали отблески красного пламени.

Две ее уродливые сестрички перепрыгивали с сиденья на сиденье, подбираясь ко мне, как две огромные мерзкие ящерицы.

— Персей Джексон, ты оскорбил богов, — возвестила миссис Доддз с акцентом, определенно приобретенным где-то южнее, чем штат Джорджия. — Поэтому тебе суждено умереть.

— Вы больше нравились мне в роли математички, — ухмыльнулся я.

Она зарычала.

Аннабет и Гроувер осторожно двигались вслед за фуриями, поглядывая на открытую дверь.

Я вынул из кармана шариковую ручку и снял колпачок. Меч вытянулся у меня в руке, поблескивая обоюдоострым клинком.

Фурии заколебались.

Миссис Доддз уже довелось отведасть Анаклузмоса. Его вид ей явно не понравился.

— Сдавайся немедленно, — прошипела она, — иначе будешь обречен на вечные муки.

— Красиво сказано.

— Берегись, Перси! — крикнула Аннабет.

Миссис Доддз захлестнула бичом мою руку, державшую меч, остальные фурии с обеих сторон бросились на меня.

Мою руку словно облили раскаленным свинцом, но мне удалось не выронить Анаклузмос. Эфесом я ударил фурию слева, заставив ее плюхнуться на сиденье. Повернувшись, я нанес разящий удар фурии справа. Едва только лезвие коснулось ее шеи, она с воплем взорвалась облаком пыли. Аннабет поймала миссис Доддз борцовским захватом и швырнула на спину, пока Гроувер старался вырвать из ее рук хлыст.

— О! — заскулил он. — Горячо! Жжется!

Фурия, которую я оглушил эфесом, вытянув когтистые лапы, снова подкралась ко мне, но я взмахнул Анаклузмосом, и она рассыпалась в труху.

Миссис Доддз старалась сбросить со спины Аннабет. Она брыкалась, махала когтистыми лапами, шипела и кусалась, но Аннабет держалась стойко, пока Гроувер не связал ноги миссис Доддз ее собственным хлыстом. В конце концов оба повалили ее в проход. Фурия попыталась приподняться, но ей не хватало места, чтобы выпростать крылья летучей мыши.

— Зевс уничтожит вас! — пообещала она. — Аид заберет твою душу!

— *Braccas meus vescimini!* — звонко крикнул я.

До сих пор не пойму, как у меня выскочила эта латинская фраза. Думаю, она означала: «Пошла в задницу!»

Удар грома сотряс автобус. Волосы у меня на голове зашевелились.

— Сваливаем! — пронзительно крикнула Аннабет. — Немедленно!

Дважды повторять не пришлось.

Мы бросились наружу и увидели, что остальные пассажиры, как сомнамбулы, бродят кругом, спорят с шофером или бегают кругами, вопя: «Мы все погибнем!» Турист в гавайской рубашке успел сфотографировать меня, прежде чем я убрал меч.

— Наши рюкзаки! — осенило Гроувера. — Мы оставили свои...

БУУУУМ!

Стекла автобуса вылетели, пассажиры ринулись в укрытие. Молния пробила в крыше настоящий кратер, но по злобным стонам изнутри я

понял, что миссис Доддз все еще жива.

— Бежим! — скомандовала Аннабет. — Она вызывает подкрепление! Надо убираться!

Мы углубились в лес, дождь превратился в настоящий ливень; позади полыхал автобус, впереди не было ничего, кроме тьмы.

Глава одиннадцатая

Мы посещаем кабачок садовых гномов

В каком-то смысле хорошо знать, что где-то там существуют греческие боги, поскольку есть на кого свалить вину, если пошла непруха. Скажем, когда ты бежишь из взорванного молнией автобуса, где на тебя только что напали жуткие ведьмы, да к тому же с неба льет как из ведра, большинство подумает: ну да, просто не повезло. Но когда ты полукровка, не приходится сомневаться, что какая-то божественная сила старается изгадить тебе день.

Мыс Аннабет и Гроувером брели по лесу, недалеко от берега реки Нью-Джерси, а Нью-Йорк позади отбрасывал в небо желтое зарево, от Гудзона ощутимо пованивало.

Гроувер дрожал и вскрикивал, как животное, зрачки его больших козлиных глаз сузились, как две щелочки, чувствовалось, что он охвачен ужасом.

— Три сестры... И все три разом.

Я сам до сих пор был в состоянии шока. Грохот взрыва и звон разбивающихся стекол так и стояли у меня в ушах. Но Аннабет подгоняла нас, твердя:

— Пошли! Чем дальше мы уйдем, тем лучше!

— Все наши деньги остались там, — напомнил я ей. — Наша еда и одежда. Все.

— Если бы ты не сунулся в драку...

— А вы бы хотели, чтобы я запросто дал вас убить?

— Не надо было защищать меня, Перси. Я и сама бы прекрасно управилась.

— Только порезанная на кусочки, как хлеб для сэндвича, — вставил Гроувер.

— Заткнись, козел!

Гроувер скорбно заблеял.

— Жестяные банки... полный рюкзак жестяных банок.

Мы шли, скользя по мшистой земле, пробираясь сквозь уродливые, искривленные деревья, пахшие, как давно замоченное и прокисшее белье.

Через несколько минут Аннабет пристроилась рядом со мной.

— Слушай, я... — Голос ее пресекся. — Спасибо, что вернулся за нами. Ты проявил храбрость.

— Мы же одна команда.

Несколько шагов Аннабет прошла молча.

— Это все равно что пережить смерть... не говоря уж о том, что если бы ты облажался, то наш поиск сразу накрылся бы. А ведь, возможно, это мой единственный шанс увидеть настоящий мир.

Ураган наконец-то прекратился. Стоявшее над городом зарево погасло, оставив нас в полной тьме. Я видел только, как блестят золотистые волосы Аннабет.

— Ты не покидала Лагерь полукровок с семи лет? — спросил я ее.

— Ну... мы выезжали только на короткие экскурсии. Мой папа...

— Преподаватель истории?

— Да. Дома я как-то не прижилась. То есть я хочу сказать, что лагерь и есть мой единственный дом. — Теперь Аннабет выпаливала слово за словом, как будто боялась, что ее могут остановить. — В лагере ты много тренируешься. Все чудесно и замечательно, но монстры-то живут в реальном мире. Только здесь ты можешь понять, на что годишься.

Если бы я кое-чего не знал, то мог бы поклясться, что в Голосе ее прозвучало сомнение.

— Ты здорово орудуешь этим ножом! — восхитился я.

— Думаешь?

— Любой, кто сумел проехаться верхом на фурии, молодец, по-моему.

В этой тьме я ничего не видел, но подумал: может, она улыбнулась.

— Знаешь, — сказала Аннабет, — пожалуй, я расскажу тебе... одну забавную штуку, когда снова сядем в автобус...

Не знаю, что уж там она собиралась рассказать, но ее прервало настойчивое «ту-ту-ту», как будто сова подавала сигнал бедствия.

— Эй, — крикнул Гроувер, — на моих дудочках все еще можно играть! Если я вспомню следопытскую песню, то мы выберемся из этого леса!

Он выдул еще несколько нот, однако мелодия подозрительно напоминала Хилари Дафф.

Вместо того чтобы ловко пробираться вперед, как то и подобает следопыту, я тут же врезался в дерево, и на лбу у меня вскочила шишка величиной с кулак.

Можете добавить к списку сверхъестественных способностей, которыми я не обладал, инфракрасное зрение.

Еще примерно с милю я постоянно спотыкался, чертыхался и, в общем, чувствовал себя донельзя жалким, но тут вдруг увидел впереди свет, напоминавший неоновую вывеску. И унюхал запах съестного.

Жареного, жирного, аппетитного. Внезапно я понял, что не ел ничего не полезного для здоровья с того самого момента, когда попал на Холм полукровок, где нас кормили виноградом, хлебом, сыром и кусочками постного мяса, которые нимфы жарили на углях. Теперь мне до смерти захотелось двойной чизбургер.

Мы продолжали идти вперед, пока не увидели между деревьями пустынное двухполосное шоссе. На другой стороне находилась запертая бензоколонка, украшенная потрепанной афишей какого-то фильма 90-х годов, и открытое заведение, бывшее источником неоновой света и приятного запаха.

Это оказалась не закусочная быстрого питания, как я надеялся. Перед нами была одна из придорожных сувенирных лавок, где продаются всякие диковины вроде фламинго, которых можно установить на лужайке перед домом, деревянных индейцев, бетонных гризли и тому подобное. Главное здание представляло собой длинный низкий склад, окруженный несколькими акрами скульптуры. Неоновую вывеску над входом мне прочесть не удалось, поскольку если моей дислексии не по зубам даже обычный английский, то неоновый красный курсив — тем паче.

Для меня вывеска гласила: «ANTYU MES GDERAN COMEN MEPROUIM».

— Какого черта это значит? — спросил я.

— Не знаю, — откликнулась Аннабет.

Она захлеб читала книги, поэтому я даже позабыл, что она тоже страдает дислексией.

— «Кабачок садовых гномов тетушки Эм», — перевел Гроувер.

По обе стороны от входа, в соответствии с рекламой, стояли два бетонных садовых гнома — уродливые бородатые коротышки, улыбавшиеся и махавшие руками так, словно их собирались сфотографировать.

Я перешел дорогу, ведомый запахом гамбургеров.

— Эй... — предупредил Гроувер.

— Внутри свет, — заметила Аннабет. — Может, там открыто.

— Это закусочная, — жизнерадостно произнес я.

— Закусочная, — согласилась она.

— Вы что, оба спятили? — спросил Гроувер. — Странное это место.

Мы дружно не обратили внимания на его слова.

Перед входом высился целый лес статуй: бетонные животные, бетонные дети, даже бетонный сатир, играющий на дудочке, отчего Гроувера передернуло.

— Бла-ба-ба! — заблеял он. — Похож на моего дядю Фердинанда.

Мы остановились у дверей главного здания.

— Не стучите, — взмолился Гроувер. — Я чую монстров.

— После фурий у тебя нос заложило, — сказала Аннабет. — Лично я чувствую только запах бургеров. Вы что, не проголодались?

— Мясо! — презрительно фыркнул Гроувер. — Я вегетарианец.

— Ты ешь сыр, энчиладу и алюминиевые банки, — напомнил я ему.

— Это все не мясное. Слушайте, давайте уйдем отсюда. Эти статуи... смотрят на меня.

Тут дверь заскрипела, отворилась, и на пороге появилась высокая женщина со Среднего Востока — по крайней мере, я предположил, что она со Среднего Востока, поскольку на ней был длинный черный халат, скрывавший все, кроме рук, а голову целиком закрывала вуаль. Из-под черной кисеи блестели только глаза. Смуглые, кофейного оттенка руки выглядели старыми, но были ухоженными и наманикюренными, поэтому я представил себе, что вижу бабушку, сохранившую следы былой красоты.

В акценте ее тоже слышались слабые восточные нотки.

— Уже поздно гулять одним, дети мои, — сказала она. — Где ваши родители?

— Они... хм... — начала Аннабет.

— Мы сироты, — сказал я.

— Сироты? — спросила женщина. Слово прозвучало в ее устах каким-то незнакомым, чужим. — Но мои дорогие! Этого не может быть!

— Мы отбились от нашего каравана, — пояснил я. — Бродячего циркового каравана. Инспектор манежа сказал, что, если мы заблудимся, ждать его возле бензоколонки, но он мог и забыть, а может, имел в виду другую бензоколонку. Так или иначе, мы потерялись. Чем это так пахнет?

— О, мои дорогие! — воскликнула женщина. — Да входите же, бедные дети. Я тетушка Эм. Идите прямо в заднюю часть склада. Там как раз приготовлена еда.

Поблагодарив ее, мы вошли.

— Бродячий цирк? — пробормотала Аннабет.

— Всегда надо иметь наготове стратегический план.

— Мозги у тебя рыбы, вот что.

Внутри склада тоже стояли статуи: люди в различных позах и одеждах, с разными выражениями на лицах. Я подумал, что надо иметь немаленький сад, чтобы поставить там эти статуи, так как все они были в натуральную величину. Но прежде всего, конечно, я думал о еде.

Можете называть меня идиотом, что я вот так вперся в дом незнакомой

женщины только потому, что был голоден, но иногда я склонен совершать импульсивные поступки. Плюс к этому вы никогда не чувствовали, как пахнут бургеры тетушки Эм. Благоухание их было подобно наркозу в кресле дантиста — ты начисто забывал обо всем. Я решительно не обращал внимания на нервные поскуливания Гроувера, на то, что статуи, казалось, провожают меня глазами, или на то, что тетушка Эм заперла за нами дверь.

Я хотел только поскорей добраться до еды. И конечно же, в задней части склада находилась закусочная: прилавок быстрого обслуживания с грилем, фонтанчиком содовой, микроволновкой и торговым автоматом с сырными начо.^[7] Все, что душе угодно, плюс несколько металлических столиков для пикника.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пригласила тетушка Эм.

— Потрясающе, — сказал я.

— Но... — продолжал упрямиться Гроувер, — у нас нет денег, мэ.

Прежде чем я успел пихнуть его локтем в ребра, тетушка Эм заявила:

— Нет, нет, дети. Никаких денег. Это ведь особый случай. У меня всегда найдется приют таким хорошеньким сиротам.

— Спасибо, мэ, — отозвалась Аннабет.

Тетушка Эм застыла, словно Аннабет сделала что-то неприличное, но тут же снова расслабилась и оживилась, поэтому я решил, что мне просто померещилось.

— Все в полном порядке, Аннабет, — сказала она. — У тебя такие красивые серые глаза, детка.

Только потом я задумался, откуда она узнала, как зовут Аннабет, ведь мы даже не представились.

Наша хозяйка скрылась за прилавком и стала готовить. Не успели мы опомниться, как она поставила перед нами пластиковые подносы с горой наваленных на них двойных чизбургеров, а также ванильными коктейлями и картофелем фри.

Я одним духом проглотил половину бургера.

Аннабет прихлебывала коктейль.

Гроувер пододвинул к себе картофель фри и с жадностью посмотрел на провощенную бумагу, которой был устлан поднос, но все еще слишком нервничал, чтобы приступить к еде.

— Что это там за шипение? — спросил он.

Я прислушался, но ничего не услышал. Аннабет покачала головой.

— Шипение? — спросила тетушка Эм. — Возможно, ты слышишь, как кипит масло. Острый же у тебя слух, Гроувер.

— Я принимаю витамины. Для улучшения слуха.

— Замечательно, — сказала тетушка Эм. — Но не обращай внимания, расслабься, пожалуйста.

Сама тетушка Эм ничего не ела. Она так и не сняла своего головного убора, даже когда готовила, и теперь села, сплетя пальцы, и стала внимательно следить за тем, как мы едим. Всегда немного не по себе, когда кто-то пялится на тебя, а ты даже не видишь его лица, но после бургера я пребывал в сытом и слегка сонном состоянии, поэтому решил, что будет достаточно перекинуться с нашей хозяйкой парой слов.

— Значит, вы продаете гномов? — сказал я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал заинтересованно.

— О да, — ответила тетушка Эм. — А также животных. И людей. Все для сада. Скульптура, знаете ли, очень популярна.

— И как идет дело на этом шоссе?

— Не так чтобы очень. С тех пор как построили скоростную магистраль... большинство машин тут не ездит. Поэтому я должна быть особенно обходительна с каждым клиентом.

Я ощутил покалывание в шее, будто кто-то смотрит на меня сзади. Но, обернувшись, увидел, что это всего лишь скульптура молодой девушки с рождественской корзиной. Проработка была детальнейшая — намного лучше, чем у большинства садовых скульптур. Но меня поразило ее лицо. Оно было ошеломленным, если не сказать — исполненным ужаса.

— Ах, — печально вздохнула тетушка Эм. — Вы, наверное, обратили внимание, что некоторые из моих созданий вышли не совсем удачно. Есть определенные недостатки. Поэтому они не продаются. Труднее всего даются лица. Всегда лица.

— Вы сами делаете статуи? — спросил я.

— О да. Когда-то у меня были две сестры, которые помогали мне в деле, но они скончались, и теперь тетушка Эм одна. Со мной только мои скульптуры. Вот почему я и продолжаю делать их, понимаете. Это — моя компания.

Печаль в ее голосе была так глубока и так неподдельна, что я поневоле проникся жалостью к ней.

Аннабет отставила еду. Наклонилась вперед и переспросила:

— Две сестры?

— Это ужасная история, — сказала тетушка Эм. — На самом деле не очень-то детская. Видишь ли, Аннабет, когда-то давно одна дурная женщина приревновала меня, я была тогда еще молодой. У меня был... приятель, ну, понимаешь, и эта дурная женщина решила нас разлучить. Она спровоцировала ужасный несчастный случай. Сестры поддерживали меня.

Они разделили со мной мою злую судьбу, пока могли, но в конце концов скончались. Растаяли как дым. Я единственная осталась в живых, но какой ценой. Какой ценой!

Я не совсем понимал, что она имеет в виду, но ее горе опечалило и меня. Веки мои наливались тяжестью, после плотного ужина клонило в сон. Бедная старая дама. Кому захотелось обидеть столь доброе создание?

— Перси! — Аннабет трясла меня, чтобы привлечь мое внимание. — Нам, наверное, надо идти. Инспектор манежа заждался.

Голос у нее был напряженный. Я не мог понять почему. Гроувер жевал салфетки с подноса, однако, если тетушке Эм это и показалось странным, она ничего не сказала.

— Такие красивые серые глаза, — снова обратилась она к Аннабет. — Лично я уже давно не видела таких серых глаз.

Она протянула руку, словно чтобы погладить Аннабет по щеке, но та резко встала.

— Нам действительно пора.

— Да! — Проглотив последнюю салфетку, Гроувер тоже встал. — Инспектор манежа ждет! Пора!

Мне уходить не хотелось. Я чувствовал себя как сытый кот. К тому же тетушка Эм такая замечательная! Я хотел еще побыть с нею.

— Прошу вас, дорогие мои, — умоляющим тоном произнесла тетушка Эм. — Мне так редко удается побыть с детьми. Прежде чем уйти, не могли бы вы по крайней мере попозировать мне?

— Попозировать? — с опаской переспросила Аннабет.

— Для фотографии. Я использую ее, когда буду работать над новой скульптурной группой. Дети так популярны. Все любят детей.

— Думаю, что ничего не получится, мэм. — Аннабет переминалась с ноги на ногу. — Перси, пошли...

— Конечно, получится, — возразил я. Аннабет раздражала меня тем, что так свысока, так грубо разговаривает со старой дамой, которая только что бесплатно накормила нас. — Только одну фотографию, Аннабет. Что в этом плохого?

— Ну же, Аннабет, — промурлыкала хозяйка. — Что в этом плохого?

Аннабет это явно пришлось не по вкусу, но она позволила тетушке Эм сопроводить нас к входной двери в сад скульптур.

Тетушка Эм подвела нас к скамье рядом с каменным сатиrom.

— А теперь, — сказала она, — я вас правильно рассажу. Думаю, барышня будет посередине, а двое молодых людей — по бокам.

— Не слишком хорошее освещение для фотографии, — заметил я.

— О нет, — улыбнулась тетушка Эм, — света предостаточно. Во всяком случае, мы ведь увидим друг друга.

— Где же ваша камера? — спросил Гроувер.

Тетушка Эм отступила на шаг назад, словно заранее любясь удачным снимком.

— Как я уже говорила, лицо — самое трудное. Ну-ка, постарайтесь улыбнуться мне, все, все, пожалуйста. Улыбочку пошире.

Гроувер бросил взгляд на бетонного сатира рядом с ним и пробормотал:

— Вылитый дядя Фердинанд!

— Гроувер, — неодобрительно произнесла тетушка Эм, — ну-ка посмотри сюда!

Камеры у нее в руках не было.

— Перси... — позвала Аннабет.

Я инстинктивно встрепенулся, прислушиваясь к Аннабет, но в то же время перебарывая сонливость, навеванную полным желудком и убаюкивающим голосом старой дамы.

— Подождите минутку, — сказала тетушка Эм. — Никак не удастся хорошенько разглядеть вас сквозь эту проклятую накидку...

— Перси, что-то не так, — настойчиво повторила Аннабет.

— Не так? — переспросила тетушка Эм, потянувшись, чтобы снять с головы накидку. — Совсем наоборот, дорогая. Сегодня вечером у меня собралась такая благородная компания. Что же не так?

— Это и есть дядя Фердинанд! — тяжело выдохнул Гроувер.

— Не смотрите на нее! — крикнула Аннабет.

Одним движением она нахлобучила свою бейсболку «Янкиз» и исчезла. Ее невидимые руки столкнули Гроувера и меня со скамьи.

Оказавшись на земле, я увидел перед собой обутые в сандалии ноги тетушки Эм.

Я слышал, как Гроувер поспешно пробирается в одном направлении, Аннабет — в другом. Но меня слишком разморило, чтобы я мог сдвинуться с места.

Затем над головой раздался скрипучий, режущий ухо звук. Я поднял взгляд на руки тетушки Эм, которые стали шишковатыми и мозолистыми, вместо ногтей на них выросли острые бронзовые когти.

Я едва не перевел взгляд выше, но откуда-то слева Аннабет пронзительно выкрикнула:

— Нет! Не надо!

Тут я услышал еще более неприятный звук трущихся друг о друга

крохотных змей, прямо над собой, там... там... где должна была находиться голова тетушки Эм!

— Беги! — проблеял Гроувер.

Я услышал, как он мчится по гравии, вопя «Майа!», чтобы запустить свои крылатые туфли.

Я не мог шевельнуться. Уставившись на шишковатые, когтистые лапы тетушки Эм, я пытался сбросить сонное оцепенение, в которое повергла меня старуха.

— Какая жалость — навеки исказить прекрасное молодое лицо, — успокаивающе произнесла она. — Останься со мной, Перси. Тебе всего-то нужно посмотреть на меня.

Я старался перебороть в себе стремление повиноваться. Я посмотрел в сторону и заметил стеклянную сферу — шар-гляделку из тех, что люди ставят у себя в саду. И в оранжевом стекле увидел смутное отражение тетушки Эм: вуаль сползла с ее головы, открыв мерцающие, бледные очертания лица. Волосы ее шевелились, извиваясь, как змеи.

Тетушка Эм.

Тетушка «М».

Как я мог оказаться таким болваном?

«Думай, — приказал я себе. — Как погибает Медуза в греческих мифах?»

Но мысли не слушались меня. Что-то подсказывало мне, что в мифе Медуза спала, когда на нее напал мой тезка Персей. Но сейчас она совсем даже не спала. Она могла сию секунду исполосовать мне лицо когтями, стоило ей только захотеть.

— Сероглазая сотворила это со мной, Перси, — сказала Медуза самым обычным голосом, вовсе не напоминавшим о монстрах. Наоборот, звуки его призывали меня взглянуть вверх, посмотреть в лицо бедной старой бабушке. — Мать Аннабет, проклятая Афина, превратила меня из красивой женщины в это чудовище.

— Не слушай ее! — Крик Аннабет донесся откуда-то из сада скульптур. — Беги, Перси!

— Молчать! — злобно прорычала Медуза. Затем голос ее снова перешел на умиротворяющее мурлыканье. — Теперь ты должен понять, почему я должна уничтожить эту девчонку, Перси. Она — дочь моего врага. Я сотру ее скульптуру в порошок. Но тебе, дорогой Перси, тебе не придется страдать.

— Нет, — пробормотал я, стараясь подняться.

— Ты что, действительно хочешь помочь богам? — спросила

Медуза. — Ты хоть понимаешь, что ожидает тебя во время этих глупых поисков, Перси? Что случится, если ты доберешься до царства мертвых? Не будь пешкой в руках богов, мой дорогой. Тебе намного больше пойдет быть статуей. И не так больно. Не так больно...

— Перси!

Я услышал позади себя оглушительное жужжание, будто на меня с неба падала двухсотфунтовая пташка.

— Нагнись! — возопил Гроувер.

Обернувшись, я увидел в ночном небе сатира, отвесно пикировавшего на своих крылатых кроссовках и держащего в руках ветку дерева размером с бейсбольную биту. Он крепко зажмурился и судорожно дергал головой. Ориентировался Гроувер только с помощью слуха и обоняния.

— Нагнись! — завопил он снова. — Я ее достану!

Это окончательно вернуло меня в состояние боеготовности. Зная Гроувера, я был уверен, что достанется не Медузе, а мне. Я нырком откатился в сторону.

Бух!

Сначала я вообразил, что это Гроувер врезался в дерево. Затем услышал разъяренное рычание Медузы.

— Жалкий маленький сатир, — проревела она, — я добавлю тебя к своей коллекции!

— Это за дядю Фердинанда! — завопил в ответ Гроувер.

Я попытался поскорее отползти на четвереньках и спрятаться среди скульптур; между тем Гроувер снова ринулся вниз.

Трах-ба-бах!

Медуза взревела, ее змеиная шевелюра зашипела и стала брызгать ядовитой слюной.

Совсем рядом со мной голос Аннабет позвал:

— Перси!

Я подпрыгнул так высоко, что чуть было не перемахнул через садового гнома.

— Черт! Осторожнее! — Аннабет сняла бейсболку «Янкиз» и сделалась видимой. — Ты должен отрубить ей голову.

— Что? Ты спятила? Надо поскорей убираться отсюда.

— Медуза — грозный враг. Это воплощенное зло. Я бы и сама ее убила, но... — Аннабет сглотнула, словно собиралась сделать непростое признание. — Но твое оружие лучше. Кроме того, я и близко не могу к ней подойти. Она разорвет меня в клочья из-за моей матери. А ты... у тебя есть шанс.

— Что? Я не могу...

— Хочешь, чтобы она и дальше превращала невинных людей в скульптуры?

Она указала на изваяние двух влюбленных — превращенные в камень мужчина и женщина стояли обнявшись.

Аннабет схватила с ближайшего пьедестала зеленый шар-гляделку.

— Отполированный щит был бы лучше. — Она критически осмотрела сферу. — Выпуклая поверхность создаст некоторое искажение. Размеры отражения будут изменены за счет фактора...

— Будь добра, выражайся яснее.

— Я и так ясно выражаюсь! — Она швырнула мне стеклянный шар. — Просто смотри на нее в зеркало. И *никогда* — прямо!

— Эй, ребята, — раздался откуда-то сверху голос Гроувера. — Похоже, она в отключке!

Тут же раздался рев.

— Прошу прощения, — поправился Гроувер, приготовившись перелететь с ветки на ветку.

— Поторапливайся, — велела мне Аннабет. — У Гроувера, конечно, отличный нюх, но рано или поздно он грохнется на землю.

Я вытащил ручку и снял колпачок. Бронзовое лезвие вытянулось у меня в руке.

Я двинулся на звук, издаваемый шипящими и брызгающими ядовитой слюной волосами Медузы.

При этом я не отрывал глаз от стеклянного шара — так, чтобы видеть только отражение Медузы, а не ее саму. И вот она появилась в зеленом стекле.

Гроувер собирался еще раз атаковать ее с помощью своей биты, но на сей раз пролетел чуть ниже, чем надо. Медуза вырвала у него палку, и, сбившись с курса, Гроувер с болезненным «уххх!» рухнул в объятия каменного гризли.

Медуза уже собиралась броситься на него, но я завопил:

— Эй, ты!

И стал наступать на нее. Это было не просто, учитывая, что приходилось одновременно держать меч и стеклянный шар. Если бы она напала на меня, то мне пришлось бы нелегко.

Но она позволила мне приблизиться — двенадцать футов, десять.

Теперь я видел отражение ее лица. Оно наверняка не было таким уж страшным. Зеленые переливы стеклянного шара искажали его пропорции.

— Ты ведь не причинишь вреда старой женщине, Перси, — тихо и

проникновенно, нараспев произнесла Медуза. — Знаю, что не причинишь.

Я заколебался, замороженный лицом, чье отражение видел в зеленом стекле, и горящими глазами, которые, казалось, вот-вот прожгут стеклянную преграду. Руки мои ослабели.

— Перси, не слушай ее! — простонал Гроувер, до сих пор пребывавший в объятиях каменного гризли.

— Слишком поздно, — прокаркала Медуза.

И метнулась ко мне, выставив вперед когтистые лапы.

Взмахнув мечом, я услышал отвратительный хлюпающий звук, затем шипение, словно ветер вырвался из пещеры, — монстр распался на части.

Что-то упало на землю прямо мне под ноги. Из последних сил я старался не смотреть. Сквозь носок я почувствовал мокрое тепло — умирающие змейки тыкались мне в ноги.

— Вот черт, какая мерзость, — всхлипнул Гроувер. Его веки были по-прежнему плотно зажмурены, но я догадывался, что он слышит шипение и чувствует смрад. — Супермерзость.

Ко мне подошла Аннабет. В руках она держала черную вуаль Медузы и пристально глядела в небо.

— Не двигайся, — велела она мне.

Осторожно, очень осторожно Аннабет опустилась на колени, завернула голову чудовища в черный клоч материи, затем подняла ее. С головы сочилась зеленая жидкость.

— Ты в порядке? — спросила меня Аннабет. Голос ее дрожал.

— Да, — решил ответить я, хотя чувствовал, что вот-вот выблую свой двойной чизбургер. — Но почему не... почему голова не исчезла?

— Когда ты отсек ей голову, она стала военным трофеем, — объяснила Аннабет. — Точно так же, как твой рог Минотавра. Но не разворачивай голову. Она до сих пор может обратить тебя в камень.

Гроувер со стоном высвободился из объятий гризли. На голове у него красовался здоровенный шрам. Зеленая кепка свисала с одного из маленьких рожек, а бутафорские ноги слетели с копыт. Волшебные туфли беспомощно хлопали крыльями вокруг его головы.

— Ну ты и ас! Прямо Красный Барон,^[8] — сказал я. — Хорошо сработано, парень.

Сатир выдавил из себя натянутую улыбку.

— Ну, веселого мало. Конечно, дубасить ее веткой было забавно. Но попасть в лапы бетонного медведя — не слишком большое удовольствие. Это уже не смешно.

Он поймал свою крылатую обувку. Я надел колпачок на меч. После чего мы втроем, пошатываясь, побрели к складу.

За стойкой мы нашли старые целлофановые пакеты и два раза обмотали ими голову Медузы. Затем швырнули ее на стол, за которым ужинали, и расселись вокруг, слишком вымотанные, чтобы говорить.

— Так что же, за это чудище мы должны благодарить Афины? — наконец спросил я.

— На самом-то деле — твоего папочку. — Аннабет обожгла меня недобрым взглядом. — Что, не помнишь? Медуза была подружкой Посейдона. Они решили встретиться в храме моей матери. Вот почему Афина превратила ее в чудовище. Медуза и две ее сестры, которые помогли ей проникнуть в храм, стали тремя Горгонами. Вот почему Медуза была готова разорвать на кусочки меня, но хотела, чтобы вы сохранились в образе прекрасных статуй. Она, должно быть, по-прежнему считает твоего папочку таким сладеньким. Может, ты напомнил ей его?

— Так это я виноват, что мы встретили Медузу?! — Мое лицо запылало.

Аннабет выпрямилась.

— Аннабет, это просто фотография, — передразнила она, бездарно подражая моему голосу. — Что в этом плохого?

— Брось, — ответил я. — Ты просто невыносима.

— А ты — несносен.

— А ты...

— Эй! — вмешался Гроувер. — От вас двоих у меня разболелась голова, а у сатиров никогда не бывает мигреней. Что будем делать с этим?

Я уставился на завернутую в мешки голову. Одна из змеек высывалась в дырку в целлофане. Надпись на пакете гласила: «Благодарим за покупки».

Я злился, но не на Аннабет и ее мамочку, а на всех богов сразу за то, что они втянули нас в этот поиск и в первый же день устроили нам две такие потасовки. Такими темпами мы никогда не доберемся до Лос-Анджелеса живыми, не говоря уж про летнее солнцестояние.

Что сказала Медуза?

«Не будь пешкой в руках богов, дорогой. Тебе намного больше пойдет быть статуей».

— Сейчас вернусь. — Я встал и направился к выходу.

— Перси, — крикнула мне вдогонку Аннабет, — что ты задумал?

Я добрался до задней части склада, где нашел кабинет Медузы.

В ее гроссбухе значились шесть последних посылок — морским путем

в царство мертвых, для украшения сада Персефоны и Аида. Судя по фрагтовочному счету, финансовое представительство подземного мира находилось по адресу: «Звукозаписывающая студия ДОА^[9]», Западный Голливуд, Калифорния. Я сложил счет и опустил его в карман.

В кассе я нашел двадцать долларов, несколько золотых драхм и пакеты для отправки посылок ночным экспрессом Гермеса — к каждому прилагался небольшой кожаный мешочек для монет. Я перерыл весь офис, пока не наткнулся на ящик нужного размера.

Вернувшись к столу для пикника, я упаковал голову Медузы в ящик и заполнил бланк посылки:

Богам
Гора Олимп
600-й этаж Эмпайр-стейт-билдинг
Нью-Йорк с наилучшими пожеланиями от Перси Джексона

— Им это не понравится, — предупредил Гроувер. — Они подумают, что ты слишком заносчивый.

Я сунул в мешочек несколько золотых драхм. Как только я закрыл его, раздался звук, напоминающий щелчок кассового аппарата. Затем моя посылка воспарила над столом и исчезла, словно растворилась в воздухе.

— А я на самом деле заносчивый, — сказал я.

И посмотрел на Аннабет, провоцируя ее на критическую реплику.

Она ничего не сказала. По всей видимости, смирилась с фактом, что я лучше, чем она, умею «поддеть» олимпийцев.

— Пойдем, — пробормотала Аннабет, — надо составить новый план.

Глава двенадцатая

Мы принимаем помощь от пуделя

Той ночью вид у нас был жалкий.

Мы разбили лагерь в лесу, в сотне ярдов от основной дороги, на болотистой прогалине, которую местные подростки явно использовали для пикников. Земля была загажена жестянками из-под колы и обертками от еды быстрого приготовления.

Мы прихватили кое-какую еду и одеяла у тетушки Эм, но не осмелились развести огонь, чтобы высушить одежду. Фурии и Медуза за один день — это уже чересчур. Мы больше не хотели привлекать чье-либо внимание.

Спать решили по очереди. Я вызвался нести первую вахту.

Аннабет свернулась калачиком на одеялах и захрапела, как только голова ее коснулась земли. Гроувер на своих крылатых туфлях взмыл на одну из нижних ветвей дерева, прислонился к стволу и уставился в ночное небо.

— Спи давай, — сказал я ему. — Если что случится, разбужу.

Гроувер кивнул, но так и не закрыл глаз.

— Грустно мне, Перси, — вздохнул он.

— Отчего? — спросил я. — Потому что подписался на этот глупый поиск?

— Нет. Вот *от чего* мне грустно. — Он указал на замусоренную землю. — И небо. Даже звезд не видать. Они испачкали даже само небо. Ужасные времена для сатиров.

— О да. Я всегда подозревал, что ты рьяный защитник окружающей среды.

Гроувер бросил на меня испепеляющий взгляд.

— Только люди не хотят защищать окружающую среду. Ваш вид так быстро загрязняет мир... ах, впрочем, не обращай внимания. Бессмысленно читать лекции человеку. Если все и дальше пойдет такими же темпами, я никогда не найду Пана.

— «Пама»? Это вроде спрея для мытья посуды?

— Пан! — негодуяще выкрикнул Гроувер. — П-А-Н. Великий бог Пан! Зачем, как ты думаешь, мне нужно право на поиск?

Порыв странного ветерка прошелестел по прогалине, на время

заглушив вонь разлагающихся объедков. Он был пропитан запахом ягод, диких цветов и чистой дождевой воды — всего, что когда-то было в этом лесу. Внезапно я испытал приступ тоски по тому, чего никогда не знал.

— Расскажи мне о своем поиске, — попросил я.

Гроувер опасно на меня посмотрел, так, словно боялся, что я хочу над ним посмеяться.

— Бог Дикой Природы исчез две тысячи лет назад, — сказал он. — Матрос из Эфеса слышал таинственный голос, зывавший к нему с берега: «Скажи им, что великий бог Пан умер!» Когда люди услышали эту новость, они поверили ей. Они грабили царство Пана с незапамятных времен. Но для сатиров Пан был властелином и учителем. Он защищал нас и дикую природу по всей земле. Мы отказались поверить в то, что он умер. Самые отважные сатиры — поколение за поколением — дают обет посвятить свою жизнь поискам Пана. Они ищут его по всей земле, исследуют все нетронутые уголки, надеясь найти место, где он спрятался, и пробудить его от сна.

— И ты тоже хочешь пуститься на эти поиски?

— Такова мечта всей моей жизни, — ответил Гроувер. — В них участвовал мой отец. И дядя Фердинанд... скульптуру которого ты видел там...

— Да, прости.

— Дядя Фердинанд знал, какому риску себя подвергает. — Гроувер скорбно покачал головой. — И отец тоже. Но меня ждет успех. Я буду первым, кто отправится на поиск и вернется живым.

— Ну ты и трепло... погоди, как это *первым*?

Гроувер достал из кармана свои тростниковые дудочки.

— Никто из тех, кто отправился на поиск, не возвратился. Стоило им уйти — и они исчезали. И никто больше не видел их живыми.

— Ни разу за две тысячи лет?

— Нет.

— А твой отец? Ты хоть представляешь, что могло с ним случиться?

— Понятия не имею.

— И все-таки хочешь последовать за ним, — изумленно констатировал я. — Я имею в виду, ты действительно думаешь, что найдешь Пана?

— Я должен в это верить, Перси. В это верит каждый искатель. Это единственное, что удерживает нас от отчаяния, когда мы видим, во что люди превратили мир. Я должен верить, что Пана все еще можно пробудить.

Я долго смотрел на оранжевую дымку в небе, пытаюсь понять, как

Гроувер может верить в столь безнадежную мечту. А потом подумал: чем я лучше?

— Как мы проникнем в царство мертвых? — спросил я. — То есть какие у нас шансы против бога?

— Не знаю, — признался Гроувер. — Но там, у Медузы, когда ты искал ее кабинет, Аннабет говорила мне...

— Да, я и забыл. У Аннабет всегда наготове план.

— Не суди ее строго, Перси. Жизнь у нее была нелегкая, но человек она хороший. В конце концов, она простила мне... — Он неожиданно замолчал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — Простила что?

Но Гроувер поднес ко рту дудочки и полностью сосредоточился на мелодии.

— Погоди-ка! — Кажется, я догадался. — Первый раз тебе поручили быть хранителем пять лет назад. Аннабет в лагере уже пять лет. Неужели она была твоим первым заданием, которое ты завалил...

— Я не могу рассказывать об этом, — замотал головой Гроувер; я заметил, как дрожит его нижняя губа, и решил, что он расплатится, если я попытаюсь нажать на него. — Но я хочу сказать, что там... у Медузы мы с Аннабет решили, что этот поиск какой-то странный. Творится что-то непонятное.

— Так. Значит, меня все же подозревают в том, что это я украл жезл, который присвоил Аид.

— Я совсем не то хотел сказать, — ответил Гроувер. — Фур... наши *дальние родственники*... вроде бы хотели нас только запугать, чтобы мы повернули обратно. Как миссис Доддз в Йэнси... почему она ждала так долго, чтобы убить тебя? И в автобусе они были совсем не такие агрессивные, как обычно.

— По отношению ко мне они были очень даже агрессивны.

Гроувер покачал головой.

— Они вопили: «Где это? Где?»

— Они искали меня.

— Может быть, но у меня и у Аннабет возникло чувство, что они спрашивают не о человеке. Они визжали: «Где это?» Кажется, их интересовал какой-то предмет.

— Бессмыслица какая-то.

— Согласен. Но если мы что-то неправильно поняли насчет этого поиска и у нас всего девять дней, чтобы найти жезл повелителя... — Гроувер посмотрел на меня, словно ожидая ответа, но такового у меня не

было.

Я подумал о словах Медузы: боги используют тебя. Меня ожидало нечто худшее, чем обратиться в камень.

— Я не был с тобой откровенен, — сказал я Гроуверу. — Жезл Зевса меня ни капельки не интересует. Я согласился отправиться в царство мертвых, только чтобы найти мать.

— Знаю, Перси. — Сатир выдул несколько тихих печальных нот. — Но ты уверен, что это единственная причина?

— Я делаю это не затем, чтобы помочь отцу. Он обо мне не заботится. Я тоже.

Гроувер изумленно уставился на меня с ветки.

— Слушай, Перси, я не такой умный, как Аннабет. Не такой храбрый, как ты. Но я очень хорошо умею читать чувства. Ты рад, что твой отец жив. А ему нравится, что тобой можно гордиться. Вот почему ты отправил голову Медузы на Олимп. Ты хотел, чтобы он обратил внимание на то, что ты совершил.

— Неужели? Может, у сатиров эмоции совсем не такие, как у людей. Потому что ты ошибаешься. Меня ничуть не волнует, что он подумает.

— Ладно, Перси. Пусть так. — Гроувер спустил ноги с ветки.

— Кроме того, гордиться мне особо нечем. Мы едва выбрались из Нью-Йорка и застряли здесь без денег, не зная, как идти на запад.

Гроувер посмотрел на ночное небо, будто что-то обдумывая.

— Что, если первым подежурю я? А ты пойдешь поспи.

Я хотел было воспротивиться, но сатир стал наигрывать Моцарта, мелодию такую нежную и благозвучную, что я отвернулся и в глазах у меня защипало. После первых тактов Двенадцатого фортепианного концерта я уснул.

* * *

Во сне я стоял в темной пещере перед зияющей ямой. Серые туманные существа, шепчущиеся сгустки дыма вились вокруг меня, и каким-то образом я понял, что это души умерших.

Они тянули меня за одежду, стараясь оттащить назад, но я был преисполнен решимости дойти до самого дна расселины.

Когда я посмотрел вниз, у меня закружилась голова.

Яма разевала свою непроглядно черную пасть так, что я понял — она бездонна. И все же у меня было чувство, будто что-то старается восстать из

пропасти — непомерно огромное воплощение зла.

«Маленький герой, — гулким эхом раздался из тьмы довольный голос, — такой слабый, такой юный, но, быть может, тебе это удастся».

Голос, ледящий и мрачный, принадлежал какому-то древнему существу. Каждое слово сковывало мое тело свинцовой пеленой.

«Они послали тебя по ложному следу, мальчик, — произнесло нечто. — Давай заключим сделку, и я отдам то, что тебе нужно».

Переливающийся образ парил над бездной: это была моя мать, застывшая в тот момент, когда она растворилась в золотистом сиянии. Лицо мамы искажала боль, словно Минотавр все еще душил ее. Глаза смотрели на меня в упор, умолая: «Уходи!»

Я попытался крикнуть, но голос не повиновался мне.

Сухой, холодный смех эхом донесся из расселины.

Невидимая сила толкала меня вперед. Она втащила бы меня в яму, если бы я не так крепко стоял на ногах.

«Помоги мне подняться, мальчик. — Голос звучал все более свирепо. — Принеси мне жезл. Нанеси удар коварным богам!»

«Нет! Проснись!» — перешептывались вокруг меня души умерших.

Образ матери начал тускнеть. Существо из ямы еще усилило свою хватку.

Я понял, что оно не старается затянуть меня внутрь. Наоборот, с моей помощью оно хочет выбраться оттуда.

«Хорошо, — пробормотал голос. — Хорошо».

«Проснись, — шептали мертвые. — Проснись!»

* * *

Кто-то тряс меня за плечо.

Я открыл глаза и увидел солнечный свет.

— Хорошо, — произнесла Аннабет, — наш зомби по крайней мере жив.

Я весь дрожал, вспоминая свой сон. Я до сих пор чувствовал на груди лапы чудовища из бездны.

— Долго я спал?

— Достаточно, чтобы я успела приготовить завтрак. — Аннабет кинула мне пакетик сырных чипсов, которые прихватила из закусочной тетушки Эм. — А Гроувер сходил на разведку. Посмотри, он нашел себе друга.

Я с трудом сфокусировал взгляд.

Гроувер, скрестив ноги, сидел на одеяле и держал на коленях невероятно пушистое и грязное, неестественно розовое чучело.

Нет. Это было не чучело, а розовый пудель.

Поглядев на меня, пудель нервно залаял.

— Все в порядке, — сказал собаке Гроувер.

— Ты что... разговариваешь с этим? — Я растерянно заморгал.

Пудель зарычал.

— *Это* — предупредил Гроувер, — наш билет на запад. Будь с ним повежливее.

— Ты умеешь разговаривать с животными?

Гроувер не обратил на мой вопрос никакого внимания.

— Перси, познакомься, это Гладиолус. Гладиолус, это Перси.

Я уставился на Аннабет, полагая, что она не выдержит и расхохочется над шуткой, которую они на пару затеяли, чтобы посмеяться надо мной, но дочь Афины была убийственно серьезной.

— Я не здороваюсь с розовыми пуделями, — фыркнул я. — И хватит на этом.

— Перси, — вмешалась Аннабет, — я поздоровалась с пуделем. Теперь твой черед.

Пудель снова зарычал.

И мне пришлось с ним поздороваться.

Гроувер сообщил, что наткнулся на Гладиолуса в лесу и между ними завязалась беседа. Пудель удрал из местной богатой семьи, которая пообещала вознаграждение в двести долларов за его возвращение. На самом деле Гладиолус не хотел возвращаться домой, но был готов пойти на это, чтобы помочь Гроуверу.

— А как Гладиолус узнал о вознаграждении? — спросил я.

— Да он же читает объявления, — ответил Гроувер. — Вот!

— Ой, ну ладно, — отмахнулся я. — Не морочь мне голову.

— Итак, мы возвращаем Гладиолуса, — объявила Аннабет тоном верховного стратега, — получаем деньги и покупаем билеты до Лос-Анджелеса. Все просто.

Я вспомнил о своем сне — шепчущие голоса умерших, существо в расселине и лицо матери, мерцающее и блекнущее в золотом сиянии. Все это могло ожидать меня на западе.

— Только больше никаких автобусов, — с опаской сказал я.

— Хорошо, — согласилась Аннабет.

Она указала вниз, на подножие холма, где проходили

железнодорожные пути, которые я вчера не разглядел в ночной темноте.

— В полумиле отсюда находится станция «Амтрак».^[10] Гладиолус сообщил, что поезд на запад отбывает в полдень.

Глава тринадцатая

Я погружаюсь в смерть

Мы провели два дня в поезде «Амтрак», который двигался на запад, оставляя позади холмы, реки и янтарные поля колышущейся пшеницы.

На нас ни разу никто не напал, но я пребывал в постоянном напряжении. Было никак не отделаться от чувства, что за нами наблюдают — сверху, а может, и снизу — и нечто просто дожидается подходящей возможности.

Я старался особо не высовываться, потому что моим именем и фотографиями пестрели передовицы нескольких газет восточного побережья. «Трентон реджистер ньюс» поместила фотографию, сделанную туристом, когда я выходил из «грейхаунда». Взгляд у меня был блуждающий и дикий. Меч металлически поблескивал в руке. Он смахивал на бейсбольную битую или палку для лакросса.^[11]

Подпись под фотографией гласила:

«Двенадцатилетний Перси Джексон, который разыскивается для дачи показаний об исчезновении своей матери, произошедшем две недели назад в Лонг-Айленде, сфотографирован во время своего бегства из автобуса, где он приставал к нескольким пожилым дамам. Автобус взорвался на обочине восточного шоссе Нью-Джерси вскоре после того, как Джексон сбежал с места преступления. Судя по словам очевидцев, полиция предполагает, что мальчик путешествует с двумя подростками — своими сообщниками. Его отчим Гейб Ульяно предложил вознаграждение наличными за любую информацию, которая приведет к задержанию мальчика».

— Не волнуйся, — сказала мне Аннабет. — Смертным полицейским никогда нас не найти. — Но в голосе ее не чувствовалось особой уверенности.

Остаток дня я провел, то прогуливаясь из конца в конец поезда (поскольку, сказать по правде, сидеть уже поднадоело), то глядя в окно.

Однажды я заметил семейку кентавров, которая галопом неслась по пшеничному полю, держа луки наготове, видимо, в надежде добыть себе ланч. Мальчишка-кентавр, похожий на второклассника, сидящего верхом на пони, перехватил мой взгляд и помахал в ответ. Я оглядел вагон: никто ничего не заметил, взрослые пассажиры с головой погрузились в свои ноутбуки или журналы.

В другой раз к вечеру я увидел в лесной чаще какого-то крупного зверя. Я мог бы поклясться, что это лев (зверюга была размером не меньше «хаммера»), вот только львы не водятся в американских лесах. Его шерсть ярко вспыхивала золотом в предзакатном свете. Затем одним прыжком он скрылся за деревьями и исчез.

* * *

Вознаграждения за Гладиолуса хватило нам только на то, чтобы купить билеты до Денвера. На доплату за места в спальном вагоне денег уже не осталось, так что пришлось дремать сидя. Шея у меня затекла. Я старался не пускать слюни во сне, поскольку рядом сидела Аннабет.

Гроувер храпел, блеял во сне и постоянно будил меня. Как-то раз он взбрыкнул и потерял свои бутафорские ноги. Нам с Аннабет пришлось прилаживать их обратно, пока никто не заметил.

— Итак, — спросила Аннабет, когда мы надели на Гроувера его ботинки, — кто хочет твоей помощи?

— Ты это про что?

— Только что во сне ты пробормотал: «Не стану тебе помогать». Кто тебе приснился?

Мне ужасно не хотелось отвечать. Уже второй раз мне приснился злобный голос из ямы. Но это тревожило меня, поэтому в конце концов я все рассказал Аннабет.

Она долго молчала.

— Это не Аид. Он всегда появляется на черном троне и никогда не смеется.

— Он предложил в качестве предмета сделки мою мать. Кто еще мог это сделать?

— Думаю... он хотел сказать: «Помоги мне выбраться из царства мертвых». Возможно, он хочет войны с олимпийцами. Но зачем ему было просить тебя принести ему жезл повелителя, если он уже у него?

Я покачал головой — хотел бы я знать ответ. Я вспомнил слова Гроувера о том, что фурии в автобусе что-то искали.

«Где это? Где?»

Возможно, Гроувер почувствовал мои эмоции. Он снова всхрапнул, пробормотал что-то насчет овощей и отвернулся.

Аннабет поправила на нем кепку, чтобы та закрывала рожки.

— Перси, ты не можешь заключать никаких сделок с Аидом. Ты ведь

это знаешь, правда? Он бессердечный и алчный лгун. Меня не волнует, что его фур... дальние родственники на этот раз были не так агрессивны...

— На этот раз? — переспросил я. — Значит, тебе уже приходилось с ними сталкиваться?

Она поднесла руку к ожерелью. Нащупала покрытую глазурью белую бусину с изображением сосны — последняя реликвия Аннабет, доставшаяся ей в конце лета.

— Попросту говоря, я не люблю повелителя мертвых. Ты не должен поддаваться искушению и торговаться из-за своей матери.

— А что бы ты сделала, если бы это был твой папа?

— Это просто, — сказала Аннабет. — Оставила бы его гнить.

— Ты что, серьезно?

Аннабет в упор поглядела на меня большими серыми глазами. На лице у нее появилось такое же выражение, как там, в лагере, в лесу, когда она занесла свой меч над адской гончей.

— Мой отец желал избавиться от меня с самого моего рождения, Перси, — сказала она. — Он никогда не хотел детей. Когда я появилась на свет, он попросил Афины взять меня обратно на Олимп, потому что перегружен работой. Ей это не очень-то понравилось. Она сказала ему, что героев должны воспитывать их смертные родители.

— Но каким образом?.. Я хочу сказать, не в роддоме же ты родилась?

— Я появилась у дверей отца в золотой колыбели, меня принес с Олимпа западный ветер — Зефир. Ты, наверное, думаешь, что папуля вспоминал об этом как о чуде? Ну да, возможно, он сделал несколько цифровых фотографий. Но он всегда говорил о моем появлении как о самом неподходящем событии в своей жизни. Когда мне было пять лет, он женился и совершенно забыл Афины. У него появилась «нормальная» смертная жена и двое «нормальных» смертных ребятишек, и он все время делал вид, что я не существую.

Я задумчиво поглядел в окно. Мимо проплывали огни спящего города. Мне хотелось как-то утешить Аннабет, но я не знал как.

— Моя мать вышла замуж за ужасного парня, — вздохнул я. — Гроувер сказал, что она сделала так, чтобы защитить меня, спрятать в запахах человеческой семьи. Может, так же думал и твой отец.

Аннабет теребила ожерелье. Она ухватила за золотое кольцо колледжа, висевшее на одной нитке с бусинами. Мне подумалось, что это было кольцо ее отца. Оставалось непонятным только, зачем она носила его, если терпеть не могла своего родителя.

— Он не заботился обо мне. Его жена, моя мачеха, обращалась со

мной как с придурочной. Не позволяла играть со своими детьми. Отец ей только поддакивал. Когда случалось что-нибудь опасное — ну, ты понимаешь, что-то связанное с монстрами, — оба они смотрели на меня с возмущением, словно хотели сказать: «Как ты смеешь подвергать нашу семью риску?» В конце концов я поняла, куда они клонят. Я была нежеланным ребенком. И я сбежала.

— И сколько тебе тогда было?

— Семь.

— Но... но ты не могла сама добраться до Холма полукровок.

— Почему сама? Афина следила за мной и направляла меня, когда требовалась помощь. Я неожиданно завела парочку приятелей, которые заботились обо мне, правда недолго.

Я хотел спросить, что случилось, но Аннабет, казалось, целиком ушла в свои невеселые воспоминания. Поэтому мне снова пришлось слушать храп Гроувера и смотреть, как за окном поезда проносились темные поля Огайо.

* * *

К концу второго дня, 13 июня, за восемь дней до летнего солнцестояния, мы миновали золотящиеся холмы, пересекли Миссисипи и въехали в Сент-Луис.

Аннабет вытянула шею, чтобы увидеть знаменитую на всю страну Арку,^[12] которая лично мне больше напоминала ручку от пластикового пакета для покупок.

— Я хочу сделать что-нибудь такое... — вздохнула она.

— Например?

— Построить что-нибудь вроде этой Арки. Ты когда-нибудь видел Парфенон, Перси?

— Только на картинках.

— Когда наступит время, я увижу его воочию. Я собираюсь построить самые большие памятники богам. Что-нибудь, что простоит тысячу лет.

— Ты? Архитектор? — рассмеялся я.

Не пойму почему, но это показалось мне забавным. Уже сама мысль о том, что Аннабет весь день корпит над чертежами...

— Да, архитектор. — Щеки ее вспыхнули. — Афина ждет, что ее дети будут создавать, а не только разрушать, как некий бог, сотрясающий землю, имя которого я не хочу упоминать.

Я уставился вниз, на коричневую, всю в завитках водоворотов Миссисипи.

— Прости, — сказала Аннабет. — Я ничего такого не имела в виду.

— А мы не могли бы хоть немного поработать вместе? — взмолился я. — Неужели Афина и Посейдон никогда не сотрудничали?

Аннабет потребовалось время, чтобы обдумать этот вопрос.

— Разве что... колесница, — осторожно предположила она. — Мама изобрела ее, а Посейдон создал лошадей из гребней волн. Поэтому им пришлось работать вместе, чтобы завершить замысел.

— Значит, мы тоже можем сотрудничать?

Мы въехали в город, Аннабет наблюдала затем, как Арка исчезает за зданием отеля.

— Полагаю, да, — наконец сказала она.

Мы сошли на станции «Амтрак». По радио сообщили, что до отправки в Денвер поезд простоит здесь три часа.

Гроувер потянулся. Даже еще не до конца проснувшись, он объявил:

— Хочу есть.

— Давай просыпайся, козленок, — подтолкнула его Аннабет. — Пошли посмотреть город.

— Смотреть город?

— Грандиозную Арку перед входом в парк, — ответила Аннабет. — Может, это мой единственный шанс забраться на самый верх. Так ты идешь или нет?

Мы с Гроувером переглянулись.

Я хотел было отказаться, но подумал, что, если Аннабет решит идти, ее нельзя отпускать одну.

— Если только там нет закусовых с монстрами, — пожал плечами сатир.

* * *

Арка находилась примерно в миле от вокзала. К концу дня очереди, чтобы попасть внутрь, были не такими длинными. Мы прошли через подземный музей, разглядывая крытые повозки и прочую рухлядь, накопившуюся здесь с начала девятнадцатого века. Все это было не так уж занимательно, но Аннабет без конца рассказывала нам разные интересные истории о том, как строили Арку, а Гроувер постоянно подкармливал меня жевательными драже, так что выходило вполне терпимо.

Я огляделся, рассматривая очередь.

— Ты ничего не чувствуешь? — шепотом спросил я у Гроувера.

Он вытащил нос из пакетика с жевательными конфетами ровно настолько, чтобы принюхаться.

— Подземелье, — сморщившись, ответил сатир. — В подземельях всегда воняет монстрами. Возможно, это еще ничего не значит.

Но я почувствовал неладное. Не надо было сюда ходить.

— Ребята, — окликнул я, — вы знаете символы божественной власти?

Аннабет с увлечением изучала стенд, рассказывавший о строительном оборудовании, которое применялось при сооружении Арки, но тут же оторвалась и посмотрела на меня:

— Что?

— Так вот, Аид...

— Мы в общественном месте... — Гроувер закашлялся. — Ты имел в виду наших друзей внизу?

— Да, верно, — сказал я. — *Привычки* нашего друга внизу. Разве у него нет такой же шапки, как у Аннабет?

— Ты хочешь сказать шлема тьмы? — спросила Аннабет. — Да, это его символ власти. Я видела шлем во время собрания в дни зимнего солнцестояния.

— Наш друг был там? — спросил я.

Аннабет кивнула.

— Это единственный раз, когда ему дозволяется посещать Олимп. Самый темный день в году. Но его шлем куда более могущественный, чем моя шапка-невидимка, если то, что я слышала, правда...

— Он позволяет обращаться во тьму, — подтвердил Гроувер. — Он может смешиваться с тенями и проходить сквозь стены. Он становится неосязаемым, невидимым и неслышимым. И он может наводить страх такой силы, от которого сходят с ума или случается разрыв сердца. Как тебе кажется — почему все разумные существа боятся темноты?

— Но тогда... откуда нам знать, что сейчас он не здесь и не наблюдает за нами? — спросил я.

Аннабет и Гроувер переглянулись.

— Мы не знаем, — ответил Гроувер.

— Спасибо, сразу на душе полегчало, — ответил я. — Слушай, у тебя там еще не осталось голубых драже?

Мне едва удалось успокоить взвинченные нервы, когда я увидел крохотный подъемный механизм, который должен был доставить нас на самую верхотуру, и понял, что мы опять в беде. Терпеть не могу тесные

кабинки. От них я схожу с ума.

Мы втиснулись в подъемник вместе с толстенной леди и ее собачкой чихуахуа в ошейнике, изукрашенном фальшивыми бриллиантами. Я подумал, что, возможно, чихуахуа мне примерещился, так как никто из охранников не сказал ни слова о собаке.

Мы стали подниматься к вершине Арки. Я никогда еще не поднимался в лифте, который ехал бы по кривой, и желудку моему это не очень-то пришлось по вкусу.

— Вы без родителей? — спросила толстуха.

Глаза у нее были как бусинки, острые зубы пожелтели от кофе, голову венчала плотная синяя панамка с обвислыми полями, а голубое платье из джинсы так оттопыривалось на ней, что тетка выглядела как голубой джинсовый дирижабль.

— Они внизу, — объяснила Аннабет. — Боязнь высоты.

— Ах, бедняжки.

Чихуахуа зарычал.

— Сейчас, сейчас, малыш, — сказала женщина. — Веди себя прилично.

У собачки глаза были тоже бусинками, как и у ее хозяйки, умные и злые.

— Малыш — это у него такая кличка? — спросил я.

— Нет, — сказала дама.

Она улыбнулась, словно ответ можно было считать исчерпывающим.

Смотровая площадка на верху Арки напомнила мне жестяную банку с ковровым покрытием. Ряды крохотных окон выходили с одной стороны на город, с другой — на реку. Вид был классный, но если что-то нравится мне еще меньше, чем замкнутое пространство, то это замкнутое пространство на высоте шестьсот футов. Я готов был уйти хоть сейчас.

Аннабет, не умолкая, вещала о несущих конструкциях, о том, что сделала бы окна побольше и даже устроила бы стеклянный пол. Она, возможно, могла бы торчать здесь часами, но, на мое счастье, смотритель объявил, что через несколько минут площадка закрывается.

Я повел Гроувера и Аннабет к выходу, посадил в лифт и уже собирался залезть сам, когда увидел, что внутри уже есть двое туристов. Мне места не оставалось.

— Сядете в следующую кабинку, сэр, — предложил смотритель.

— Мы выходим, — сказала Аннабет. — Подождем вместе.

Но тогда получилась бы совершенная неразбериха и времени ушло бы еще больше, поэтому я помотал головой:

— Ничего, ребята, все о'кей. Увидимся внизу.

Гроувер и Аннабет явно нервничали, но позволили захлопнуть дверцу лифта. И кабинка скрылась из вида на пологом пандусе.

Теперь на смотровой площадке остались только я, какой-то мальчуган с родителями, смотритель и толстая дама со своим чихуахуа.

Я нервно улыбнулся толстухе. Она одарила меня ответной улыбкой, и между зубами ее мелькнул раздвоенный язык.

Минутку!

Раздвоенный язык?

Прежде чем я понял, что мне не померещилось, чихуахуа спрыгнул с рук хозяйки и стал на меня лаять.

— погоди, погоди, малыш, — произнесла дама. — Разве теперь подходящее время? Посмотри, какая замечательная здесь подобралась компания.

— Ой, собачка! — воскликнул мальчуган. — Смотрите, собачка!

Родители оттащили его назад. Чихуахуа оскалился, глядя на меня, пена капала с его черных губ.

— Ну что ж, — вздохнула толстая дама. — Если тебе не терпится, дочурка...

Я почувствовал в животе комок льда.

— Вы называете своего чихуахуа дочуркой?

— Это Химера, дорогуша, — поправила меня толстуха. — А не чихуахуа. Впрочем, ошибиться не сложно.

Она закатала рукава платья, и я увидел, что кожа у нее чешуйчатая и зеленая. Когда толстая дама улыбнулась, то вместо зубов моему взгляду предстали клыки. Зрачки ее теперь стали узкими, широко расставленными щелочками, как у рептилии.

Чихуахуа гавкал все громче и с каждым приступом лая становился больше. Сначала он стал размером с добермана, потом — со льва. Лай превратился в рык.

Мальчуган разревелся. Родители потащили его к выходу, наткнувшись на смотрителя, который застыл, парализованный страхом, тяжело дыша и не отрывая глаз от монстра.

Химера так разрослась, что спиной терлась о крышу кабинки. У нее была голова льва с гривой, вымазанной в запекшейся крови, туловище и копыта огромного козла, а вместо хвоста — змея, десятифутовая, с ромбовидным рисунком на спине, растущая прямо из лохматой задницы. Ошейник с поддельными бриллиантами по-прежнему болтался у нее на шее, и теперь легко было прочесть надпись, сделанную аршинными

буквами: «ХИМЕРА — БУЙНАЯ, ОГНЕДЫШАЩАЯ, ЯДОВИТАЯ. В СЛУЧАЕ ОБНАРУЖЕНИЯ ПРОСЬБА ПОЗВОНИТЬ В ТАРТАР — ГОРОДСКОЙ 954».

Только тут до меня дошло, что я даже не снял колпачок со своего меча. Пальцы словно онемели. Я стоял всего в десяти футах от окровавленной пасти Химеры и понимал, что, как только пошевелюсь, тварь бросится на меня.

Дама-змея издала шипящий звук, который вполне можно было принять за смех.

— Честь и хвала тебе, Перси Джексон. Наш повелитель Зевс редко позволяет мне испытать героя с помощью кого-нибудь из моего потомства. Ибо я — мать чудовищ, ужасная Ехидна!

Я уставился на нее. Единственное, до чего я додумался, это брякнуть:

— Вы что, вроде муравьеда?

Ехидна взвыла, ее лицо рептилии от ярости становилось то бурым, то зеленым.

— Терпеть не могу, когда люди так говорят! Терпеть не могу Австралию! Как можно было назвать это нелепое животное так же, как меня? За это, Перси Джексон, моя дочурка уничтожит тебя!

Порождение Ехидны ринулось на меня, оскалив львиные клыки. Мне удалось отпрыгнуть в сторону и увернуться от опасности.

Я оказался рядом с ребенком, его родителями и зрителем, которые теперь вопили в один голос, пытаясь распахнуть двери запасного выхода.

Я не мог позволить, чтобы они пострадали. Сдернув колпачок с меча, я отбежал к другой стороне кабинки и закричал:

— Эй, чихуахуа!

Химера развернулась быстрее, чем я мог вообразить.

Прежде чем я успел взмахнуть мечом, она разинула пасть, вонявшую, как самая большая в мире помойка, и изрыгнула прямо на меня смерч огня.

Я бросился наперерез огненному потоку. Ковровое покрытие вспыхнуло мгновенно; жар был такой, что почти выжег мне брови.

Там, где я только что стоял, в стене Арки образовалась дыра с рваными краями, расплавленный металл дымился.

«Здорово, — пронеслось у меня в голове. — Мы только что прожгли дырку в национальном достоянии».

Анаклузмос теперь блистал бронзовым клинком у меня в руке, и, как только Химера вновь развернулась, я полоснул ее по шее.

Это была моя роковая ошибка. Клинок, не нанеся твари ни малейшего вреда, высек сноп искр и отскочил от собачьего ошейника. Я попытался

сохранить равновесие, но настолько испугался надвигающейся на меня, искаженной яростью львиной пасти, что совершенно забыл о змеином хвосте, пока он не взмыл в воздух и не всадил шипы мне в бедро.

Ногу мою словно огнем обожгло. Я постарался вонзить меч в пасть Химеры, но змеиный хвост обвился вокруг моих лодыжек, лишив меня равновесия, и клинок, выпав у меня из рук, вращаясь в воздухе, вылетел в дыру в стене Арки и погрузился в воды Миссисипи.

Я попытался встать на ноги, но понял, что погиб. Я был безоружен. И чувствовал, как смертоносный яд стремительно разливается по телу. Хирон сказал, что Анаклузмос всегда будет возвращаться ко мне, но ручки в кармане не было. Может, меч слишком далеко упал? Может, он вернется, только когда снова примет форму ручки? Этого я не знал и вряд ли проживу так долго, чтобы узнать.

Я попятился к дыре. Химера наступала, рыча, дым курился из ее пасти. Змеиная леди Ехидна злорадно захихикала.

— Теперь уже нет таких героев, как прежде, верно, малыш?

Монстр зарычал. Казалось, он не торопится прикончить меня теперь, когда я уже повержен.

Я бросил взгляд на зрителя и семью с ребенком. Мальчуган спрятался за отцом. Я должен был защитить этих людей. Я не мог... просто так умереть. Я попытался размышлять, но все мое тело горело, как в огне. Голова кружилась. Меча у меня не было. Я остался лицом к лицу с огромным огнедышащим чудищем и его матерью. И мне стало страшно.

Бежать было некуда, поэтому я отступил к краю дыры. Далеко-далеко внизу поблескивала река.

Если я погибну, то, может, монстры уберутся восвояси? Может, оставят людей в живых?

— Если ты сын Посейдона, — прошипела Ехидна, — то вода тебе не страшна. Прыгай, Перси Джексон. Покажи мне, что вода не причинит тебе вреда. Прыгай и найди свой меч. Покажи, чей ты потомок.

«Как же», — вяло подумал я.

Я где-то читал, что прыгнуть в воду с высоты двухэтажного здания — все равно что прыгнуть на асфальт. А прыгнув отсюда, я просто расплещусь в лепешку, соприкоснувшись с рекой.

Раскаленная пасть Химеры изготавилась опять полыхнуть огнем.

— Веры маловато, — сказала мне Ехидна. — Ты не доверяешь богам. Я не могу винить тебя, трусишка. Лучше умри сейчас. Боги вероломны. Яд скоро достигнет твоего сердца.

Она была права: я умирал. Я чувствовал, как дыхание мое замедляется.

Никто не мог спасти меня, даже боги.

Я снова попятился и посмотрел вниз, на воду. Вспомнил тепло отцовской улыбки, когда я был маленьким. Он должен был увидеть меня. Должен был навестить меня, когда я еще лежал в колыбели.

Я вспомнил вращающийся зеленый трезубец, который появился надо мной в ночь похищения флага, когда Посейдон признал во мне своего сына.

Но здесь нет моря. Это штат Миссисипи — самый центр территории Соединенных Штатов. Здесь не может быть бога морей.

— Умри, маловер, — прокрипела Ехидна, когда Химера снова нацелила огненный смерч мне в лицо.

— Отец, помоги мне, — взмолился я.

Потом повернулся и прыгнул. Одежда на мне горела, яд быстро тек по жилам, и я камнем полетел вниз.

Глава четырнадцатая

Я становлюсь знаменитым беглецом

Хотелось бы мне сказать вам, что во время полета меня посетило глубокое откровение, что я примирился со своей гибелью, рассмеялся смерти в лицо и т. д. и т. п.

Однако на самом деле все мои мысли затмил вопль самоубийцы: «А-а-а-а-а!»

Река мчалась мне навстречу со скоростью грузовика. Ветер буквально разрывал легкие. Церковные шпили, небоскребы и мосты — все крутилось и вертелось у меня перед глазами.

Ба-бах!!!

Белое марево пузырьков. Я погружался в воду, тьма вокруг меня сгущалась, и не приходилось сомневаться, что я упокоюсь в толстенном слое ила и исчезну навсегда.

Однако удар о речную гладь не причинил мне вреда. Падение стало замедленным. Пузырьки воздуха тонкими струйками обволокли мои пальцы. Я распластался на речном дне, окруженный полным безмолвием. Усатый сом, размером с моего отчима, вильнув хвостом, исчез в полутьме. Мое падение взбаламутило груды отвратительного мусора — пивные бутылки, старые ботинки, пластиковые мешки, которые теперь роились вокруг.

В тот момент я кое-что понял: во-первых, я не расшибся в лепешку. И не поджарился. Даже яд Химеры больше не кипел в моих жилах. Я остался жив, что само по себе было не так уж плохо.

Во-вторых, я не вымок. То есть я чувствовал прохладу воды. Видел свою опаленную одежду. Но, когда я дотронулся до рубашки, она была абсолютно сухой.

Приглядываясь к курсировавшему вокруг мусору, я схватил старую зажигалку.

«Не получится», — подумал я.

Но чиркнул кремнем. Появилась искорка, и крохотный язычок пламени заплясал прямо на дне Миссисипи.

Я выловил из потока промокшую упаковку из-под гамбургера, и бумага моментально стала сухой. Я легко поджег ее. Но стоило мне выпустить ее из рук, как пламя погасло. Обертка снова превратилась в

осклизлую бумажонку. Чудеса!

Но самое удивительное дошло до меня в последнюю очередь: я дышал. Я был под водой, но дышал нормально.

Я встал, илистый слой мусора и тины доходил мне до середины бедра. Я почувствовал дрожь в коленях. Руки тоже тряслись. Я неминуемо должен был погибнуть. То, что я жив, походило... на чудо. Мне померещился женский голос, чем-то слегка напоминающий голос мамы: «Что надо сказать, Перси?»

— Хм... спасибо. — Под водой мой голос звучал, как в записи, казалось, что я намного старше. — Спасибо... отец.

Никакого ответа. Только мусор темным облаком плыл по реке, огромный сом скользнул где-то у самой поверхности, и закат там, над водой, окрасил мир вокруг в цвет жженого сахара.

Зачем Посейдон спас меня? Чем больше я думал об этом, тем сильнее меня охватывал стыд. Итак, мне крупно повезло. Против такого существа, как Химера, у меня не было ни единого шанса. Те бедняги на вершине Арки, наверное, уже хорошенько прожарились. Я не смог защитить их. Никакой я не герой. Может, мне следовало бы остаться здесь, с этими сомами, и пусть меня сожрут рыбы.

Плюх-плюх-плюх. Надо мной проплыла моторная лодка, вспенивая замусоренную воду.

Не более чем в пяти футах впереди блеснул мой меч, его бронзовый эфес увяз в иле.

И снова до меня донесся женский голос: «Перси, возьми меч. Твой отец верит в тебя».

На этот раз я понял, что голос — не наваждение. Я не выдумал его. Слова невидимой женщины, казалось, доносились отовсюду, вызывая в воде рябь, как сонар дельфина.

— Где ты? — громко позвал я.

Затем сквозь полумрак я увидел ее. Светло-коричневая, как сама вода, тень женщины плавно кружилась над мечом, словно привидение. Ее длинные волосы плавали в потоке, а едва различимые глаза были зелеными, как у меня.

В горле у меня застрял комок.

— Мама? — спросил я.

«Нет, дитя, я всего лишь посланница, хотя судьба твоей матери не так безнадежна, как кажется. Направляйся на побережье Санта-Моники».

— Что?

«Такова воля твоего отца. Прежде чем спуститься в царство мертвых,

ты должен отправиться в Санта-Монику. Пожалуйста, Перси, мое время почти истекло. Река здесь слишком грязная для меня».

— Но... — Я не сомневался, что это моя мать или, по крайней мере, ее призрак. — Кто... как ты...

Мне так о многом хотелось спросить ее, что слова застряли у меня в горле.

«Я не могу оставаться дольше, храбрец, — сказала женщина. Она вытянула руки, и я почувствовал, что течение словно бы ласкает мое лицо. — Ты должен отправиться в Санта-Монику! И не доверяй дарам, Перси...»

Голос ее стих.

— Дарам? — переспросил я. — Но каким дарам? погоди!

Женщина еще раз попыталась заговорить, но только шевелила губами. Образ ее растаял. Если это была моя мать, то я снова потерял ее.

Мне захотелось утопиться. Единственная проблема состояла в том, что утопиться я не мог.

«Твой отец верит в тебя», — сказала она.

А еще назвала храбрецом... разве только это относилось к сому.

Я добрел до меча и схватил его за эфес. Химера могла все еще торчать там, наверху, вместе со своей жирной, похожей на змею матерью, чтобы прикончить меня. По крайней мере, скоро появятся смертные полицейские, чтобы установить, кто проделал дыру в Арке. Если они обнаружат меня, у них наверняка найдется ко мне парочка вопросов.

Надев колпачок, я сунул ручку в карман.

— Спасибо, отец, — повторил я, обращаясь к темной воде.

Затем вытянул ноги из ила и поплыл вверх.

* * *

Я подгрел к берегу рядом с плавучим «Макдоналдсом».

В квартале от меня все кареты «скорой помощи» Сент-Луиса сгрудились вокруг Арки. В небе кружили полицейские вертолеты. Толпа зевак напомнила мне Таймс-сквер накануне Нового года.

— Мама! — закричала какая-то девчушка. — Этот мальчик вышел из реки.

— Вот и хорошо, детка, — ответила мать, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть машины «скорой помощи».

— Но он сухой!

— Вот и хорошо, детка.

Корреспондентка из «новостей» бубнила в камеру:

— Возможно, это и не теракт, как нам сначала сообщили, но мы имеем дело только с самыми первыми результатами расследования. Ущерб, как вы сами видите, причинен очень серьезный. Мы пытаемся добраться до оставшихся в живых очевидцев, чтобы получить от них лично свидетельства того, что кто-то бросился в реку.

Оставшихся в живых. Я ощутил прилив облегчения. Может, семейству и зрителю удалось-таки найти безопасное местечко. Я надеялся, что с Аннабет и Гроувером все в порядке.

Я попытался протолкаться сквозь толпу, чтобы рассмотреть, что происходит внутри полицейского кордона.

— Подросток, — произнес какой-то другой репортер. — Изучив показания камер слежения, «Пятый канал» пришел к выводу, что какой-то подросток, окончательно обезумев от происходящего на смотровой площадке, каким-то образом избежал этого нелепого взрыва. Трудно поверить, Джон, но так говорят очевидцы. Повторяю: версия несчастного случая не подтверждается...

Я попятился, стараясь пониже опустить голову. Пришлось проделать немалый путь, чтобы обойти полицейский периметр. Офицеры в форме и репортеры шныряли повсюду.

Я уже разуверился, что мне удастся найти Аннабет и Гроувера, когда знакомый голос проблеял: «Пе-е-е-рси!»

Обернувшись, я попал прямо в объятия — пусть и козлиные — Гроувера.

— Мы решили, — сказал он, — что ты спустился в Аид самым трудным путем.

Аннабет стояла за ним, стараясь делать вид, что сердится, но, казалось, испытывая облегчение при виде меня.

— Тебя и на пять минут нельзя оставить одного. Что случилось?

— Ну... упал.

— Перси! До воды шестьсот тридцать футов!

Стоявший позади нас полицейский крикнул:

— Дорогу!

Толпа расступилась, и из нее выскочили двое шустрых санитаров со «скорой», катя носилки с лежавшей на них женщиной. Я моментально узнал в ней мать мальчугана, который был вместе с нами на смотровой площадке.

— И тогда эта огромная собачина, — бормотала она, — эта огромная

огнедышащая чихуахуа...

— О'кей, мэм, — похлопал ее по плечу санитар. — Главное, успокойтесь. С вашей семьей все в порядке. Мы приступили к первичной обработке.

— Я не сумасшедшая! Тот мальчик выпрыгнул через дыру, и чудовище исчезло. — Тут она увидела меня. — Вот он! Вот этот мальчик!

Я быстро развернулся и потянул за собой Аннабет и Гроувера. Мы растворились в толпе.

— Что произошло? — настойчиво вопрошала Аннабет. — Она говорила про чихуахуа, которого везли в лифте?

Я рассказал им всю историю про Химеру, Ехидну, свой прыжок с большой высоты и послание подводной дамы.

— Ух ты! — отреагировал Гроувер. — Теперь мы должны доставить тебя в Санта-Монику! Мы не можем игнорировать требования твоего отца.

Прежде чем Аннабет успела ответить, мы прошли мимо еще одного репортера, который передавал новости, и я едва не окаменел, когда он сказал в микрофон:

— Перси Джексон. Все верно, Дэн. «Двенадцатому каналу» стало известно, что внешность мальчика, который мог стать причиной взрыва, совпадает с описанием молодого человека, разыскиваемого полицейскими властями в связи с серьезной автокатастрофой, произошедшей три дня назад в Нью-Джерси. Полагают, что мальчик едет на запад. Предлагаем вниманию тех, кто смотрит телевизор дома, фотографию Перси Джексона.

Обогнув фургон телевизионщиков, мы скользнули в первый попавшийся переулок.

— Все по порядку, — ответил я Гроуверу. — Сейчас надо выбираться из города!

Непонятно как, но нам удалось добраться до вокзала, оставаясь незамеченными. Мы едва успели вскочить в поезд, отправлявшийся в Денвер. С наступлением темноты наши гроыхающие вагоны покатили на запад; огни полицейских машин Сент-Луиса все еще мигали позади, подсвечивая линию горизонта.

Глава пятнадцатая

Бог угощает нас чизбургерами

В следующий полдень, четырнадцатого июня, за неделю до солнцестояния, наш поезд подошел к Денверу. Мы ничего не ели с предыдущей ночи в вагоне-ресторане где-то в Канзасе. Мы не принимали душ после отъезда с Холма полукровок, и я не сомневался, что от нас пахнет.

— Давайте попробуем связаться с Хироном, — предложила Аннабет. — Я хочу рассказать ему о твоём разговоре с речным духом.

— Но мы же не можем пользоваться телефонами?

— Я не про телефон.

Мы с полчаса пошатались по городу, хотя я не понимал, что именно ищет Аннабет. Стояла сухая жара, что было особенно странно после влажного Сент-Луиса. Куда бы мы ни поворачивали, Скалистые горы словно бы провожали меня взглядом, они напоминали приливную волну, готовую обрушиться на город.

Наконец мы нашли пустую автомойку, работавшую по принципу самообслуживания. Мы свернули в наиболее удаленный от улицы отсек, высматривая, нет ли патрульной машины. Какие-то три подростка без автомобиля шатаются возле мойки для машин; любой коп, не зря просиживающий штаны в участке, догадался бы, что мы затеваем недоброе.

— Что именно мы делаем? — спросил я, глядя на Гроувера, который взял распылитель.

— Это стоит семьдесят пять центов, — проворчал тот. — У меня осталось только два четвертака, а у тебя, Аннабет?

— Не надо так на меня смотреть, — огрызнулась она. — В вагоне-ресторане у меня забрали все подчистую.

Достав последнюю сдачу, я дал Гроувелу четвертак, после чего у меня осталось две монетки по пять центов и драхма из заведения Медузы.

— Отлично, — сказал Гроувер. — Конечно, мы могли бы воспользоваться бутылкой с насадкой, но соединение не такое хорошее, да и руки у меня отвалятся качать.

— Ты про что?

Гроувер опустил четвертаки в прорезь автомата и нажал кнопку

«ВОДЯНОЙ ТУМАН».

— Готово.

— Посылаем молнию? — с иронией поинтересовался я.

— Вызываем радугу, — поправила Аннабет. — Богиня радуги Ирида доставляет послания богам. Если ты знаешь, как правильно спросить, и она не слишком занята, то сделает то же самое и для полукровок.

— Вы собираетесь вызвать богиню с помощью распылителя?

Гроувер поднял носик распылителя вверх, и вода с шипением повисла в воздухе плотным белым туманом.

— А тебе известен другой способ, как проще создать радугу?

Вполне естественно, что клонившееся к закату солнце, просеяв свои лучи сквозь водяную пыльцу, распалось цветной радугой.

— Драхму, пожалуйста. — Аннабет протянула ко мне ладонь.

Я отдал ей драхму.

Она подняла монету над головой.

— О богиня, прими нашу жертву.

Потом бросила драхму в радугу. Она растворилась в золотистом мерцании.

— Холм полукровок, — попросила Аннабет.

Мгновение ничего не происходило.

Затем сквозь дымку я увидел клубничные поля, а вдалеке — очертания Лонг-Айленда. Казалось, мы находимся на веранде Большого дома. У перил спиной к нам стоял парень с рыжеватыми волосами, в шортах и оранжевой безрукавке. Он держал бронзовый меч и, казалось, внимательно следил за чем-то, что происходит внизу, в поле.

— Лука! — позвал я.

Он обернулся, глаза его широко распахнулись. Я мог бы поклясться, будто он стоит в трех футах от меня, за дымкой тумана, хотя видел я только то, что появилось в радуге.

— Перси! — Лицо со шрамом расплылось в широкой ухмылке. — А это ты, Аннабет? Слава богам! Вы в порядке, ребята?

— Мы... да... в общем... — запинаясь, произнесла Аннабет. Она исступленно разглаживала свою грязную футболку и старалась зачесать назад пряди упавших на лицо волос. — Мы подумали... Хирон... то есть...

— Он внизу, в домиках. — Улыбка Луки поблекла. — У нас возникли кое-какие разногласия с обитателями лагеря. Слушай, ты в порядке? С Гроувером все о'кей?

— Тут я, — отозвался Гроувер. Он направил распылитель в сторону и оказался в поле зрения Луки. — Какие разногласия?

В этот момент в соседний отсек въехал большой «линкольн-континенталь», стереосистема которого на полную громкость выдавала «хип-хоп». Когда машина встала рядом, вибрация басовых динамиков сотрясла пол.

— Хирону пришлось... что за шум? — громко закричал Лука.

— Я об этом позабочусь! — так же громко отозвалась Аннабет, похоже, очень довольная, что у нее есть повод исчезнуть с глаз Луки. — Гроувер, пошли!

— Что? — спросил Гроувер. — Но...

— Отдай Перси распылитель и пошли! — скомандовала Аннабет.

Гроувер проворчал, что этих девчонок труднее понять, чем Дельфийского оракула, передал мне распылитель и последовал за Аннабет.

Я сдвинул шланг так, чтобы радуга снова встала на место и я мог видеть Луку.

— Хирону пришлось разнимать драку, — ответил Лука, стараясь перекричать музыку. — Обстановка очень напряженная, Перси. Просочились слухи о противостоянии Зевса и Посейдона. Мы до сих пор не уверены — возможно, это дело рук того же подонка, который призвал адскую гончую. Теперь все обитатели лагеря разделились. В общих чертах, похоже, снова началась Троянская война. Афродита, Арес и Аполлон более или менее на стороне Посейдона. Афина поддерживает Зевса.

Я вздрогнул при мысли о том, что домик Клариссы когда-нибудь встанет на сторону моего отца. Слышно было, как в соседней кабинке Аннабет пререкается с каким-то парнем, после чего музыка резко стихла.

— А ты, какую позицию займешь ты? — спросил Лука. — Хирон расстроится, что не поговорил с тобой.

Я рассказал ему все до последнего, включая свои сны. Было так приятно видеть Луку, чувствовать, что я хоть на несколько минут вернулся в лагерь... я даже не заметил, как долго продолжалась моя речь, пока не запищал гудок автомата мойки. Я понял, что у меня всего минута до того, как вода отключится.

— Хотел бы я быть с вами, — пробормотал Лука. — Отсюда, боюсь, мы многим помочь не сможем, но послушай... жезл почти наверняка похитил Аид. Он был на Олимпе во время зимнего солнцестояния. Я наблюдал за богами, и мы видели его.

— Но Хирон сказал, что боги не могут напрямую похищать волшебные предметы друг у друга.

— Это правда, — ответил Лука, вид у него стал встревоженный. — И все-таки... У Аида есть шлем тьмы. Как мог кто-то еще прокрасться в

тронный зал и украсть жезл? Хочешь не хочешь, тут надо быть невидимкой.

Мы оба примолкли, пока до Луки не дошло, что он только что сказал.

— Нет, нет, — спохватился он, — я не имею в виду Аннабет. Мы с ней знаем друг друга с незапамятных времен. Она бы никогда... То есть она мне как сестра.

Я задумался, понравилось ли бы Аннабет такое сравнение. В соседнем отсеке музыка окончательно стихла. Мужчина в ужасе завопил, тяжело хлопнула дверца, и «линкольн» пулей вылетел из мойки.

— Пошел бы ты посмотрел, что там случилось, — сказал Лука. — Слушай, а ты носишь крылатые туфли? Было бы приятно знать, что они хоть чем-то тебе помогли.

— О да... конечно! — Я постарался, чтобы мой ответ не прозвучал ложью. — Они как раз пришлись мне впору, ими так легко управлять.

— Правда? — усмехнулся Лука. — Значит, подошли?

Вода отключилась. Дымка стала рассеиваться.

— Будьте осторожнее там, в Денвере. — Голос Луки звучал все слабее. — И скажи Гроуверу, что на этот раз все обойдется! Никто не превратится в сосну, если только он...

Но радуга окончательно рассеялась, и образ Луки исчез. Я был один в мокрой пустой кабине.

Аннабет и Гроувер, смеясь, вышли из-за угла, но замолчали, увидев мое лицо. Аннабет перестала улыбаться.

— Что случилось, Перси? Что сказал Лука?

— Так, — соврал я, чувствуя, что в животе у меня так же пусто, как в домиках Большой троицы. — Пошли, поищем чего-нибудь на ужин.

* * *

Через несколько минут мы уже сидели в кабине сверкающего металлом рестораника. Семейства вокруг ели бургеры и запивали их пивом и содовой.

Наконец подошла официантка.

— Ну? — спросила она, скептически подняв бровь.

— Хм... мы хотели бы заказать ужин, — сказал я.

— А у вас, ребяташки, есть деньги, чтобы расплатиться?

Нижняя губа Гроувера предательски задрожала.

Я испугался, что он начнет блять или, того хуже, поедать линолеум.

Аннабет, казалось, тоже сейчас скончается от голода.

Я уже собрался придумать какую-нибудь историю, способную разжалобить официантку, когда все здание затряслось — у поребрика притормозил мотоцикл размером с доброго слоненка.

Ресторанная болтовня мигом стихла. Передняя фара мотоцикла полыхала красным светом. Бензобак, размалеванный языками пламени, по обе стороны от руля по кобуре, и не пустой. Сиденье было кожаное, однако кожа казалась... словно бы содранной с человека...

Парень на мотоцикле выглядел как чемпион по армрестлингу. Он носил красную рубашу в обтяжку, черные джинсы и черный кожаный плащ, на бедре крепились ножны с охотничьим ножом. Лицо украшали красные противосолнечные очки, и это было самое свирепое, самое жестокое лицо, которое мне когда-либо приходилось видеть, — по моим понятиям, мужественное, но порочное, — на голове сально поблескивали стриженные «ежиком» волосы, а щеки сплошь покрывали шрамы от бесчисленных драк. Самое удивительное, мне показалось, что я уже когда-то видел это лицо.

Когда парень вошел в ресторан, по залу словно пронеслось дуновение горячего сухого ветра. Все посетители встали, как загипнотизированные, но байкер только милостиво помахал рукой, и они снова сели и вернулись к прерванным разговорам. Официантка моргнула, словно кто-то нажал у нее в голове кнопку перемотки.

— А у вас, ребятишки, есть деньги, чтобы расплатиться? — повторила она свой вопрос.

— За мой счет, — небрежно бросил байкер.

Он протиснулся в нашу кабинку, которая была ему тесновата, прижав Аннабет к окну. Потом взглянул на официантку, в изумлении взиравшую на него, и рыкнул:

— Ты все еще здесь?

Парень в коже ткнул в нее пальцем, и она застыла как вкопанная. Потом развернулась, словно какая-то невидимая рука крутанула ее вокруг собственной оси, и промаршировала обратно на кухню.

Байкер посмотрел на меня. Глаз его я не видел из-за очков, но недоброе предчувствие шевельнулось у меня внутри. Гнев, возмущение, горечь. Мне захотелось врезать кулаком по стене. Захотелось подраться. Кем этот парень себя считает?

— Так ты, выходит, сынок старого водяного? — Байкер одарил меня нехорошей ухмылкой.

Другой на моем месте удивился бы или испугался, но вместо этого я

ощутил то же чувство, что испытывал, глядя на своего отчима Гейба. Мне захотелось свернуть ему шею.

— А вам-то какое дело?

Аннабет сверкнула на меня взглядом, предупреждая.

— Перси, это...

— Все о'кей, крошка. — Байкер поднял руку. — Порой и мне хочется немного пофорсить. Главное — помнить, кто твой босс. Так ты знаешь, кто я, браток?

И тут до меня дошло, почему этот парень кажется мне знакомым. Усмешка у него была такая же злорадная, как у некоторых ребят из Лагерь полукровок, а именно — из домика номер пять.

— Вы — отец Клариссы, — сказал я. — Бог войны Арес.

Арес усмехнулся и снял очки. Вместо глаз у него были только пустые глазницы, в которых полыхало пламя маленьких термоядерных взрывов.

— Все верно, салага. Я слышал, ты сломал копье Клариссы.

— Сама напросилась.

— Возможно. Все равно — круто. Я ведь не играю в такие войны, как мои ребяташки. А здесь я вот для чего: прослышал, что ты в городе. У меня к тебе небольшое дельце.

Официантка вернулась с подносами, на которых возвышались целые горы еды: чизбургеры, жареная картошка, порезанный колечками лук и шоколадные коктейли.

Арес швырнул официантке несколько золотых драхм.

— Но это не... — Она нервно посмотрела на монеты.

— Что-то не так, милочка? — Арес достал свой огромный нож и принялся чистить ногти.

Официантка быстро удалилась.

— Вы не имеете права, — заметил я. — Не имеете права просто так угрожать людям ножом.

— Ты что, шутишь? — расхохотался Арес. — Мне нравится эта страна. Лучшее место после Спарты. А у тебя есть при себе оружие, салага? Надо бы. Сейчас кругом небезопасно. Отсюда и мое предложение. Хочу, чтобы ты оказал мне кое-какую услугу.

— Какую услугу я могу оказать богу?

— Сделать одну вещь, на которую у самого бога не хватает времени. Так, пустяки. Я забыл свой щит в одном заброшенном парке с прудами здесь, в городе. Слишком спешил... так, небольшое свидание с подружкой. Нам помешали. И я оставил щит. Хочу, чтобы ты мне его принес.

— Почему бы вам не вернуться за ним самому?

Огоньки в его глазницах запылали чуть ярче.

— А почему бы мне не превратить тебя в луговую собачку и не задавить своим «харлеем»? Потому что не хочется. Бог дает тебе возможность доказать, кто ты есть на самом деле, Перси Джексон. Может, на самом деле ты трус? — Арес наклонился вперед. — Или, может, ты дерешься только тогда, когда поблизости есть речка, куда можно нырнуть, а твой папаша тебя защитит?

Мне захотелось вмазать этому парню, но я интуитивно чувствовал, что он только этого и дожидается. Сила Ареса только разжигала мой гнев. Ему понравилось бы, если б я на него кинулся. И я не пожелал доставлять этому типу подобное удовольствие.

— Нам это неинтересно, — сказал я. — У нас уже есть поручение.

В свирепых глазах Ареса я увидел то, чего мне вовсе не хотелось видеть: кровь, дым и трупы на поле боя.

— Мне известно все про твое поручение, салага. Когда эту вещь украли впервые, Зевс послал на его поиски лучших: Аполлона, Афину, Артемиду и, естественно, меня. Если я не смог унюхать столь могущественное оружие... — Он облизнулся, будто жезл Зевса был чем-то очень аппетитным. — Что ж, если мне это не удалось, то и тебе тем паче. Однако я не пытаюсь, чтоб ты поверил мне на слово. Между прочим, мы с твоим отцом давно уже ладим. В конце концов, это же я сказал ему, что подозреваю старого нюхальщика трупов.

— Вы сказали ему, что жезл украл Аид?

— Точно. Развязать войну. Старейший трюк. Я моментально это понял. В каком-то смысле ты должен благодарить меня за свое маленькое расследование.

— Спасибо, — проворчал я.

— Слушай, я человек великодушный. Просто сделай для меня эту маленькую работу, а я помогу тебе в твоём деле. Устрою поездку на запад тебе и твоим друзьям.

— Мы и сами прекрасно справимся.

— Ну да, конечно. Без денег. Без колес. Не пойму я, чего ты так ерепенишься. Помоги мне, и, может, я скажу тебе что-то важное. Кое-что насчет твоей мамы.

— Моей мамы?

— Вижу, я тебя заинтересовал. — Арес ухмыльнулся. — Водный парк в миле к западу отсюда, в Деланси. Ты его не минуешь. Тебе надо найти Туннель любви.

— Что помешало вашему свиданию? — Я переменял тему. — Вас кто-

то спугнул?

Арес оскалился, но я уже видел этот угрожающий взгляд у Клариссы. Было в нем что-то неискреннее; казалось, бог войны слегка нервничает.

— Тебе повезло, салага, что ты встретил меня, а не кого-нибудь еще из олимпийцев. Они не так легко прощают грубость, как я. Когда все сделаешь, я буду ждать тебя здесь. Не разочаруй меня.

После этого я, должно быть, потерял сознание или впал в транс, потому что, когда я открыл глаза, Ареса уже не было. Я мог бы подумать, что разговор этот мне приснился, но по выражению лиц Аннабет и Гроувера понял — это не сон.

— Плохо, — тихо выговорил Гроувер. — Арес нашел тебя, Перси. Очень плохо.

Я посмотрел в окно. Мотоцикл исчез.

Правда ли Арес знал что-то о маме или просто разыгрывал меня? Теперь, когда он ушел, мой гнев мигом улетучился. Я понял, что Арес любит играть на эмоциях людей. В этом заключалась его власть — так накалить страсти, что они затуманивали способность мыслить здраво.

— Возможно, это какой-то трюк, — небрежно заявил я. — Ну его, этого Ареса. Пошли.

— Мы не можем, — ответила Аннабет. — Пойми, я ненавижу Ареса больше, чем кого-либо, но нельзя не обращать внимания на богов, если не хочешь серьезных неприятностей. Он не шутил относительно того, что может обратить тебя в грызуна.

Я посмотрел на свой чизбургер, который вдруг показался мне не таким уж и аппетитным.

— Зачем мы ему понадобились?

— Тут нужно хорошенько пораскинуть мозгами... — задумчиво протянула Аннабет. — Арес силен. Но сила — все, что у него есть. Даже сила иногда вынуждена уступать мудрости.

— Но этот водный парк... он был почти напуган. Что могло заставить бога войны вот так убежать?

Аннабет с Гроувером тревожно переглянулись.

— Боюсь, нам придется это выяснить, — сказала Аннабет.

* * *

Солнце уже садилось за горами, когда мы нашли этот аквапарк. Судя по вывеске, он когда-то назывался «Вотерлэнд», но многих букв теперь не

хватало, и надпись выглядела какой-то абракадаброй.

Главный вход был заперт, поверху тянулась колючая проволока. Внутри повсюду виднелись огромные пересохшие водные горки и трубы, которые вели к пустым бассейнам. Ветер гонял по асфальту старые билеты и рекламные листки. В сгущающейся тьме парк выглядел печально и невольно нагонял страх.

— Если Арес устраивает здесь свидание со своей подружкой, — сказал я, глядя на колючую проволоку, — то не хотелось бы мне видеть, как она выглядит.

— Перси, — предостерегла Аннабет. — Будь почтительнее.

— Зачем? Я думал, ты ненавидишь Ареса.

— И все же он — бог. А подружка у него очень темпераментная.

— Тебе не следует обидно отзываться о ее внешности, — добавил Гроувер.

— Кто же она? Ехидна?

— Нет, Афродита, — как-то вяло произнес Гроувер. — Богиня любви.

— Я думал, она замужем, — не останавливался я. — За Гефестом.

— Чего ты добиваешься? — спросил Гроувер.

— Ладно. — Я внезапно почувствовал необходимость сменить тему. —

Так как же мы попробуем зайти внутрь?

— Майя! — Из туфель Гроувера выпростались крылья.

Сатир перелетел через изгородь, непроизвольно перекувырнулся и, пошатываясь, приземлился по другую сторону ограды. Затем стряхнул пыль со своих джинсов и сделал вид, будто все так и было задумано.

— Ну что, ребята, идете?

Нам с Аннабет пришлось перелезть через изгородь по старинке, придерживая друг для друга колючую проволоку.

Тени становились все длиннее, пока мы шли по парку, внимательно проверяя названия всех аттракционов. Тут были и «Остров, кусающий за пятки», и «Вверх тормашками», и «Эй, где мой купальник?».

Монстры не появлялись. Кругом стояла полнейшая тишина.

Наконец мы наткнулись на сувенирную лавку, которую оставили открытой. Товары все еще стояли и лежали на полках: стеклянные шары с картинками внутри, ручки, почтовые открытки и вешалки...

— Одежда! — воскликнула Аннабет. — Чистая одежда.

— Да, — ответил я. — Но ты же не можешь просто...

— Не сомневайся.

Она схватила с вешалок целую кипу одежды и скрылась в примерочной. Через несколько минут она явилась в фирменных шортах

водного парка, в такой же футболке красного цвета и туфлях для серфинга. Через плечо Аннабет перекинула рюкзак с надписью «Вотерлэнд», явно набитый другими товарами.

— Это еще зачем? — пожал плечами Гроувер.

Но Аннабет прикрикнула на нас, и скоро мы все трое были обмундированы на манер ходячих реклам почившего в бозе аквапарка.

После чего мы продолжили поиски Туннеля любви. У меня возникло чувство, что весь парк как бы затаил дыхание.

— Значит, Арес и Афродита? — спросил я, чтобы отвлечься от надвигающейся темноты. — Выходит, у них все продолжается?

— Это старая сплетня, Перси, — сказала Аннабет. — Ей уже три тысячи лет.

— А как насчет Афродитино мужа?

— Ты знаешь, это Гефест. Кузнец. Он увечный с тех пор, как Зевс ребенком сбросил его с Олимпа. Поэтому красавцем его не назовешь. Золотые руки — больше сказать нечего, но Афродита все равно не ценит ни ум, ни таланты.

— Зато ей нравятся байкеры.

— Ей все нравятся.

— И Гефест знает?..

— Конечно, — кивнула Аннабет. — Однажды он поймал их вместе. То есть, я хочу сказать, буквально «поймал» золотой сетью и пригласил всех богов над ними поиздеваться. Гефест всегда старается застать их врасплох. Вот почему они и встречаются в таких заброшенных местах, как... — Она остановилась, глядя прямо перед собой. — Как это.

Перед нами был пустой бассейн — мечта любого скейтбордиста. Он был по крайней мере ярдов пятьдесят в поперечнике, этакая огромная чаша.

Бассейн обрамляла дюжина бронзовых купидонов, стоявших на страже с распростертыми крыльями и взятыми наизготовку луками. На противоположной от нас стороне начинался туннель: видимо, вода стекала туда, когда бассейн был полон. Вывеска над ним гласила:

«ВОЛНУЮЩАЯ
ЛЮБОВНАЯ ПОЕЗДКА.
ТУННЕЛЬ ЛЮБВИ
НЕ ДЛЯ СЕМЕЙНЫХ ПАР!»

— Ребята, смотрите. — Гроувер подобрался к самому краю.

На дне бассейна стояла севшая на мель двухместная бело-розовая лодка с балдахином, сплошь разукрашенным цветочками. На левом сиденье, поблескивая в меркнувшем свете, лежал щит Ареса — круглый, бронзовый, полированный.

— Что-то это слишком просто, — заметил я. — Значит, нам нужно просто спуститься и взять его?

Аннабет провела рукой по цоколю ближайшей статуи Купидона.

— Тут выбита какая-то греческая буква, — сказала она. — Буква «эта», я думаю...

— Гроувер, — спросил я, — ты чувствуешь каких-нибудь монстров?

— Нет, ничего. — Гроувер принялся к ветерку.

— Ничего — это как в лифте, когда ты не почуял Ехидну?.. Или действительно ничего?

— Я же тебе сказал: это запах подземки, — обиженно произнес Гроувер.

— Да ладно, прости. — Я сделал глубокий вдох. — Что ж, полезу вниз.

— Я с тобой, — вызвался Гроувер без особого энтузиазма, и мне показалось, что он хочет загладить вину за происшествие в Сент-Луисе.

— Нет, — ответил я. — Стой наверху со своими крылатыми туфлями. Ты же Красный Барон, воздушный ас, помнишь? Будешь прикрывать меня сзади, если что-то пойдет не так.

— Конечно. — Гроувер слегка приосанился. — Но что может случиться?

— Не знаю. Просто предчувствие. Аннабет, пошли со мной...

— Ты что, шутишь? — Она посмотрела на меня так, будто я только что свалился с луны. На щеках ее играл яркий румянец.

— А теперь в чем проблема? — требовательно спросил я.

— Чтобы я отправилась с тобой в «волнующую любовную поездку»? Просто даже выговаривать неловко. А если нас увидят?

— Кто увидит? — пожал плечами я, но теперь мое лицо тоже пылало. Девчонки вечно все усложняют. — Хорошо. Сам управлюсь.

Но, когда я стал спускаться по наклонной стенке бассейна, она присоединилась ко мне, бормоча что-то насчет того, что с этими мальчишками никогда кашу не сваришь.

Мы добрались до лодки. Щит был прислонен к одному из сидений, рядом лежал шелковый женский шарф. Я попытался представить Ареса и Афродиту — парочку богов, которые украдкой встречаются в каком-то заброшенном парке. Почему? Затем я заметил нечто, чего не увидел сверху: по всему периметру бассейна были расставлены зеркала, отражавшие

именно это место. Мы с Аннабет могли увидеть себя, куда бы ни посмотрели. Так вот в чем дело! Пока Арес миловался с Афродитой, каждый из них видел отражение своего возлюбленного.

Я подобрал шарф. Он переливался, как перламутровая раковина, а запах был просто неопиcуемый: шарф благоухал чайными розами и горным лавром. Мечтательно улыбнувшись, я уже хотел было провести им по своей щеке, но Аннабет вырвала его у меня из рук и спрятала в карман.

— Нет, нельзя! Держись подальше от любовных чар.

— Что?

— Просто бери щит, рыбыи мозги — и пошли отсюда.

Стоило мне коснуться щита, как я понял, что мы в беде. Моя рука прошла сквозь нечто, соединявшее щит с приборной доской.

«Паутина», — решил я, но затем, посмотрев на ладонь, заметил на ней металлические нити, такие тонкие, что их было почти не видно.

— Подожди, — сказала Аннабет.

— Слишком поздно.

— На борту лодки — еще одна греческая буква «эта». Мы в ловушке.

Тишина вокруг нас взорвалась шумом, словно заработали миллионы шестеренок, а весь бассейн стал единым гигантским механизмом.

— Ребята! — пронзительно завопил Гроувер.

По краям бассейна купидоны натянули луки. Не успел я предложить Аннабет спрятаться, как они выпустили стрелы, но не в нас. Они стреляли друг в друга через бассейн. Шелковые тросы, тянущиеся за стрелами, взмывали над бассейном и, впиваясь в землю, образовывали огромную золотую звезду. Затем металлические нити поменьше стали, как по волшебству, переплетаться с основой в единую сеть.

— Надо выбиратьcя! — выкрикнул я.

Аннабет только вздохнула.

Я схватил щит, и мы бросились бежать, но карабкаться вверх по пологим стенкам бассейна было не так легко, как спускаться.

— Давайте скорее! — звал Гроувер.

Он пытался приподнять край сети, чтобы мы могли выскользнуть, но, стоило ему дотронуться до нее, золотые нити обвивались вокруг его запястий.

Купидоны широко распахнули глаза. Оттуда выглянули видеокамеры. Вокруг всего бассейна вспыхнули прожекторы, ослепив нас, и чей-то голос оглушительно прозвучал из громкоговорителей: «Живая съемка, отправление на Олимп через минуту... Пятьдесят девять секунд, пятьдесят восемь...»

— Гефест! — пронзительно завопила Аннабет. — Дура я, дура! «Эта» пишется как «Н», первая буква его имени.^[13] Он придумал эту ловушку, чтобы поймать жену с Аресом. А теперь нас живьем покажут всему Олимпу — глупее не придумаешь!

Мы почти добрались до края бассейна, когда выставленные по периметру зеркала открылись и сотни крохотных металлических предметов обрушились на нас.

Аннабет взвизгнула.

Это было целое воинство заводных ползучих существ: бронзовые механические туловища, тощие лапки, крохотные, но ощеренные пасти — вся эта клацающая и скрежещущая металлическая волна готовилась нас поглотить.

— Пауки! — вопила Аннабет. — Па-у-у-у!..

Я никогда не видел ее такой прежде. Она в ужасе упала навзничь, роботы-пауки уже почти обрушились на нее, и я едва успел оттащить Аннабет обратно к лодке.

Механические существа, миллионы механических тварей выползали из всех углов и щелей; середина бассейна буквально кишела ими, нас полностью окружили. Я повторял про себя, что, возможно, они запрограммированы не убивать нас, а просто загнать в лодку, покусать и выставить идиотами. И это была ловушка для богов. А мы не боги.

Мы с Аннабет забрались в лодку. Я стал ногами отпихиваться от пауков, которые лезли через борт. Крикнул Аннабет, чтобы она помогла мне, но страх настолько парализовал ее, что она могла только пронзительно орать во все горло.

— Тридцать, двадцать девять, — доносилось из громкоговорителя.

Пауки стали выпускать пучки металлических нитей, чтобы связать нас. Сначала рвать эти нити не представляло особого труда, но их было так много, и пауки надвигались. Я сшиб одного с ноги Аннабет, и своими клещами он оторвал кусок моей новой обуви для серфинга.

Гроувер парил над бассейном в крылатых туфлях, пытаясь ослабить сеть, но та ни на йоту не поддавалась.

«Думай! — приказал я себе. — Думай!»

Вход в Туннель любви находился под сетью. Мы могли бы использовать его как выход, но эту лазейку блокировали полчища пауков.

— Пятнадцать, четырнадцать, — продолжал отсчет громкоговоритель.

«Вода, — подумал я. — Откуда сюда могла поступать вода?»

И тут я увидел огромные водопроводные трубы за зеркалами, откуда выползли пауки. А наверху, над сетью, рядом с одним из купидонов —

застекленную будку, где должен был находиться оператор.

— Гроувер! — пронзительно заорал я. — Проберись в будку! Найди кнопку «вкл»!

— Но...

— Давай!

Это было чистое безумие, но в то же время — наш единственный шанс. К тому моменту пауки успели заполнить всю носовую часть лодки. И дальше слушать вопли Аннабет я не собирался. Я должен был вытащить нас отсюда.

Гроувер был уже в диспетчерской будке и колошматил по всем кнопкам без разбора.

— Пять, четыре...

Сатир в отчаянии посмотрел на меня, подняв руки. Этим он давал мне понять, что успел нажать на все кнопки, но ничего так и не случилось.

Закрыв глаза, я подумал о волнах, бурных водах Миссисипи. Внутри у меня все напряглось — это ощущение было мне уже знакомо. Я попытался представить, что тяну за собой в Денвер весь океан.

— Два, один, ноль!

Вода вырвалась из труб. Она с ревом обрушилась в бассейн, сметая пауков на своем пути. Я силком усадил Аннабет на сиденье рядом с собой и пристегнул ремнем в тот момент, когда приливная волна тяжело ударилась о борт, окончательно смыв пауков и захлестнув нас, но не лишив свободы перемещения. Лодка всплыла и кругами завертелась в образовавшемся водовороте.

Вода была полна пауков, погибших в результате короткого замыкания, некоторых буквально размозило о бетонные стенки бассейна.

Прожекторы продолжали высвечивать нас. Спрятанные в купидонах камеры снимали, передавая живое видео на Олимп.

Но я целиком сосредоточился на управлении лодкой. Я молился, чтобы она следовала течению и держалась подальше от стен. Может, мне и примерещилось, но, казалось, лодка слушается меня. По крайней мере, она не разлетелась вдребезги. Мы в последний раз крутанулись на месте, теперь уровень воды был достаточно высоким, чтобы притиснуть нас к сети. Потом нос лодки развернулся в сторону туннеля, и мы стремительно умчались в темноту.

Мы с Аннабет тесно прижались друг к дружке, тем временем лодку швыряло из стороны в сторону и мимо проносились картинки, изображавшие Ромео и Джульетту, равно как и прочую лабуду, которую принято дарить в День святого Валентина.

Затем туннель кончился, и ночной ветер свистел у нас в ушах, пока лодка мчалась напрямик к выходу.

Если бы путешествие совершалось по всем правилам, мы проплыли бы сквозь Златые Врата Любви и благополучно плюхнулись бы в бассейн, где поездка заканчивалась. Но тут возникла проблема. Врата Любви были обмотаны цепью. Две лодки, которые смыло в туннель перед нами, теперь громоздились, упершись в эту преграду: одна почти затонула, другая раскололась пополам.

— Отстегни ремень, — крикнул я Аннабет.

— Ты что, сдурел?

— Если не хочешь расшибиться в лепешку. — Я привязал щит Ареса к руке. — Придется продемонстрировать умение прыгать в высоту.

Моя идея была настолько простой, насколько же и безумной. Когда лодка ударится о ворота, мы должны будем использовать силу удара как трамплин, чтобы перепрыгнуть через них. Я слышал о людях, которые таким образом выживали в автокатастрофах: их отбрасывало на тридцать — сорок футов от места столкновения. Если повезет, мы приводнимся в следующем бассейне.

До Аннабет, кажется, дошло. Она вцепилась в мою руку, ворота приближались.

— По моему сигналу, — прохрипел я.

— Нет! По моему!

— Это почему?

— Основопологающие законы физики! — завизжала Аннабет. — Сила толчка определяет угол траектории...

— Ладно! — крикнул я в ответ. — По твоему сигналу!

Она держалась до последнего мгновения, затем пронзительно крикнула:

— Пора!

Раздался треск дерева.

Аннабет оказалась права. Если бы мы прыгнули, когда это собирался сделать я, то врезались бы в ворота. Ее расчеты обеспечили нам максимальную высоту.

К сожалению, высота оказалась чуть больше, чем надо. Наша лодка врезалась в затор, и мы перелетели через ворота, через бассейн и собирались приземлиться на асфальт.

Я почувствовал, как кто-то сгреб меня сзади за шиворот.

— Ой! — взвизгнула Аннабет.

Гроувер!

Когда мы были еще в воздухе, он схватил меня за рубашку, а Аннабет — за руку, чтобы уберечь от слишком жесткой посадки, но мы с Аннабет набрали приличное ускорение.

— Слишком вы оба тяжелые, — пропыхтел сатир. — Сейчас разобьемся!

Крутясь по спирали, мы попадали на землю. Гроувер сделал все, что в его силах, чтобы смягчить падение.

Мы врезались в щит для фотографирования; голова сатира попала точь-в-точь в то самое отверстие, откуда выглядывают туристы, притворяясь Добрым Китом. Мы с Аннабет грохнулись на землю, наполовину оглушенные, но живые. Щит Ареса был по-прежнему привязан к моей руке.

Переведя дух, мы с Аннабет вытащили Гроувера и поблагодарили за то, что он спас нам жизнь. Я оглянулся на Туннель любви. Вода спадала. Наша лодка вдребезги разбилась о ворота.

В ста футах от нас, в первом бассейне, купидоны продолжали вести съемку. Статуи развернулись так, что их объективы нацелились прямо на нас, прожекторы светили нам в лицо.

— Шоу закончено! — завопил я. — Спасибо! Доброй ночи!

Купидоны вернулись в исходную позицию. Свет погас. Парк снова стал тихим и темным, не считая воды, мерно капающей в последний бассейн. Я задумался: уж не случился ли на Олимпе финансовый крах или наши рейтинги немногого стоят?

Я терпеть не могу, когда меня дразнят. Терпеть не могу, когда обманывают. И у меня накопилось достаточно опыта, как ставить на место тех, кто пытался так поступить со мной. Я надел щит на руку и повернулся к своим друзьям.

— Нам надо кое о чем потолковать с Аресом.

Глава шестнадцатая

Мы везем зебру в Вегас

Бог войны дожидался нас на стоянке у ресторана.

— Так, так, — сказал он. — По крайней мере, живые.

— Вы знали, что это ловушка, — констатировал я.

— Спорю, этот колченогий кузнец здорово удивился, когда накрыл сетью парочку глупых детишек. — Арес злобно усмехнулся. — Вы хорошо смотрелись по телику.

— Подонок. — Я сунул ему его щит.

Аннабет и Гроувер затаили дыхание.

Арес схватил щит и стал подбрасывать его, как тесто для пиццы. Щит менял форму, превращаясь в пуленепробиваемый жилет. Потом Арес перебросил его через спину.

— Видишь вон тот грузовик? — Он указал на «катерпиллер», припаркованный на другой стороне улицы, напротив стоянки. — Вот вам и колеса. Отвезет прямехонько в Лос-Анджелес с одной остановкой в Вегасе.

Сзади по кузову дальнобойщика вилась надпись, которую я смог прочесть только потому, что она была написана наоборот, белые буквы на черном фоне — отличное сочетание для человека, страдающего дислексией: «ДОБРОТА БЕЗ ГРАНИЦ. ГУМАННАЯ ТРАНСПОРТИРОВКА ЖИВОТНЫХ. ДА ЗДРАВСТВУЮТ ДИКИЕ ЗВЕРИ!».

— Это шутка? — спросил я.

Арес щелкнул пальцами. Задняя дверца грузовика распахнулась сама собой.

— Бесплатно доберешься до запада, салага. И перестань хныкать. А вот тут кое-что для тебя за то, что справился с работой.

Он снял с руля «байка» синий нейлоновый рюкзак и швырнул его мне.

В рюкзаке лежала чистая одежда для всех нас, двадцать баксов наличными, мешочек, полный золотых драхм, и пакет кукурузных хлопьев.

— Не нужно мне ваших вшивых... — начал я.

— Спасибо вам, повелитель Арес, — вмешался Гроувер, бросив на меня предостерегающий взгляд, напоминавший красный стоп-сигнал. — Спасибо вам большое.

Я скрипнул зубами. Возможно, отказываться от того, что предлагает

бог, — смертельное оскорбление, но мне не хотелось ничего из вещей, к которым хотя бы прикоснулся Арес. Превозмогая себя, я перекинул рюкзак через плечо. Я понимал, что моя злоба обусловлена присутствием бога войны, но у меня до сих пор руки чесались хорошенько ему врезать. Он напоминал мне обо всех пережитых издевках: о Нэнси Бобофит, Клариссе, Вонючке Гейбе, преисполненных сарказма учителях — обо всех подонках, которые обзывали меня дураком в школе или смеялись, когда меня выгоняли.

Я оглянулся на ресторан, где к тому времени осталась пара посетителей. Официантка, что принесла нам ужин, беспокойно поглядывала в окно, словно боясь, что Арес может нас поколотить. Она медлила с подносом в руках, чтобы лично за всем проследить. Что-то сказала бармену. Тот кивнул, вытащил маленькую камеру и щелкнул нас.

«Лихо, — подумал я. — Завтра снова попадем в газеты».

Мне представился даже заголовок передовицы: «Двенадцатилетний беглец избивает беззащитного байкера».

— За тобой еще должок, — напомнил я Аресу, стараясь, чтобы голос мой не дрожал. — Ты обещал мне кое-что рассказать о моей матери.

— Ты уверен, что сможешь перенести это известие? — Ударом ноги он завел мотоцикл. — Она жива.

Казалось, я ощутил вращение Земли.

— То есть?

— То есть ее отобрали у Минотавра, прежде чем она умерла. Она превратилась в золотой дождь. А это метаморфоза, не смерть. Просто ее удерживают до поры до времени.

— Удерживают? Зачем?

— Надо бы тебе поучиться военному искусству, салага. Заложник. Ты должен захватить одного, чтобы контролировать другого.

— Меня никто не контролирует.

— Правда? — рассмеялся бог войны. — Ну-ну. Будь здоров, дружок.

Я сжал кулаки.

— Кажется, повелитель Арес, вы слишком самодовольны для парня, который бежал от статуй купидонов!

За очками Ареса полыхнуло пламя. Я почувствовал, как жаркий ветер обжег мои волосы.

— Мы еще встретимся, Перси Джексон. Когда в следующий раз будешь драться, берегись удара в спину.

Он завел «харлей» и с ревом умчался по Деланси-стрит.

— Это глупо, Перси, — заметила Аннабет.

— Наплевать.
— Не стоит наживать себе врага среди богов. Особенно такого бога.
— Эй, ребята, — позвал Гроувер. — Терпеть не могу вмешиваться, но...

Он указал на ресторан. Последние клиенты оплачивали свой счет у кассы, это были двое мужчин в одинаковых черных комбинезонах, белые логотипы на которых совпадали с надписью на грузовике.

— Если мы собираемся попасть на зооэкспресс, — сказал Гроувер, — надо поторопиться.

Мне эта идея не нравилась, но другого выбора у нас не было. Кроме того, на Денвер я уже насмотрелся.

Перебежав улицу, мы забрались сзади в огромную фуру и закрыли за собой дверь.

* * *

Первое, что меня поразило, — запах. Внутри стояла вонь, как от самого большого в мире кошачьего туалета.

В трейлере было темно, пока я не снял колпачок с волшебной ручки. В слабом бронзовом свечении клинка перед нами предстала очень грустная сцена. В поставленных рядом зловонных металлических клетках сидели три самых трогательных обитателя зоопарка, когда-либо виденные мною: зебра, лев-альбинос и какая-то чудная антилопа.

Кто-то бросил льву мешок репы, которую ему явно не хотелось есть. Зебре и антилопе подсунули пластиковые подносы с мясом для гамбургеров. В гриве зебры запуталась жевательная резинка, будто кто-то на досуге плевался в нее. К одному из рогов антилопы был привязан дурацкий серебристый воздушный шар, какие дарят на день рождения, по нему шла надпись: «В ПАМПАСЫ!»

По всей видимости, никто не хотел подходить слишком близко к клетке со львом и задирать его, и бедное животное расхаживало по грязным одеялам, в слишком тесном для него пространстве, тяжело дыша спертым и удушливо жарким воздухом трейлера. Мухи с жужжанием кружили вокруг его розовых глаз, сквозь белую шерсть проступали ребра.

— И это называется доброта?! — пронзительно завопил Гроувер. — Гуманные перевозки животных?

Возможно, он незамедлительно вылез бы наружу, чтобы задать хорошую взбучку перевозчикам своими тростниковыми дудками, и я бы

ему помог, но как раз в этот момент мотор грузовика взревел, фургон затрясло, и мы были вынуждены сесть, чтобы не свалиться.

Мы сгрудились на куче каких-то заплесневелых мешков из-под корма, стараясь не обращать внимания на запах, жару и мух. Гроувер обратился к животным, блея по-козлиному, но они только печально на него посмотрели. Аннабет была за то, чтобы немедленно открыть клетки и освободить пленников, но я заметил, что добра от этого не будет, пока грузовик не остановится. Кроме того, у меня возникло предчувствие, что мы можем показаться льву гораздо аппетитнее репы.

Я налил воды из кувшина в их миски, а затем использовал меч, чтобы вытащить из клеток перепутанный корм. Мясо я отдал льву, а репу распределил между зеброй и антилопой.

Гроувер успокаивал антилопу, пока Аннабет срезала своим ножом шарик с ее рогов. Она хотела также счистить прилипшую к зебре жвачку, но мы решили, что это слишком рискованно при такой тряске. Мы пообещали Гроуверу, что поможем животным с утра, а не на ночь глядя.

Сатир свернулся на мешке с репой; Аннабет открыла пакет с печеньем и нерешительно откусила кусочек; я старался подбодрить себя, сосредоточившись на мысли, что мы на полпути в Лос-Анджелес. На полпути к месту нашего назначения. Было только четырнадцатое июня. Солнцестояние наступит не раньше двадцать первого. У нас еще уйма времени.

С другой стороны, я не имел ни малейшего представления, чего ждать дальше. Боги продолжали развлекаться со мной, как с игрушкой. И только один Гефест поступил достаточно честно, разместив в парке камеры и открыто выставив меня на потеху богам. Но даже когда съемка не велась, я не мог отделаться от ощущения, что за нашим поиском пристально следят. Я стал для богов забавой.

— Эй, Перси, — окликнула Аннабет, — прости меня, что я так орала в водном парке.

— Все нормально.

— Просто эти... — ее передернуло, — пауки.

— Все дело в истории Арахны, — предположил я. — Ее превратили в паука за то, что она вызвала твою маму на состязание в искусстве ткачества.

— С тех пор дети Арахны мстят детям Афины, — кивнула Аннабет. — Если паук появится хотя бы в миле от меня, он меня найдет. Ненавижу этих маленьких ползучих существ. Так или иначе, я перед тобой в долгу.

— Мы одна команда, помнишь? — спросил я. — Кроме того, Гроувер у

нас теперь заядлый летун.

Я думал, что он спит, но Гроувер пробормотал из угла:

— Наверное, забавно я выглядел, да?

Мы с Аннабет рассмеялись.

Разломив печенье, она дала половинку мне.

— В послании Ириды... Лука ничего не сказал?

Я жевал печенье и думал, что бы такое ответить. Разговор по радуге не давал мне покоя весь вечер.

— Он сказал, что вы с ним — старинные приятели. И еще что Гроувер на этот раз не промахнется. Никто не обратится в сосну.

В тусклом бронзовом свете клинка трудно было разобрать выражения их лиц.

Гроувер скорбно прокричал что-то по-звериному.

— Мне следовало сказать тебе правду с самого начала. — Голос его дрожал. — Просто подумал, что если бы ты знал, как я тогда облажался, то не захотел бы взять меня с собой и дружба наша закончилась бы.

— Ты был тем сатиром, который пытался спасти Талию, дочь Зевса?

Гроувер мрачно кивнул.

— А двое других полукровок, приятелей Талии, которые благополучно добрались до лагеря... — я посмотрел на Аннабет, — ведь это были вы с Лукой, да?

Она отложила свое печенье, так и не притронувшись к нему.

— Как ты сам говорил, Перси, семилетняя полукровка одна далеко не уйдет. Афина направляла меня и помогала мне. Талии было двенадцать. Луке — четырнадцать. Они оба сбежали из дома, как и я. Они очень радовались, что я с ними. Они были... они поразительно храбро сражались с монстрами, даже без всякой подготовки. Мы отправились на север от Виргинии, не имея никаких конкретных планов, почти две недели отпугивая чудовищ, пока нас не нашел Гроувер.

— Предполагалось, что я буду сопровождать Талию в лагерь. — Сатир шмыгал носом. — Только ее одну. У меня был строгий приказ Хирона: не предпринимать ничего, что могло бы подвергнуть ее риску. Понимаешь, мы знали, что Аид гонится за Талией, но я не мог просто так бросить Луку и Аннабет. Я подумал... подумал, что смогу привести всех троих в безопасное место. Это была моя вина, что монстры перехватили нас. Я растерялся. На обратном пути в лагерь я так испугался, что несколько раз сбился с пути. Будь я хоть немного сообразительнее...

— Прекрати, — оборвала Аннабет. — Никто тебя не винит. Даже Талия.

— Она принесла себя в жертву, чтобы спасти нас, — жалобно произнес Гроувер. — Ее смерть — моя вина. Совет козлоногих старейшин сказал то же самое.

— Потому что ты не бросил двух других полукровок? — спросил я. — Это несправедливо.

— Перси прав, — сказала Аннабет. — Меня бы сейчас здесь не было, если б не ты, Гроувер. И Луки не было бы тоже. Нам не важно, что сказал об этом Совет.

— Такая уж у меня судьба, — продолжал хныкать в темноте Гроувер. — Я самый невезучий из всех сатиров, и я же нашел двух самых могущественных полукровок века: Талию и Перси.

— И совсем ты не невезучий, — терпеливо произнесла Аннабет. — Ты самый отважный сатир, каких я встречала. Назови еще хоть кого-нибудь, кто дерзнул бы спуститься в царство мертвых. Спорим, Перси действительно рад, что ты здесь, с нами.

Она пнула меня ногой.

— Конечно, рад, — сказал я (могла бы и не пинаться). — Это не просто удача, что ты нашел Талию и меня, Гроувер. Ты самый великодушный из всех сатиров. И по натуре ты — следопыт. Поэтому ты обязательно найдешь Пана.

До меня донесся глубокий, удовлетворенный вздох. Я ждал, что Гроувер скажет что-нибудь, но он только тяжело дышал. Когда сопение перешло в храп, я понял, что сатир уснул.

— Как это только ему удастся? — изумился я.

— Не знаю, — улыбнулась Аннабет. — Но ты действительно обратился к нему с такими прекрасными словами.

— Я сказал правду.

Несколько миль мы проехали молча, подпрыгивая на мешках. Зебра жевала репу. Лев, облизываясь, покончил с мясом и с надеждой посмотрел на меня.

Аннабет теребила свое ожерелье, словно вынашивая далеко идущие стратегические планы.

— Эта сосновая бусина. Она у тебя с первого года? — спросил я.

Аннабет встрепенулась. Она перебирала бусины безотчетно.

— Да, — ответила она. — Каждый год инструкторы выбирают самое важное событие лета и изображают его на бусинах. Мне досталась сосна Талии, подожженная греческая трирема и кентавр в праздничном наряде... но это лето было самым чудесным...

— А кольцо из колледжа — твоего отца?

— Это тебя не... — она осеклась. — Да. Это его кольцо.

— Могла бы и не говорить.

— Нет... все в порядке. — Голос Аннабет дрогнул. — Отец прислал мне его в письме два лета назад. Кольцо, кажется, его главный памятный дар от Афины. Он не получил бы степень доктора в Гарварде без нее... Долгая история. Так или иначе, он написал, что хочет, чтобы кольцо было у меня. Извинялся, что он такой негодяй, писал, что любит меня и скучает по мне. Предлагал, чтобы я вернулась домой и мы жили вместе.

— Что ж, звучит неплохо.

— Да... но дело в том, что я поверила ему. Попробовала вернуться домой к началу школьного года, но моя мачеха совсем не изменилась. Она не хотела, чтобы ее дети подвергались опасности, живя вместе с таким существом, как я. Монстры атаковали меня со всех сторон. Мы ссорились. Чудовища продолжали нападать. Я даже не стала дожидаться зимних каникул. Обратилась к Хирону и вернулась прямиком в Лагерь полукровок.

— Думаешь, ты еще раз попытаешься жить вместе с отцом?

— Пожалуйста, я не хочу растравливать раны. — Аннабет отвела глаза.

— Только не надо сдаваться. Напиши ему письмо, например, или еще что-нибудь сделай.

— Спасибо за совет, — холодно ответила дочь Афины, — но отец сам выбрал, с кем ему жить.

Еще несколько миль прошли в молчании.

— Значит, если боги затеют битву, — заговорил я, — то все вернется на исходные позиции, как во время Троянской войны? И Афина выступит против Посейдона?

Аннабет откинула голову на рюкзак, который дал нам Арес, и закрыла глаза.

— Я не знаю, что сделает мама. Знаю только, что буду сражаться рядом с тобой.

— Почему?

— Потому что ты мой друг, рыбы мозги. Есть еще глупые вопросы?

Я не мог придумать, что ей ответить. К счастью, этого и не понадобилось. Аннабет уже спала.

Мне нелегко было последовать ее примеру: Гроувер оглушительно храпел, лев-альбинос смотрел на меня голодными глазами, но в конце концов сон смежил и мои веки.

Мой кошмар начался так, будто я видел его уже миллион раз: меня вынудили пройти стандартный тест в смирительной рубашке. Остальные ребята отправились на перемену, а учительница обратилась ко мне: «Подойди, Перси. Ты ведь не тупица, правда? Возьми свою ручку».

Затем сон сменил привычное течение.

Посмотрев на соседнюю парту, я увидел, что за ней сидит девочка, на которой тоже была смирительная рубашка. Она была моей ровесницей, с черными буйными волосами, прической в стиле панк, гневными зелеными глазами, обведенными черным карандашом, и веснушчатым носом. Каким-то образом я понял, кто она. Это была Талия, дочь Зевса.

Она старалась освободиться от смирительной рубашки, бросала на меня отчаянные взгляды и говорила быстро и сумбурно.

«Ну что, рыбы мозги? Один из нас должен выбраться отсюда».

«Она права, — пронеслась у меня в голове сонная мысль. — Я отправлюсь обратно в пещеру. Отчасти раскрою Аиду свои намерения».

Смирительная рубашка спала с меня. Я провалился сквозь пол классной комнаты. Голос учительницы менялся, пока не превратился в холодный и злой утробный глас, гулко доносившийся из глубин расселины.

«Перси Джексон, — произнес он. — Я вижу, обмен произошел успешно».

Я снова оказался в темной пещере, и души умерших реяли вокруг. Невидимое чудовище в глубине продолжало говорить, но на сей раз уже не со мной. Цепенящая мощь голоса была обращена куда-то еще.

«И он ни о чем не подозревает?» — спросил голос.

Теперь уже другой голос, который я почти узнал, ответил у меня из-за спины.

Я обернулся, но за спиной никого не оказалось. Говорящий был невидим.

«Обман на обмане, — громко, нараспев произнесло существо из ямы. — Превосходно».

«Воистину, мой повелитель, — произнес голос рядом со мной. — Не зря вас называют Бесчестным. Но была ли в этом необходимость? Я мог бы прямо принести вам то, что украл...»

«Ты? — издевательски произнесло чудовище. — Ты уже показал, на что способен. Ты мог бы и еще больше подвести меня, не вмешайся я сам».

«Но, мой повелитель...»

«Успокойся, ничтожный слуга. Шесть месяцев дали нам многое. Зевс вконец разгневан. Посейдон в отчаянии разыграл свою последнюю карту. Теперь мы должны использовать ее против него. Скоро ты получишь награду, которой так жаждешь, — и отомстишь. Как только оба предмета окажутся в моих руках... но постой. Он здесь».

«Что? — Голос невидимого слуги сделался напряженным. — Вы призвали его, повелитель?»

«Нет. — Внимание монстра было теперь целиком приковано ко мне. Я застыл. — Да будет проклята кровь его отца, он слишком изменчив, слишком непредсказуем. Мальчишка проник сюда сам».

«Не может быть!» — вскричал слуга.

«С таким слабаком, как ты, все возможно, — прорычал голос. Затем его холодная мощь вновь обратилась на меня. — Итак... ты мечтаешь об успешном завершении своего поиска, юный полукровка? Что ж, сделаю тебе одолжение».

Картина изменилась.

Я стоял в просторном тронном зале с облицованными черным мрамором стенами и бронзовым полом. Передо мной высился наводящий ужас пустой трон, сложенный из человеческих костей. У подножия его стояла моя мать, протянув руки, застыв в золотистом мерцании.

Я хотел шагнуть к ней, однако ноги не слушались меня. Я дотянулся до нее лишь затем, чтобы убедиться, что руки мои касаются иссохших костей. Усмехающиеся скелеты в греческих доспехах столпились вокруг меня, облачая меня в шелковые одеяния, венчая мою голову лавровым венком, провонявшим ядом Химеры, насквозь прожигавшим мой мозг...

«Приветствую тебя, герой-победитель!» — расхохотался дьявольский голос.

* * *

Я резко проснулся. Гроувер тряс меня за плечо.

— Грузовик остановился, — сказал он. — Мы думаем, они решили проверить животных.

— Прячься! — прошипела Аннабет.

Ей-то сделать это было проще простого. Она надела свою кепку-невидимку и исчезла. Нам с Гроувером пришлось зарыться в мешки, притворившись репой.

Щелкнул замок, и двери трейлера открылись. Солнечный свет и тепло

ворвались внутрь.

— Черт! — скривился от вони один из водителей, размахивая рукой перед своим уродливым носом. — Лучше бы я перевозил электробытовые товары.

Он забрался внутрь и плеснул немного воды из кувшина в миски животных.

— Ну что, жарко, дружище? — спросил он у льва, после чего выплеснул остатки воды на львиную морду.

Лев заревел от негодования.

— Ах-ах-ах, — передразнил мужчина.

Я почувствовал, как Гроувер, лежавший рядом со мной под мешками, весь напрягся. Для миролюбивого травоядного вид у него стал слишком кровожадный.

Шофер швырнул антилопе пакет «хэппи мил», похожий на мешочек для мячей, предназначенных для игры в сквош. Потом исподлобья посмотрел на зебру.

— Как дела, полосатая? Хоть от тебя за эту остановку избавимся. Тебе нравятся магические шоу? Этот фокус тебе уж точно понравится. Распилим тебя напополам!

Зебра посмотрела на меня в упор обезумевшими от страха глазами.

Вслух не раздалось ни звука, но ясно прозвучало (и я это услышал!):

«Повелитель, освободи меня. Пожалуйста».

Я был слишком ошеломлен, чтобы хоть как-то отреагировать.

Со стороны одного из бортов трейлера раздался громкий стук.

Находившийся внутри шофер громко выкрикнул:

— Чего тебе, Эдди?

— Морис? Что ты сказал? — крикнул кто-то снаружи, должно быть, Эдди.

— Ты чего там колотишь? Стук, стук, стук.

— Кто колотит? — завопил снаружи Эдди.

Наш приятель Морис выпучил глаза и стал выбирать, проклиная идиота Эдди.

Через секунду рядом со мной появилась Аннабет. Должно быть, стучала она, чтобы выманить Мориса из трейлера.

— Эти перевозки наверняка незаконные, — заявила она.

— Именно так, — подтвердил Гроувер. Потом замолчал, как будто прислушиваясь. — Лев говорит, что эти парни провозят животных контрабандой!

«Верно», — произнес у меня в голове голос зебры.

— Мы должны освободить их, — решительно сказал Гроувер.

Они с Аннабет оба посмотрели на меня, ожидая указаний.

Я слышал говорящую зебру, но почему молчал лев? Почему? Возможно, это был еще один недостаток моего образования... Значит, я могу понимать только зебр?

«И еще лошадей, — внезапно понял я. — Что сказала Аннабет про Посейдона, создавшего лошадей? Была ли зебра близкой родственницей лошади? Неужели поэтому я слышу ее?»

«Открой мою клетку, повелитель. Пожалуйста, — попросила зебра. — После этого со мной все будет в порядке».

Снаружи Эдди и Морис продолжали орать друг на друга, но я понимал, что в любую минуту они могут появиться снова, чтобы мучить животных. Схватив свой меч, я одним махом срубил замок с клетки зебры.

Та мигом вырвалась наружу. Повернувшись ко мне, она поклонилась.

«Спасибо тебе, повелитель».

Гроувер протянул сложенные вместе руки и, по всей видимости, благословил зебру по-козлиному.

Как только Морис сунул голову внутрь, чтобы проверить, откуда шум, зебра перескочила через него и бросилась бежать по улице. Раздались вопли, скрип покрышек и гудки автомобилей. Мы кинулись к дверям трейлера и увидели, как зебра галопом мчится по широкому бульвару, по обе стороны которого стояли отели и казино, залитые неоновыми огнями. Мы выпустили зебру точнехонько в Лас-Вегасе.

Морис и Эдди побежали за зеброй, а за ними рванулись несколько полицейских с криками:

— Эй, вы! На это нужно разрешение!

— Вот теперь пора уходить, — сказала Аннабет.

— Нет, сначала остальные животные, — возразил Гроувер.

Я срубил замки с клеток. Воздевая руки, Гроувер напутствовал их по-козлиному, так же как и зебру.

— Удачи, — пожелал я животным.

Антилопа и лев мигом вырвались из клеток и вместе выскочили на улицу.

Среди туристов поднялся визг. Большинство попятись и стали щелкать камерами, вероятно думая, что это трюк, специально придуманный каким-то казино.

— С ними все будет в порядке? — спросил я Гроувера. — То есть пустыня и всякое такое...

— Не беспокойся, — сказал он. — Я возложил на них благословение

сатиров.

— И что это значит?

— Это значит, что они благополучно доберутся до необитаемой местности, — ответил сатир. — Они найдут воду, еду, сумеют укрыться от солнца, пока не доберутся до места, где можно жить в безопасности.

— Почему бы тебе не возложить такое же благословение на нас? — спросил я.

— Оно годится только для диких животных.

— Возможно, Перси это не повредит, — улыбнулась Аннабет.

— Эй! — запротестовал я.

— Шутка, — ответила она. — Пошли. Пора выбираться из этого гадюшника.

Пошатываясь, мы выбрались на пустынные полуденные улицы. Температура была градусов сто десять, ^[14] не меньше, и мы легко могли бы сойти за изможденных жарой бродяг, но все прохожие слишком увлеклись дикими животными, чтобы обращать на нас внимание.

Мы прошли мимо «Монте-Карло» и «МГМ». Мимо пирамид, пиратского корабля и статуи Свободы, которая представляла собой сильно уменьшенную копию, но вызвала у меня приступ тоски по дому.

Я не знал, что, собственно, мы ищем. Вероятно, место, где можно было бы хоть на несколько минут укрыться от жары, купить сэндвич, стакан лимонада и подумать над планом дальнейшего продвижения на запад.

Наверное, мы свернули не туда, потому что оказались в тупике: перед нами было только казино и гостиница «Лотос». Над входом в гостиницу красовался огромный неоновый цветок, лепестки которого периодически вспыхивали. Посетителей не наблюдалось, но из сверкающих хромом открытых дверей веяло кондиционированной прохладой и каким-то цветочным запахом — возможно, именно цветущим лотосом. Точно сказать не могу — сам не нюхал.

Увидев нас, швейцар улыбнулся.

— Привет, ребяташки. Выглядите вы устало. Заходите, присаживайтесь.

За последнюю неделю я привык ко всему относиться с подозрением. Воображал, что любой встречный может оказаться чудовищем или богом, — предугадать невозможно. Но швейцар показался мне вполне нормальным. Кроме того, услышать сочувственный голос было так отратно, что я кивнул и выразился в том смысле, что мы не прочь зайти. Едва мы оказались внутри и осмотрелись, Гроувер присвистнул:

— Ух ты!

Вестибюль целиком представлял собой огромный зал для развлечений. И я не имею в виду какие-то замшелые игры вроде «Пак-мэн» или игровых автоматов. Внутри находился водопад, обвивавший стеклянный лифт и уходивший вверх по крайней мере этажей на сорок. С одной стороны здания возвышалась стена для тренировки скалолазов. Здесь же располагались разнообразные приборы для создания виртуальной реальности, лабиринты с действующими лазерными ружьями. И сотни видеоигр, каждая размером с широкоэкранный телевизор. Словом, все, что душе угодно. За играми сидело несколько подростков — не так уж и много. Никаких очередей. Повсюду расхаживали официантки и стояли стойки с закусками — любыми, по выбору.

— Привет! — сказал коридорный. По крайней мере, я так понял, что это коридорный. На нем была бело-желтая гавайская рубашка с эмблемой лотоса, шорты и переговорное устройство на шее. — Добро пожаловать в казино «Лотос». Вот ключ от вашего номера.

— Да, но... — запинаясь, пробормотал я.

— Нет, нет, нет, — со смехом ответил коридорный. — Счета оплачены. Никаких надбавок, никаких чаевых. Просто поднимайтесь на верхний этаж, номер четыре тысячи первый. Если вам понадобится что-то еще, скажем пена для горячей ванны или набор для дартса — все, что пожелаете, — просто позвоните портье. Вот ваши карточки для игры в «Лотосе». Ими можно пользоваться и в любых других играх, а также в ресторанах и во время поездок.

Он вручил каждому из нас по зеленой пластиковой кредитке.

Я понимал, что тут, должно быть, какая-то ошибка. Коридорный явно считал нас детишками каких-то миллионеров. Однако я взял карточку и спросил:

— Сколько на ней?

— Что вы имеете в виду? — Коридорный нахмурился.

— Я имею в виду — сколько на ней наличности.

— Вы шутите, — рассмеялся он. — Не беспокойтесь, полный порядок. Приятного времяпрепровождения.

Мы поднялись в лифте наверх и осмотрели наш номер. Это была анфилада комнат с тремя ванными и баром, битком набитым сладостями, содовой и чипсами. «Горячая линия» обслуживания номеров. Пушистые одеяла и водяные кровати с пуховыми подушками. Телевизор с большим экраном, спутниковой антенной и высокоскоростным Интернетом. На балконе тоже стояла ванна с горячей водой и, вполне вероятно, находился

специальный аппарат, подбрасывающий «тарелочки» в небо над Лас-Вегасом, чтобы дырявить их из пистолета. Я не понимал, насколько все это законно, но считал, что придумано действительно круто. Из окон открывался потрясающий вид на Стрип^[15] и пустыню, хотя я и сомневался, что у нас найдется время любоваться видами из таких роскошных апартаментов.

— О боги, — вздохнула Аннабет. — Это место такое...

— Дивное, — закончил Гроувер. — Совершенно дивное.

В кладовке нашлась одежда, как раз пришедшаяся мне впору. Я нахмурился, подумав, что это несколько странно.

Потом выбросил рюкзак Ареса в мусорное ведро. Вряд ли он нам еще понадобится. Когда будем уезжать, я просто куплю новый в магазине отеля.

Я принял душ, испытал подлинное блаженство и смыл с себя недельную грязь. Затем надел свежее белье, съел пакет чипсов, выпил три баночки колы и почувствовал себя так хорошо, как давно уже не чувствовал. В глубине души мне не давала покоя одна небольшая проблема. То ли это приснилось мне, то ли... Надо поговорить с друзьями. Но я был уверен, что это подождет.

Выйдя из спальни, я увидел, что Аннабет и Гроувер тоже приняли душ и переоделись. Гроувер вволю наелся картофельных чипсов, пока Аннабет настраивала Национальный географический канал.

— Столько каналов, — сказал я, — а ты выбрала Национальный географический. Совсем с ума сошла?

— Он интересный.

— Хорошо-то как, — широко зевнул Гроувер. — Мне здесь нравится.

Он не заметил даже, как крылышки, выпроставшись из его туфель, подняли его на фут над полом и мягко опустили обратно.

— И что теперь? — спросила Аннабет. — Спать будем?

Мы с Гроувером, усмехнувшись, переглянулись. Оба достали зеленые пластиковые карточки.

— Пора поиграть, — сказал я.

Не помню, когда я последний раз так веселился. Ведь родился я в относительно бедной семье. Слопать «Королевский бургер» и взять напрокат телевизор — для нас значило жить на широкую ногу. Пятизвездочный отель в Лас-Вегасе? Нет, и думать забудь.

Я спустился по искусственному водопаду, прокатился на сноуборде по искусственному снежному склону и сыграл в фэбээровского снайпера, вооруженного виртуальным лазерным ружьем. Несколько раз я видел Гроувера, переходящего от игры к игре. Ему понравилась «охота наоборот» — там, где олень, выступив из чащи, может пристрелить мужланов-

охотников. Я видел, как Аннабет строила собственный город и голографические здания вздымались перед ней на экране дисплея. Я это ни во что не ставлю, но Аннабет нравилось.

Не помню, когда именно до меня впервые дошло: что-то не так.

Возможно, когда я обратил внимание на парня, стоявшего возле меня, пока я разыгрывал из себя снайпера. Думаю, ему исполнилось лет тринадцать, но одет он был чудно. По виду его можно было принять за сына одного из двойников Элвиса. Джинсы колоколом, красная футболка с черным кантом, а волосы завиты и облиты лаком, как у какой-нибудь девицы из Нью-Джерси, отправляющейся на бал бывших выпускников.

Мы оба играли в снайперов, и он сказал:

— Клево, парень. Через две недели игры становятся все интереснее.

Клево?

Позже, когда мы разговорились и я сказал, что все прикольно, он посмотрел на меня, мягко выражаясь, изумленно, как будто впервые услышал такое выражение.

Назвался он Даррином, но, как только я стал задавать ему разные вопросы, он сделал вид, что ему скучно, и снова повернулся к экрану компьютера.

— Эй, Даррин, — окликнул я.

— Чего?

— Какой сейчас год?

— В игре? — нахмурился он.

— Нет, в реальной жизни.

— Тысяча девятьсот семьдесят седьмой, — ответил он после некоторого раздумья.

— Нет, — сказал я, слегка перепугавшись. — На самом деле.

— Эй, парень, — ответил Даррин. — Не порть настроение. Видишь, я играю.

После этого он уже совершенно не обращал на меня внимания.

Я пробовал заговорить с другими людьми, и оказалось, что это не так-то просто. Одни словно приклеились к телеэкранам, другие — к видеоиграм, третьи не могли оторваться от еды — словом, по-разному. Я столкнулся с парнем, который сказал, что сейчас тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Другой объявил, что тысяча девятьсот девяносто третий. Все настаивали, что они здесь не очень долго: несколько дней, самое большее — недель. Они действительно не знали, да их это и не заботило.

Затем мне пришла в голову мысль: а сколько же здесь нахожусь я?

Казалось, что всего пару часов, но так ли это?

Я постарался вспомнить, как мы оказались здесь. Мы ведь ехали в Лос-Анджелес. Там предположительно находится вход в царство мертвых. Моя мать... какое-то пугающее мгновение я не смог вспомнить, как ее зовут. Салли. Салли Джексон. Я должен был найти ее. Я должен был остановить Аида, который хотел подтолкнуть всех к третьей мировой войне.

Когда я подошел, Аннабет по-прежнему строила свой город.

— Пошли, — сказал я. — Надо убираться отсюда.

Никакого ответа.

Я потряс ее за плечо.

— Аннабет?

— Что? — Она с досадой посмотрела на меня.

— Надо уходить.

— Уходить? О чем это ты? Я только что установила башни...

— Это место — ловушка.

Она не отвечала, пока я снова не встряхнул ее.

— Что?

— Послушай. Царство мертвых! Наш поиск!

— Да брось ты, Перси. Всего несколько минут.

— Аннабет, здесь есть люди из семьдесят седьмого года. Мальчишки, которые никогда не старятся. Ты регистрируешься — и остаешься здесь навсегда.

— Ну и что? — спросила она. — Разве это не лучшее место в мире?

Я схватил ее за запястье и оторвал от игры.

— Эй! — крикнула Аннабет и ударила меня.

Никто даже не взглянул в нашу сторону. Все были слишком заняты.

Я заставил Аннабет взглянуть мне прямо в глаза.

— Пауки. Большие мохнатые пауки, — сказал я.

По всему ее телу пробежала дрожь. Взгляд прояснился.

— О боги, — выдохнула Аннабет, — и давно мы уже...

— Не знаю, но надо найти Гроувера.

Мы пошли искать и нашли его за прежней игрой «Виртуальный олень-охотник».

— Гроувер! — воскликнули мы в один голос.

— Умри, человек! — объявил он. — Умри, загрязняющее все вокруг омерзительное существо!

— Гроувер!

Он наставил на меня пластиковое ружье и стал щелкать спусковым

крючком, словно я и вправду был еще одной картинкой с экрана.

Я посмотрел на Аннабет, мы вместе схватили Гроувера под руки и оттащили от автомата. На его туфлях появились крылышки и стали тянуть ноги сатира в противоположном направлении.

— Нет! Я только что вышел на новый уровень! Нет! — во весь голос кричал Гроувер.

— Ну, теперь вы готовы получить ваши платиновые карты? — К нам спешил коридорный «Лотоса».

— Мы уезжаем, — ответил я.

— Стыд и позор, — сказал он, и у меня появилось чувство, что он говорит это искренне, и если мы уедем, то разобьем его сердце. — Мы только что подключили новый зал, где есть все игры для обладателей платиновых карт.

Он протянул нам карточки, и мне захотелось их взять. Я понимал, что если возьму одну, то уже никогда никуда не уеду. Я останусь здесь, навеки счастливый, вечно играющий в какую-нибудь игру, и скоро забуду про маму, поиск и даже, может быть, забуду свое собственное имя. И всегда буду играть в виртуальную перестрелку с «клевым» парнем-диско, которого зовут Даррин.

Гроувер потянулся за карточкой, но Аннабет отвела его руку и сказала: — Нет, спасибо.

Мы пошли к дверям, и, по мере того как мы к ним приближались, запахи еды и звуки игр все более манили нас. Я подумал о нашем номере наверху. Мы могли бы остаться хотя бы на ночь, хоть раз выспались бы в настоящей постели...

Затем мы опрометью бросились прочь из казино «Лотос» и выбежали на тротуар. Полдень напоминал тот полдень, когда мы вошли туда, но что-то было не так. Погода совершенно изменилась. Разыгралась буря, над пустыней стояло горячее марево.

Рюкзак Ареса снова висел у меня на плече, что казалось странным, поскольку я не сомневался, что выбросил его в мусорное ведро, но сейчас мне было не до этого.

Подбежав к ближайшему газетному киоску, я первым делом прочел год. Слава богам, год был тот же, когда мы вошли в казино. Затем я обратил внимание на дату: двадцатое июня.

Мы провели в казино «Лотос» пять дней!

До летнего солнцестояния оставался всего один день. Один день, чтобы закончить наш поиск.

Глава семнадцатая

Мы присматриваем водяные кровати

Это была идея Аннабет.

Она затолкала нас на заднее сиденье такси в Вегасе — так, словно у нас были деньги, — и сказала шоферу:

— В Лос-Анджелес, пожалуйста.

Шофер пожевал сигару и смерил нас взглядом.

— Это триста миль. За такое расстояние вам придется заплатить вперед.

— Кредитные карточки казино возьмете? — спросила Аннабет.

— Смотря какие, — пожал плечами водитель. — Надо бы проверить.

Аннабет протянула ему зеленую карту казино «Лотос».

Шофер поглядел на нее скептически.

— Проверьте, — попросила его Аннабет.

Шофер так и сделал.

Счетчик стал пощелкивать. Фары зажглись. Наконец рядом со знаком доллара появился символ бесконечности.

Шофер выронил изо рта сигару. Он посмотрел на нас широко раскрытыми глазами.

— Но куда в Лос-Анджелес... уф, ваше высочество?

— На пристань Санта-Моники. — Аннабет уселась несколько прямее. Точно говорю, «ваше высочество» ей понравилось. — Отвезите нас побыстрее, а сдачу оставьте себе.

Может, ей и не стоило этого говорить.

Через всю пустыню Мохаве мы промчались со скоростью не меньше девяноста пяти миль в час.

* * *

В дороге у нас была уйма времени, чтобы выговориться. Я рассказал Аннабет и Гроуверу о своем последнем сне, но чем больше я пытался припомнить детали, тем расплывчатее они становились. Похоже, казино «Лотос» произвело-таки в моей голове короткое замыкание. Я не мог вспомнить, как звучал голос невидимого слуги, хотя не сомневался, что

знаю его. Слуга называл чудовище в яме не просто «мой повелитель»... но каким-то особым именем или титулом...

— Молчаливый? — предположила Аннабет. — Богач? Оба прозвища принадлежат Аиду.

— Может быть... — ответил я, хотя оба имени прозвучали как-то не так.

— Тронный зал напоминает зал Аида, — сказал Гроувер. — Так его обычно описывают.

— Нет, что-то не складывается. — Я покачал головой. — Тронный зал не был основной частью сна. А этот голос из ямы... не знаю. Похоже, он не принадлежал богу.

Глаза Аннабет расширились.

— Что? — спросил я.

— Да нет... ничего. Я просто... Нет, это должен быть Аид. Возможно, он отправил своего вора, этого невидимку, чтобы тот добыл жезл Зевса, и что-то пошло не так...

— Например?

— Я... я не знаю. — Аннабет отвела взгляд. — Но если он украл символ власти Зевса с Олимпа и боги преследуют его, многое могло пойти не так. Поэтому вору пришлось спрятать жезл, или он его каким-то образом потерял. Так или иначе, ему не удалось передать его Аиду. Именно про это говорил голос в твоём сне. Парень прокололся. Это объясняет, что именно искали фур... дальние родственники, когда напали на нас в автобусе. Может быть, они решили, что нам удалось отыскать жезл?

Я не мог понять, что происходит с Аннабет. Она побледнела.

— Но если бы я уже нашел жезл, то зачем мне лезть в царство мертвых?

— Чтобы пригрозить Аиду, — предположил Гроувер. — Подкупить его или шантажировать, чтобы он вернул твою маму.

— Для козла у тебя нехорошие мысли, — ухмыльнулся я.

— Спасибо.

— Но существо из ямы сказала, что дожидается двух предметов, — вспомнил я. — Если один из них — жезл, то что же другое?

Гроувер, явно озадаченный, покачал головой.

Аннабет смотрела на меня так, словно знала, о чем я сейчас спрошу, и молча умоляла не делать этого.

— У тебя есть хоть какие-либо соображения, кто мог быть в яме? То есть если это был не Аид, то?..

— Перси, давай не будем об этом... Потому что если это не Аид... Нет.

Это должен быть Аид.

За окном мелькала ровная, без всякой растительности земля. Мы проехали мимо указателя, сообщавшего: «Граница штата Калифорния — 12 миль».

У меня появилось чувство, что для разгадки мне не хватает какой-то одной простой, но решающей детали. Она смахивала на самое обычное слово, которое мне полагалось бы знать, но оно было лишено всякого смысла, потому что одна или две буквы предательски ускользали. Чем больше я думал о своем поиске, тем больше крепла во мне уверенность, что столкновение с Аидом не даст мне нужного ответа. Происходило что-то еще — куда более опасное.

Проблема сводилась к следующему: мы мчались по направлению к царству мертвых со скоростью девяносто пять миль в час, уверенные, что жезл был похищен Аидом. Если мы попадем в подземный мир и выясним, что ошибались, то времени исправить ошибку уже не будет. Линия солнцестояния минует, и начнется война.

— Ответ — в царстве мертвых, — заверила меня Аннабет. — Вспомни, Перси, ты видел души умерших. Это единственно возможное место. Мы поступаем правильно.

Она старалась поднять наш моральный дух, предлагая различные хитроумные стратегии проникновения в царство мертвых, но я не мог на этом сосредоточиться. Слишком много факторов оставалось неизвестным. Это было все равно что зубрить материал к тесту, не зная предмета. И уж поверьте мне: я проделывал это не раз.

Такси несло на запад. Каждый порыв ветра в Долине смерти ^[16] напоминал мне о душах умерших. Каждый раз, когда тормоза автомобиля шипели, это вызывало у меня в памяти змеиный голос Ехидны.

* * *

Уже к вечеру такси высадило нас на пляже в Санта-Монике. Он выглядел точно так же, как выглядят в кино все пляжи Лос-Анджелеса, только пахло тут хуже. Дорожки с аттракционами огибали пристань, пальмы обрамляли тротуары, бездомные спали в дюнах, и мускулистые серферы дожидались идеальной волны.

Мы с Гроувером и Аннабет подошли к границе прибоя.

— Что теперь? — спросила Аннабет.

В лучах садящегося солнца гладь Тихого океана переливалась, как

расплавленное золото. Я подумал о том, как давно я стоял на пляже в Монтауке, на другом конце страны, глядя на другое море.

Неужели есть бог, которому подвластно все это? Мой учитель природоведения любил говорить, что две трети земной поверхности покрыты водой. Неужели я могу быть сыном кого-то столь могущественного?

Я зашел в воду.

— Перси! — окликнула меня Аннабет. — Что ты делаешь?

Я продолжал заходить все глубже, пока вода не достигла мне пояса, груди.

— Ты знаешь, какая здесь грязная вода? — крикнула мне вдогонку Аннабет. — В ней содержатся все виды токсических...

В этот момент моя голова скрылась под водой.

Сначала я задержал дыхание, стараясь не глотнуть воды. Наконец я не выдержал. Сделал глубокий вдох. Вполне естественно, я мог нормально дышать.

Я спускался по мелководью. Вряд ли мне удавалось разглядеть что-либо сквозь подводную полумглу, но каким-то образом я мог определять, где и что. Я ощутил покато́сти дна, представил себе колонии морских ежей, испещрившие наносные песчаные острова, и увидел переплетающиеся струи теплых и холодных течений.

Вдруг я почувствовал, как что-то шершавое коснулось моей ноги. Посмотрев вниз, я едва не вылетел из воды, как баллистическая ракета. Мимо меня скользнула пятифутровая акула-мако.

Но она не нападала. Акула тыкалась в меня носом. Терлась о ногу, как собака. Опасливо, ощупью я дотронулся до ее спинного плавника. Он чуть заметно шевельнулся, словно приглашая меня ухватиться покрепче. Я вцепился в плавник обеими руками, и он потянул меня за собой. Вместе со мной акула стала опускаться куда-то вниз, в темноту. Она доставила меня непосредственно к границе океана, где песчаные банки обрывались, уходя в бездонную глубину. Это было все равно как стоять на краю Большого Каньона в полночь, почти ничего не видя, но зная, что пропасть рядом.

Поверхность воды мерцала примерно в ста пятидесяти футах надо мной. Я понимал, что давление должно раздавить меня. Тогда опять-таки я не смог бы дышать. Я задумался, существует ли предел глубины, до которого я могу погрузиться и выжить, если провалюсь прямо на дно Тихого океана.

Затем я увидел что-то светящееся в темноте под собой; оно становилось больше и ярче, поднимаясь ко мне. Женский голос, похожий

на голос матери, позвал меня: «Перси Джексон!»

Фигура приближалась, вырисовываясь все отчетливее. Ее темные волосы развевались в воде, зеленое платье шелковисто переливалось. Свет вспыхивал вокруг, и ее несравненной красоты глаза настолько приковывали внимание, что я едва заметил морского скакуна, верхом на котором она сидела.

Женщина сошла с коня. Морской конь и мако мгновенно отплыли прочь и затеяли какую-то игру наподобие пятнашек. Подводная леди улыбнулась мне.

— Я вижу, ты далеко зашел, Перси Джексон. Молодец.

Я все еще сомневался, поэтому ответил поклоном.

— Вы — та женщина, которая разговаривала со мной в Миссисипи? — спросил я.

— Да, дитя мое. Я — nereida, дух моря. Было непросто подняться так далеко вверх по реке, но наяды, мои пресноводные кузины, помогли мне поддерживать жизненные силы. Они чтят повелителя Посейдона, хотя и не служат при его дворе.

— А... вы служите при дворе Посейдона?

Женщина кивнула.

— Прошло уже немало лет с тех пор, как родилось дитя бога морей. Мы наблюдали за тобой с огромным интересом.

Внезапно я вспомнил лица в волнах Монтаука, когда был ребенком, отражения улыбающихся женщин. Прежде я не особенно задумывался над этим, как и над множеством других странных вещей в моей жизни.

— Если отец так интересуется мной, — сказал я, — то почему его нет здесь? Почему он не поговорит со мной?

Из глубины поднялось холодное течение.

— Не суди повелителя морей слишком сурово, — сказала мне nereida. — Он на грани войны, которой не желает. И он так занят! Не говоря уж о том, что ему запрещено прямо помогать тебе. У богов не должно быть много любимчиков.

— Даже если они покровительствуют своим детям?

— Особенно им. Боги могут воздействовать на происходящее только косвенно. Вот почему я должна предостеречь тебя, и я принесла тебе небольшой дар.

Она протянула руку. На ладони ее сверкнули три белые жемчужины.

— Мне известно о твоём путешествии в царство Аида, — сказала морская нимфа. — Лишь немногим смертным удавалось совершить это и остаться в живых. Орфею, который был великим музыкантом; Гераклу,

обладавшему несравненной силой; изворотливому Гудини — этот сумел спастись даже из глубин Тартара. Наделен ли ты всеми этими талантами?

— Хм... нет, мэм.

— Но у тебя есть нечто другое, Перси. У тебя есть дары, смысл которых ты только начинаешь постигать. Оракул предсказал тебе великое и страшное будущее, если ты сможешь выжить человечеству. Посейдон не позволит тебе умереть прежде назначенного срока. Посему прими это и в трудную минуту топни ногой по жемчужине.

— И что будет?

— Это зависит от того, в чем ты нуждаешься, — ответила nereida. — Но помни: все, принадлежащее морю, в море же и вернется.

— А как насчет предостережения?

Глаза ее вспыхнули зеленым светом.

— Ступай, куда велит тебе твое сердце, иначе потеряешь все. Аид всегда разжигает сомнения и отчаяние, столь свойственные людям. Он обманет тебя, если сможет, заставит усомниться в собственном решении. Как только ты окажешься в его чертоге, он ни за что не отпустит тебя по доброй воле. Храни веру. Удачи тебе, Перси Джексон.

Морская нимфа подозвала своего скакуна и направилась к бездне.

— Подождите! — крикнул я. — В реке вы сказали, чтобы я не доверял дарам. Каким дарам?

— До свидания, юный герой, — откликнулась nereida, голос ее звучал все глуше и дальше. — Прислушивайся к голосу своего сердца.

Обратившись в светящуюся зеленую точку, она исчезла.

Мне захотелось последовать за ней в темные глубины. И увидеть двор Посейдона. Но, посмотрев вверх, я заметил, что солнечный свет на поверхности меркнет. Друзья ждали меня. У нас было так мало времени... Я поплыл к берегу.

Как только я вышел на пляж, моя одежда мигом высохла. Я рассказал Аннабет и Гроуверу о случившемся и показал им жемчужины.

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. — Аннабет скривилась.

— Но это безвозмездный дар.

— Нет. — Она покачала головой. — «Бесплатных ланчей не бывает». Между прочим, это старинная греческая пословица, прекрасно переведенная на английский. Цену назовут в свое время. Вот увидишь.

На этой радостной ноте мы повернулись к морю спиной.

Позаимствовав из рюкзака Ареса кое-какую мелочь, мы сели в автобус, идущий в Западный Голливуд. Я показал водителю адрес царства мертвых, который позаимствовал в «Кабачке садовых гномов тетушки Эм», но он никогда не слышал о «звукозаписывающей студии ДОА».

— Ты напоминаешь мне кого-то из телевизора, — сказал мне шофер. — Играешь детские роли?

— Ну... скорее, я дублер... тех, кто играет детские роли.

— А, теперь понятно.

Поблагодарив водителя, мы вышли из автобуса на следующей же остановке.

Мы прошли пешком не одну милю, высматривая это самое ДОА. Казалось, о такой студии никто и слыхом не слыхивал. В телефонной книге ее тоже не было.

Дважды мы ныряли в переулок, прячась от патрульных машин. Я застыл перед витриной «Товаров для дома», потому что по телевизору показывали интервью кое с кем очень хорошо мне знакомым — моим отчимом Вонючкой Гейбом. Он беседовал с Барбарой Уолтерс, и вид у него был, скажу я вам, как у звезды первой величины. Барбара брала у него интервью в нашей квартире, в разгар покерной партии, и рядом с Гейбом я заметил молоденькую блондинку, которая слегка похлопывала его по руке.

На щеке Гейба блеснула фальшивая слеза.

— Скажу вам начистоту, мисс Уолтерс, — распинался он, — если бы не Лапушка, моя советчица и утешительница, не знаю, что бы я делал. Мой пасынок отнял у меня все самое дорогое. Мою жену... мой «камаро»... Простите, мне больно об этом говорить.

— И такое происходит здесь, в Америке. — Барбара Уолтерс повернулась к камере. — Человек, сраженный горем. Подросток с серьезными психическими проблемами. Позвольте мне еще раз показать вам последнее дошедшее до нас фото этого дефективного юного беглеца, сделанное неделю назад в Денвере.

На экране появилась зернистая фотография, изображавшая меня, Аннабет и Гроувера. Мы беседовали с Аресом на фоне ресторана «Колорадо».

— Кто же они — остальные дети на этой фотографии? — драматически спросила Барбара Уолтерс — Кто этот мужчина рядом с ними? Кто он, Перси Джексон: преступник, террорист или прошедшая

психологическую обработку жертва нового пугающего культа? Во время очередного включения мы побеседуем с ведущим детским психологом. Оставайтесь с нами.

— Пошли, — сказал Гроувер.

Он оттащил меня от витрины, прежде чем я успел разбить ее.

Стемнело, и на улицах стали появляться всякие оборванные личности, желающие порезвиться и поохотиться. Поймите меня правильно. Я ведь родом из Нью-Йорка. Меня на испуг не возьмешь. Но в Лос-Анджелесе ощущение было совсем другое. Там, дома, все казалось близко. И не важно — большой это город или маленький, ты мог добраться куда угодно, не заблудившись. Расположение улиц и подземка как-то увязывались между собой. Там была своя, совершенно определенная система. Мальчишка, если он не дурак, всегда мог найти безопасный уголок.

В Лос-Анджелесе все было совсем по-другому. Он расползался вокруг хаотично, затрудняя передвижение. Он напомнил мне Ареса. Лос-Анджелесу недостаточно быть большим; ему надо доказать это, производя как можно больше шума, делаясь запутанным и странным. Я понятия не имел, как нам отыскать вход в царство мертвых к завтрашнему дню — дню летнего солнцестояния.

Мы проходили мимо банд, собиравшихся совершить групповое изнасилование, извращенцев, любителей уличной поножовщины, — все они глядели на нас, словно решая, стоит ли марать руки.

Когда мы поспешно вошли в какой-то переулок, голос из темноты произнес:

— Эй, ты!

Я остановился, как последний идиот.

Не успел я и глазом моргнуть, как нас уже окружили. Банда подростков кольцом обступила нас. Всего человек шесть — белые парнишки в дорогом прикиде и со злобными лицами. Совсем как в Йэнси: богатенькие ребятки решили поиграть в плохих парней.

Инстинктивно я снял колпачок с меча.

Когда меч появился неизвестно откуда, мальчишки попятились, но их вожак был либо полный кретин, либо отчаянный храбрец, потому что продолжал надвигаться на меня со складным ножом.

Я взмахнул мечом — и это оказалось ошибкой.

Парень пронзительно вскрикнул. Но, наверное, он был смертным на все сто, так как лезвие Анаклузмоса, не причинив ему никакого вреда, прошло через грудь. Он уставился на меч.

— Какого...

Я прикинул, что у меня секунды три, прежде чем его шок обратится в ярость.

— Бегите! — завопил я Аннабет и Гроуверу.

Оттолкнув двух парней, мы бегом припустили по улице, понятия не имея, куда она ведет. Свернули за выдававшийся острый угол.

— Туда! — воскликнула Аннабет.

Во всем квартале, похоже, был открыт единственный магазин, витрины которого ярко светились неоновым светом. Вывеска над дверью для меня выглядела примерно так: «CRSTUY'S WATRE BDE ALPACE».

— «Дворец водяных кроватей Крусти», — перевел Гроувер.

Судя по названию, я зашел бы в подобное место лишь в крайних обстоятельствах, но сейчас это определенно было то, что нужно.

Мы ринулись в двери магазина и, пригнувшись, спрятались за какой-то водяной кроватью. Доли секунды спустя банда пробежала мимо.

— Думаю, они нас не заметили, — задыхаясь, проговорил Гроувер.

— Кого это не заметили? — раздался сзади густой бас.

Мы дружно вскочили на ноги.

За нами стоял парень, похожий на динозавра на отдыхе. Ростом по меньшей мере футов семь, абсолютно лысый. У него была серая морщинистая кожа, набрякшие веки, и улыбался он холодной улыбкой рептилии. Парень медленно двигался к нам, но у меня сложилось впечатление, что при необходимости он может перемещаться намного быстрее.

Костюм его вполне соответствовал одеяниям из казино «Лотос». Он был словно взят напрокат из семидесятых годов. Пестрая шелковая рубашка, расстегнутая до половины безволосой груди. Лацканы бархатного пиджака шириной с посадочную полосу. Сколько серебряных цепочек этот парень накрутил на шею — сосчитать невозможно.

— Я — Крусти, — произнес он, оскалив в улыбке желтые кариесные зубы.

Я едва удержался, чтобы не ответить: «Да уж, понятно».

— Простите, что мы без приглашения, — сказал я. — Присматриваемся, знаете ли, к ассортименту.

— Хочешь сказать: прячетесь от этих плохих парней, — пробурчал Крусти. — Они шатаются тут каждую ночь. Благодаря им у меня людно. Итак, вы хотели бы посмотреть водяные кровати?

Я хотел сказать: «Нет, спасибо», но он положил мне на плечо свою лапищу и повел в торговый зал.

Тут были водяные кровати на любой вкус: из разных пород дерева, с

различным узором простынь, королевских, императорских и вселенских размеров.

— Вот наиболее популярная модель.

Крусти горделиво распростер руки над кроватью с черными шелковыми простынями и ночниками, встроенными в изголовье. Матрас подрагивал, как желе.

— Массаж всего тела, — сообщил нам Крусти. — Давайте пробуйте. Можете даже вздремнуть. Я не против. Сегодня вообще нет продаж.

— Хм, — начал я, — не думаю...

— Массаж всего тела! — воскликнул Гроувер и запрыгнул на постель. — Ну, ребята! Круто!

— Хмм, — пробормотал Крусти, поглаживая свой морщинистый подбородок. — Почти, почти.

— Что почти? — спросил я.

— Сделай одолжение, милочка, попробуй. Может, подойдет. — Он посмотрел на Аннабет.

— Но мы просто... — начала Аннабет.

Легонько хлопнув ее по плечу, словно желая ободрить, Крусти подвел Аннабет к модели «Сафари де люкс»: львы, вырезанные из тикового дерева, обрамляли пуховое одеяло с узором леопардовой шкуры. Когда Аннабет не захотела лечь, Крусти просто толкнул ее.

— Эй! — запротестовала она.

— Эрго!^[17] — Крусти щелкнул пальцами.

Веревки взвились по обеим сторонам кровати, привязав Аннабет к матрасу.

Гроувер попытался вскочить, но веревки, выпроставшиеся из-под черных шелковых простынь, спеленали и его тоже.

— Н-н-е-х-о-ро-шо! — пронзительно закричал он, голос его дрожал от невидимых массирующих рук. — Са-ав-сем не-х-о-ро-шо!

Гигант взглянул на Аннабет, затем повернулся ко мне с ухмылкой.

— Почти подошла, черт возьми.

Я попробовал улизнуть, но Крусти, стремительно выбросив руку, ухватил меня сзади за шею.

— Куда наострился, паренек? Не волнуйся. Мы тебя сейчас определим куда надо.

— Отпустите моих друзей!

— О, конечно, отпущу. Но сначала я должен сделать так, чтобы кровать пришлась им впору.

— Что вы имеете в виду?

— Все кровати ровно шесть футов в длину, видишь? Твои друзья слишком коротки. Надо их подрастянуть.

Аннабет и Гроувер пытались освободиться от пут.

— Люблю совершенную гармонию, — пробормотал Крусти. — Эрго!

Новые веревки появились у изголовья и в изножье кроватей, захлестнув лодыжки и подмышки Аннабет и Гроувера. Они напряглись, растягивая тела моих друзей.

— Не беспокойся, — сказал мне Крусти. — Так я вытягиваю. Может, у них в позвоночниках лишних три дюйма. Они даже могут остаться в живых. А теперь почему бы нам не присмотреть кровать для тебя?

— Перси! — завопил Гроувер.

Мысли бешено крутились у меня в голове. Я понимал, что в одиночку не справлюсь с этим гигантом: продавец водяных матрасов свернет мне шею, прежде чем я успею достать меч.

— Вас ведь на самом деле зовут не Крусти? — спросил я.

— По паспорту я Прокруст, — согласился хозяин.

— Прокруст Растягиватель, — пробормотал я.

Мне припомнилась эта история: гигант, который, пользуясь своим чрезмерным гостеприимством, попытался убить Тесея, когда тот ехал к Афине.

— Да, — сказал продавец. — Но кто сможет выговорить Прокруст? Только вредит бизнесу. А вот Крусти у всех на слуху.

— Вы правы. Реклама — двигатель торговли.

— Ты так считаешь? — Лицо Прокруста озарилось улыбкой.

— Безусловно. А какая искусная ручная резьба на этих кроватях. Потрясающе!

Лицо Прокруста расплылось в широкой ухмылке, но пальцы его продолжали держать мою шею мертвой хваткой.

— Вот и я твержу клиентам то же самое. Всякий раз. Никто даже внимания не обращает на ручную работу. А много ли встроенных ночников в изголовьях вам приходилось видеть?

— Не слишком.

— Вот именно!

— Перси! — пронзительно вскрикнула Аннабет. — Что ты там делаешь?

— Не обращайтесь на нее внимания, — сказал я Прокрусту. — Несносная девчонка.

— Вот мои клиенты — тоже. — Гигант расхохотался. — Ни в ком нет ровно шести футов. Такая опрометчивость. А потом еще жалуются, что я

подгоняю их по размеру.

— А что вы делаете, если они длиннее шести футов?

— О, это происходит постоянно. Нужно просто их зафиксировать и... — Он отпустил мою шею, но, прежде чем я успел среагировать, вытащил из-за ближайшего прилавка здоровенный бронзовый топор с двумя лезвиями. — Я размещаю такого субъекта сколь возможно точно, а остальное, что свисает, отрубая.

— О, — сказал я, с трудом проглатывая застрявший в глотке комок, — разумно.

— Так приятно иметь дело с понимающим клиентом!

Веревки действительно понемногу растягивали моих друзей. Аннабет побледнела. Гроувер булькал, как гусь, которому сворачивают шею.

— Так вот, Крусти... — сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал легко и непринужденно. Затем бросил взгляд на ценник в форме «валентинки», свисавший со «Специальной модели для медового месяца». — У этой кровати действительно есть динамические стабилизаторы, чтобы компенсировать волнообразные движения?

— Разумеется. Попробуйте сами.

— Да, может, и попробую. Но они сработают, даже если на постель ляжет такой крупный человек, как вы? И вибрации сразу прекратятся?

— Гарантированно.

— И никаких сбоев?

— Прошу.

— Покажите, пожалуйста.

Прокруст с готовностью уселся на постели, легонько похлопал по матрасу.

— Все гладко. Видите?

Я щелкнул пальцами.

— Эрго!

Веревки захлестнули Крусти, и он распластался на матрасе.

— Эй! — пронзительно вскрикнул гигант.

— Отцентрируйте его, — велел я.

Веревки повиновались моей команде. Голова Крусти целиком свешивалась за край. Ноги торчали с другого конца.

— Нет! — запротестовал он. — Постойте! Я же просто показываю!

— Несколько несложных усовершенствований... — Я вынул из ножен меч.

У меня не было и тени сомнения по поводу того, что я собираюсь сделать. Если Крусти человек, я, так или иначе, не причиню ему вреда.

Если он был монстром, то заслуживал того, чтобы немедленно обратиться в прах.

— Вы хотите заключить сделку на жестких условиях, — сказал он мне. — Тридцать процентов от продажи спецмоделей!

— Думаю, лучше начать сверху. — Я занес меч, игнорируя его реплики.

— Никаких отчислений! Никаких налогов в течение полугода!

Я опустил меч. Больше от Крусти предложений не поступало.

Я разрезал веревки на других кроватях. Аннабет и Гроувер встали на ноги, охая, трясясь и кляня меня на чем свет стоит.

— А вы казались мне выше, — ухмыльнулся я.

— Очень смешно, — раздраженно фыркнула Аннабет. — В следующий раз поторопись.

Я посмотрел на доску объявлений за прилавком Крусти. Там висела реклама службы доставки «Гермес» и новый справочник чудовищ, проживающих в окрестностях Лос-Анджелеса. Назывался он «Эксклюзивные монструозные желтые страницы», с подзаголовком «То, что вам нужно». Под ним я увидел ярко-оранжевый флайер «Звукозаписывающей студии ДОА», предлагающей комиссионные за души героев. «Алло, мы ищем новые таланты!» Адрес ДОА значился прямо под картой.

— Пошли, — сказал я своим друзьям.

— Погоди минутку, — жалобно произнес Гроувер. — Нас чуть было до смерти не растянули!

— Значит, вы готовы вступить в царство мертвых. Это всего в квартале отсюда.

Глава восемнадцатая

Аннабет дает уроки дрессировки

Мы стояли в полутьме на бульваре Валенсия, глядя на выбитую золотыми буквами по черному мрамору надпись: «ЗВУКОЗАПИСЫВАЮЩАЯ СТУДИЯ ДОО».

На стеклянной двери по трафарету было выведено: «Торговым агентам вход воспрещен. Без приглашения не входить. Живым хода нет».

Уже почти наступила полночь, но вестибюль, переполненный людьми, ярко освещали многочисленные люстры. В будке охраны сидел здоровяк в темных очках, с телефонным наушником на голове.

— О'кей. Надеюсь, вы помните план, — сказал я, обернувшись к своим друзьям.

— План, — подхватил Гроувер. — Да, план превосходный.

— А что случится, если план не сработает? — спросила Аннабет.

— Надо всегда мыслить позитивно.

— Надо же, — огрызнулась она. — По своей воле лезем в царство мертвых, а ты предлагаешь мыслить позитивно.

Я достал из кармана жемчужины — три молочно-белых шарика, которые nereida дала мне в Санта-Монике. Они казались не слишком надежной поддержкой, если что-нибудь пойдет не так.

— Прости, Перси. — Аннабет положила руку мне на плечо. — Ты прав, у нас все получится. Все будет прекрасно.

Она пихнула Гроувера локтем.

— Конечно, — сдавленно ответил тот. — Вон как мы далеко забрались. Найдем жезл повелителя и спасем твою маму. Без проблем.

Я с благодарностью посмотрел на обоих. Ведь я едва не позволил растянуть их до смерти на роскошных водяных матрасах, и вот теперь они храбрились ради меня, стараясь подбодрить.

— Давайте-ка надерем кому-нибудь задницу, — заявил я и ссыпал жемчужины обратно в карман.

Мы вошли в вестибюль ДОО.

Из скрытых динамиков доносились приглушенные звуки музыки. Ковер и стены имели стальной оттенок. Горшки с кактусами стояли по углам, и растения тянули из них свои узловатые руки. Мебель была обтянута черной кожей, свободные места отсутствовали. Люди сидели на

кушетках, стояли, глазели в окна и дожидались лифта. Все словно застыли на своих местах и почти не разговаривали. Я прекрасно видел их всех краешком глаза, но стоило сосредоточиться на ком-то, и этот человек начинал казаться... прозрачным. Я как бы мог видеть сквозь него.

Будка охраны помещалась на возвышении, поэтому нам пришлось задрать головы.

Охранник был высокий и элегантный, коричневый, как шоколадка, с выцветшими блондинистыми волосами, стриженными коротко, по-военному. Он носил темные очки в черепаховой оправе, а шелковый итальянский костюм по цвету подходил к волосам. Под серебряной табличкой с именем к лацкану была приколотая черная роза.

Я прочел имя на табличке и удивленно воззрился на охранника.

— Вас зовут Хирон?

Он наклонился ко мне. Я видел только собственное отражение в его очках, но улыбка у него была фальшивая и холодная, как у питона, который готовится проглотить добычу.

— Какой очаровательный молодой человек! — Он говорил с каким-то непривычным акцентом, возможно британским, или английский был у него не родным, а лишь вторым языком. — Скажи мне, дружок, я похож на кентавра?

— Н-нет, сэр, — мягко добавил он.

— Сэр, — покорно повторил я.

Ухватив табличку с именем, охранник провел пальцем по буквам.

— Можешь прочитать это, дружок? Тут сказано: ХА-РОН. Ну-ка давай снова, попробуй: Ха-рон.

— Харон.

— Замечательно! Ну-ка: мистер Харон.

— Мистер Харон.

— Отлично. — Охранник снова уселся на свое место. — Терпеть не могу, когда меня путают с этой старой полулошадью. А теперь чем могу служить вам, маленькие мертвецы?

У меня было такое чувство, словно мне дали под дых. Я оглянулся на Аннабет, ища поддержки.

— Мы хотим спуститься в царство мертвых, — сказала она.

— Что ж, это нечто новенькое. — Харон скривил губы.

— Правда? — спросила Аннабет.

— Как на духу, честно и откровенно. Никаких воплей. Никаких «Это ошибка, мистер Харон». — Он оглядел нас. — Ну и как же вы умерли?

Я подтолкнул Гроувера.

— Хм... — сказал тот, — я утонул... в ванне.

— И все вы трое?

Мы закивали.

— Большая, должно быть, ванна. — По лицу Харона ничего нельзя было прочесть. — Полагаю, у вас нет монеток для переправы. Видите ли, обычно у взрослых я снимаю плату с карты «Америкэн экспресс» или добавляю стоимость парома к последнему телефонному счету. Но с детьми... увы, вы всегда умираете неподготовленными. Полагаю, вам придется посидеть и подождать пару веков.

— Но у нас есть монеты. — Я положил на столик три золотые драхмы, которые нашел в записке в офисе у Крусти.

— Что ж, тогда... — Харон провел языком по пересохшим губам. — Настоящие драхмы. Настоящие золотые драхмы. Я не видел их уже...

Его пальцы алчно нацелились на монеты.

Мы были близки к цели.

Затем Харон взглянул на меня. Холодный, пристальный взгляд сквозь стекла очков, казалось, буравил мне грудь.

— Так-так, — протянул он. — Ты не смог прочесть мое имя правильно. У тебя дислексия, парень?

— Нет, — ответил я. — Просто я умер.

Харон наклонился и обнюхал меня.

— Ты не мертвый. Я мог бы догадаться. Ты — божок.

— Мы должны попасть в царство мертвых, — настойчиво повторил я.

Харон издал глубокое горловое рычание.

Тут же все, кто находился в зале ожидания, встали и начали возбужденно прохаживаться, закуривать, приглаживать волосы или поглядывать на наручные часы.

— Уходите, пока целы, — велел Харон. — А я возьму их и забуду, что вас видел.

Он потянулся за монетами, но я выхватил их у него из-под носа.

— Без услуг чаевые не полагаются. — Я постарался, чтобы голос мой прозвучал уверенно и спокойно.

Харон снова зарычал — это был глубокий звук, от которого кровь стыла в жилах. Души умерших стали изо всех сил колотить в двери лифта.

— Ну что ж, очень жаль, — вздохнул я. — А ведь у нас тут еще кое-что припасено.

Я вытащил из рюкзака всю записку Крусти. Набрав пригоршню драхм, я стал пересыпать их из ладони в ладонь.

Рык Харона превратился в ласковое львиное мяуканье.

— Думаешь, меня можно купить, божок? Сколько у вас всего... ну так, из любопытства?

— Много, — сказал я. — Спорю, Аид мало платит тебе за такую тяжелую работу.

— О, ты и половины не знаешь. Как бы тебе понравилось целый день нянчиться с этими душами? Всегда одно и то же: «Пожалуйста, не дайте мне умереть» или «Пожалуйста, перевезите меня бесплатно». Мне не надбавили зарплату ни разу за три тысячи лет. Ты ведь не думаешь, что такие костюмчики дешево обходятся?

— Ты заслуживаешь большего, — согласился я. — Чтобы тебя оценили по заслугам. Уважали. Платили прилично.

С каждым новым словом я выкладывал на прилавок еще одну золотую монету.

Харон оглядел свой шелковый итальянский пиджак, словно представляя на себе одежду пошicarнее.

— Должен сказать, паренек, в твоих словах появился какой-то смысл. Крупица смысла.

— Я могу упомянуть о повышении твоей зарплаты в беседе с Аидом. — Я выложил на стол еще несколько монет.

Харон вздохнул.

— Паром забит почти до отказа. Я мог бы прихватить вас троих и отчалить. — Он встал, взглянул на лежащий перед ним куш и скомандовал: — Пошли.

Мы стали протискиваться сквозь толпу ожидающих душ, которые невидимым ветром цеплялись за нашу одежду и шептали что-то, что я был не в состоянии разобрать. Харон распихивал их, ворча: «Пошли прочь, прихлебатели».

Он проводил нас к лифту, который был уже переполнен душами умерших, каждая держала в руках зеленый проездной билет. Харон схватил две души, которые хотели примазаться к нам, и вышвырнул их в вестибюль.

— Отлично. И никаких дурацких выходов, пока я не вернусь. — Он обвел взглядом тех, кто оставался. — И если кто-нибудь снова сдвинет настройки моего приемника с канала легкой музыки, то обещаю, что просидите здесь еще тысячу лет. Понятно?

Харон захлопнул дверцы. Вложил карточку в прорезь на панели, и мы стали спускаться.

— Что происходит с душами, которые ждут в вестибюле? — спросила Аннабет.

— Ничего, — ответил Харон.

— И как долго?

— Всегда или пока я не проявлю великодушия.

— Это... справедливо, — сказала Аннабет.

— Все говорят, что смерть это справедливо, разве нет, барышня? Жди, пока не придет твой черед. Там, куда вы направляетесь, вы скоро умрете.

— Мы выйдем отсюда живыми, — сказал я.

— Ха-ха-ха.

У меня внезапно закружилась голова. Мы больше не опускались, а двигались вперед. В воздухе повисла дымка. Души вокруг меня стали менять очертания. Современная одежда ниспадала с них, превращаясь в пепельно-серые одеяния с капюшонами. Пол лифта начал раскачиваться.

Я усиленно заморгал. Когда же открыл глаза, то светлый итальянский костюм Харона сменился длинной черной хламидой. Очки в черепаховой оправе исчезли. Вместо глаз на его лице зияли пустые глазницы, как у Ареса, не считая того, что глазницы Харона были абсолютно темными, в них клубились только ночь, смерть и отчаяние. Харон увидел, что я на него смотрю, и спросил:

— Ну как?

— Ничего, — с трудом выдавил я.

Мне показалось, что он усмехается, но это было не так. Плоть его становилась все более прозрачной, так что я мог видеть сквозь его череп.

Пол продолжал вибрировать.

— Кажется, у меня морская болезнь, — проблеял Гроувер.

Я снова заморгал — лифт больше уже не был лифтом. Мы стояли в деревянной барке. Отталкиваясь шестом, Харон направлял ее через темную маслянистую реку, в которой, кружась, плавали кости, мертвые рыбы и другие самые странные вещи: пластмассовые куклы, оторванные части тела, пропитавшиеся водой дипломы с золотыми обрезами.

— Река Стикс, — пробормотала Аннабет. — Она такая...

— ...грязная, — подхватил Харон. — Много тысяч лет вы, люди, выкидывали в нее всякий хлам во время переправы — надежды, сны, несбывшиеся желания. Пустейшая затея, скажу я вам.

Туман клубился над замусоренной, провонявшей водой. Над нами, почти теряясь во мраке, нависли сталактиты. Далеко впереди зеленоватым ядовитым светом тускло мерцал берег.

Панический страх сдавил мне горло. Что я здесь делаю? Ведь все люди вокруг меня... мертвы.

Аннабет сжала мою руку. При обычных обстоятельствах это смутило

бы меня, но я понимал, что она чувствует. Ей хотелось удостовериться, что на борту есть еще кто-то живой.

Я поймал себя на том, что бормочу молитву, хотя не был вполне уверен, кому именно молюсь. Здесь, глубоко под землей, правил только один бог — тот самый, противостоять которому я пришел.

Вот показалась береговая линия царства мертвых. Шероховатые камни и черный вулканический песок уходили вглубь ярдов на сто, к подножию высокой скальной стены, простиравшейся в обе стороны насколько хватало глаз. Из зеленых сумерек, эхом отразившись от камней, донесся вой крупного животного.

— Старина трехголовый проголодался, — пояснил Харон. В зеленоватом освещении его улыбка походила на ухмылку скелета. — Не повезло вам, боженята.

Днище барки ткнулось в черный песок. Мертвецы стали сходить на берег. Женщина, ведущая за собой маленькую девочку. Старик со старухой, ковыляющие рука об руку. Мальчишка в сером одеянии — почти мой ровесник, — шаркая, проследовавший мимо.

— Хотел бы пожелать тебе удачи, дружок, но здесь это не сработает. Смотри не забудь вставить словечко о моей зарплате, — сказал перевозчик душ.

Пересчитав наши монеты, Харон сложил их в мешочек, затем снова взял свой шест. Переправляя опустевшую черную барку через реку, он заливался трелями, напоминавшими песни Барри Манилова.^[18]

Мы последовали за душами умерших по протоптанной тропе.

* * *

Я не знал, что нас ожидает — Жемчужные врата,^[19] огромные черные опускаемые ворота или еще что-нибудь. Однако вход в царство мертвых выглядел как нечто среднее между пунктом охраны аэропорта и обычным турникетом.

Над тремя отдельными входами нависала одна изогнувшаяся дугой надпись: «Отныне вы вступаете в Эреб^[20]».

Перед каждым входом стоял металлоискатель с камерами слежения наверху. За ними располагались будки по взиманию пошлины, в которых сидели такие же упыри в черном, как Харон.

Завывания голодного пса звучали теперь гораздо громче, доносясь

непонятно откуда. Но трехглавого пса Цербера, которому полагалось охранять врата Аида, нигде не было видно.

Мертвецы выстроились в очереди вдоль трех линий, на двух была надпись: «ДЕЖУРНЫЙ ПЕРСОНАЛ», на третьей — «МЕРТВЫЕ». Очередь мертвых продвигалась довольно быстро. Две остальные еле ползли.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я Аннабет.

— Быстрая очередь, должно быть, ведет прямо к Полям асфоделей, ^[21] — сказала она. — Протестовать никто не будет. Мертвые не захотят рисковать решением суда, которое может обернуться против них.

— А что, для мертвецов тоже есть суд?

— Да. Судей трое. Они занимают судейскую кафедру попеременно. Царь Минос, Томас Джефферсон, Шекспир. Иногда, взглянув на чью-нибудь жизнь, они решают, что этот человек достоин специальной награды — Элизиума. ^[22] В другой раз они решают, что он должен понести наказание. Но большинство людей просто жили. Ни хорошего, ни плохого о них сказать нельзя. Поэтому их отправляют на Поля асфоделей.

— И что это означает?

— Представь, что ты находишься на пшеничном поле в Канзасе, — сказал Гроувер. — Вечно.

— Сурово, — отозвался я.

— Не так сурово, как это. Гляди.

Парочка упырей в черном оттащила в сторону одну из душ и шмонала ее на специальном столе. Лицо покойника показалось мне смутно знакомым.

— Не тот ли это проповедник, который выступал в «новостях»? — спросил Гроувер.

— Да. — Теперь и я вспомнил.

Мы пару раз видели этого человека по телевизору в общежитии Йэнси. Это был тот самый занудный евангелист из-под Нью-Йорка, который собирал миллионы долларов для сирот, а потом попался на том, что тратил деньги на собственный особняк: облицованные золотом унитазы, домашняя площадка для гольфа и все такое. Он погиб во время полицейской погони, когда его «дарованный свыше „ламборджини“» сорвался со скалы.

— Что они с ним делают? — спросил я.

— Наказание, специально придуманное Аидом, — предположил Гроувер. — Он лично наблюдает за всеми очень плохими людьми сразу после их прибытия. Фур... дальние родственники... определяют для этого

человека вечную муку.

При мысли о фуриях меня пробрала дрожь. Я понял, что теперь на их территории, так сказать, в гостях. Старая миссис Доддз, наверное, уже облизывается в предвкушении.

— Но если он христианин и верит в совершенно иной ад?.. — поинтересовался я.

— Кто говорит, что он видит это место таким, каким видим его мы? — пожал плечами Гроувер. — Люди видят то, что хотят. В этом отношении они очень упрямы... то есть настойчивы.

Мы подошли ближе к воротам. Вой стал таким громким, что земля тряслась у меня под ногами, но я все еще не мог догадаться, откуда он.

Затем футах в пятидесяти перед нами зеленая дымка озарилась мерцающим свечением. Как раз там, где тропа разветвлялась на три дорожки, застыло мрачное исполинское чудище.

Я не заметил его прежде, так как оно было наполовину прозрачным, как и мертвецы. Пока оно не сдвинулось с места, оно сливалось с тем, что находилось за ним. Только его глаза и зубы выглядели вполне осязаемыми. Чудовище вперило в меня свой взгляд.

Челюсть у меня отвисла. Единственное, что пришло мне в голову, это брякнуть:

— Это ротвейлер.

Я всегда представлял себе Цербера большим черным мастифом. Но это явно был чистокровный ротвейлер, только, разумеется, трехглавый, вдвое больше мамонта и в основном невидимый.

Мертвые шли прямо к нему, не выказывая ни малейшего страха. Очереди «ДЕЖУРНЫЙ ПЕРСОНАЛ» огибали монстра с обеих сторон. Души умерших следовали между его передними лапами и под брюхом, причем им даже не приходилось наклоняться.

— Теперь я вижу его лучше, — пробормотал я. — Почему?

— Я думаю... — Аннабет облизнула пересохшие губы. — Боюсь, это потому, что мы все ближе к мертвецам.

Средняя голова пса наклонилась к нам. Она обнюхала воздух и зарычала.

— Оно может учуять живых людей, — сказал я.

— Пустяки. — Гроувер, стоявший рядом со мной, дрожал как овечий хвост. — Главное, у нас есть план.

— Правильно, — поддержала его Аннабет. Я еще никогда не слышал, чтобы она говорила таким тоненьким голосом. — План.

Мы двинулись навстречу монстру.

Средняя голова Цербера злобно заворчала на нас, затем раздался такой громкий лай, что у меня все запрыгало перед глазами.

— Ты его понимаешь? — спросил я Гроувера.

— Да, — ответил он, — я его понимаю.

— Что он говорит?

— Думаю, у людей нет слова из четырех букв, которым можно было бы точно это перевести.

Я достал из рюкзака большую палку — столбик от кровати, который отломал от напольной модели «Сафари де люкс» Крусти. Я поднял ее повыше и постарался внушить Церберу мысли счастливого пса из рекламы: шустрые щенки, веселая игра. Я даже попытался улыбнуться, словно и не собирался умирать.

— Эй, здоровяк, — крикнул я. — Спорю, что они не часто с тобой играют.

— RRRRRRRR!

— Хороший мальчик, — слабым голосом произнес я.

Потом помахал палкой. Средняя голова пса следила за моими движениями. Две другие головы тоже уставились на меня, не обращая никакого внимания на души. Я целиком и полностью привлек к себе внимание Цербера. Впрочем, я не был уверен, хорошо ли это.

— Принеси! — хорошенько размахнувшись, я швырнул палку в полутьму.

Она громко плюхнулась в Стикс.

Цербер сверкнул на меня глазами. Моя уловка не произвела на него никакого впечатления.

Взгляд его оставался злобным и холодным.

Вот тебе и план!

Рычание Цербера стало тише, но теперь он рычал во все три глотки.

— Перси! — позвал Гроувер.

— Да?

— Я просто подумал, что тебе хотелось бы знать...

— Да?

— Цербер говорит, что у нас осталось десять секунд помолиться своему богу, по выбору. А потом... ну... он проголодался.

— Постойте! — крикнула Аннабет.

Она стала рыться в своем рюкзаке.

«Охо-хо», — подумал я.

— Пять секунд, — сказал Гроувер. — Может, пора дать деру?

Аннабет достала из рюкзака красный резиновый мячик величиной с

грейпфрут. На нем была наклейка «Вотерлэнд, Денвер и К». Прежде чем я успел остановить ее, она подняла мячик и двинулась прямо на Цербера.

— Видишь мячик? Хочешь его, Цербер? Сидеть!

Цербер выглядел таким же ошеломленным, как и мы.

Все три его головы склонились набок. Шесть ноздрей усиленно втягивали воздух.

— Сидеть! — снова крикнула Аннабет.

Я не сомневался, что в любой момент она превратится в самую большую в мире мозговую косточку.

Однако вместо этого Цербер облизнул все свои губы, попятился и сел, ненароком раздавив дюжину душ из очереди «МЕРТВЫЕ», проходивших под ним. Исчезая, души издавали приглушенное шипение, как спущенные покрышки.

— Хороший мальчик! — повторила Аннабет.

И бросила Церберу мячик.

Он поймал его средней пастью. Мячик был слишком большой, чтобы его разжевать, и остальные головы попытались вырвать у средней новую игрушку.

— Отдай! — скомандовала Аннабет.

Головы Цербера перестали драться и уставились на нее. Мячик застрял между зубами монстра, как кусочек жевательной резинки. Пес громко и испуганно взвизгнул и уронил обслюнявленный, наполовину разгрызенный мячик к ногам Аннабет.

— Хороший мальчик, — повторила Аннабет, подбирая мячик и не обращая внимания на то, что он теперь весь в собачьей слюне.

Потом повернулась к нам.

— Теперь пошли. Становитесь в очередь умерших — она быстрее.

— Но... — промямлил я.

— Немедленно!

Аннабет командовала нами тем же тоном, каким отдавала приказы псу.

Мы с Гроувером опасливо сделали по небольшому шагку.

Цербер снова зарычал.

— Фу! — скомандовала Аннабет. — Если хочешь мячик, сейчас же прекрати!

Цербер заскулил, но остался сидеть там, где сидел.

— А как же ты? — спросил я Аннабет, когда мы проходили мимо.

— Я знаю, что делаю, Перси, — пробормотала она. — По крайней мере, я совершенно уверена...

Мы с Гроувером шли между лап чудовища.

«Пожалуйста, Аннабет, — мысленно взмолился я. — Не говори ему снова „сидеть“».

Нам удалось пройти. Сзади Цербер выглядел ничуть не менее устрашающим.

— Хороший пес! — воскликнула Аннабет.

Она подняла изодранный в клочья красный мячик и, возможно, пришла к тому же выводу, что и я: если Цербер получит от нее награду, то на другой трюк уже ничего не останется.

Так или иначе, Аннабет бросила мяч. Левая пасть монстра мгновенно схватила его, средняя голова попыталась напасть на нее, тогда как правая протестующе взывала.

Внимание монстра удалось отвлечь, и Аннабет быстро прошла под его брюхом и присоединилась к нам у металлоискателя.

— Как тебе это удалось? — изумленно спросил я.

— Школа дрессировки, — задыхаясь, ответила Аннабет, и я удивился, заметив слезы у нее на глазах. — Когда я была ребенком и жила с папой, у нас был доберман...

— Не теряйте времени. — Гроувер потянул меня за рубашку. — Пошли!

Мы уже собирались проскочить через очередь мертвецов, когда Цербер жалобно взвыл всеми тремя головами. Аннабет остановилась.

Она обернулась к псу, которому пришлось слегка развернуться, чтобы посмотреть на нас.

Цербер тяжело дышал, разорванный красный мячик лежал в луже слюны у его лап.

— Хороший мальчик, — грустно и неуверенно произнесла Аннабет.

Монстр завертел головами из стороны в сторону, словно ища хозяйку.

— Я скоро принесу тебе другой, — еле слышно пообещала Аннабет. — Этот тебе понравился?

Трехголовое создание заскулило. Не надо было разговаривать с псом, чтобы понять, что Цербер все еще ждет мячик.

— Хорошая собака. Я скоро вернусь. Я... я обещаю. — Аннабет повернулась к нам. — Пошли.

Мы с Гроувером протиснулись через металлоискатель, который моментально заверещал и замигал всеми своими красными лампочками. «Запретные предметы! Обнаружено волшебство!»

Цербер залаял.

Мы ринулись сквозь ворота с надписью «МЕРТВЫЕ» — сирены взвыли еще громче — и бегом помчались в царство мертвых.

Через несколько минут, вконец запыхавшись, мы спрятались в гнилом стволе огромного черного дерева; упыри-охранники пробежали мимо, пронзительными криками призывая на подмогу фурий.

— Итак, Перси, что же мы узнали за сегодняшний день? — пробормотал Гроувер.

— Что трехглавые псы предпочитают красные резиновые мячики палкам?

— Нет, — ответил Гроувер, — мы узнали, что ваши планы кусаются, на самом деле кусаются!

Я в этом сомневался. Мы с Аннабет оба пришли к правильной мысли. Даже здесь, в царстве мертвых, все — и чудища тоже — нуждались в капельке внимания.

Я думал об этом, пока мы выжидали, когда пробегут охранники. И притворился, что не вижу, как Аннабет вытирает сбегавшую по щеке слезу, прислушиваясь, как скорбно скулит вдалеке Цербер, тоскуя по новому другу.

Глава девятнадцатая

Мы вроде бы выясняем правду

Представьте себе самую большую толпу публики на концерте, которую вам приходилось видеть, или футбольное поле, где яблоку негде упасть среди фанатов.

А теперь представьте поле в миллион раз больше, битком набитое людьми, представьте, что электричество вырубилось и кругом ни звука, ни огонька, нет даже береговых сигнальных маяков. За кулисами случилось что-то трагическое. Шепчущие скопища людей толкуются на месте в ожидании представления, которое никогда не начнется.

Если вы способны вообразить такое, то с легкостью можете себе представить, что творилось на Полях асфodelей. Черная трава была стоптана миллиардами мертвых ног. Теплый, влажный ветер налетал порывами, как дыхание трясины. Черные деревья — Гроувер сообщил мне, что это тополя, — небольшими рощицами росли тут и там.

Потолок пещеры находился так высоко над нами, что его можно было бы принять за грозовые облака, если б не сталактиты, слабо отливавшие серым и грозно целившиеся в нас своими остриями. Я старался не думать, что они в любой момент могут обрушиться вниз, но поля были испещрены каменными копьями, действительно упавшими и вонзившимися в черную траву наподобие частокола. Я догадывался, что мертвые не станут беспокоиться из-за маленьких неприятностей, ну, скажем, когда тебя пронзает сталактит размером с ракету-носитель.

Аннабет, Гроувер и я постарались затесаться в толпу, внимательно приглядываясь, нет ли поблизости упырей-охранников. Я не мог удержаться, выискивая знакомые лица среди душ, обитающих на Полях асфodelей, но опознавать мертвецов не просто. Их лица мерцают. Все они выглядят немного рассерженными или смущенными. Они могут подойти и завести разговор, но это лишь невнятная болтовня, словно трепет крыльев летучей мыши. Едва до них доходит, что ты не можешь понять их, души хмуро бредут прочь.

На вид они совсем не страшные. Просто печальные.

Мы медленно продвигались вперед, следуя за очередью вновь прибывших, которая, извиваясь, тянулась от главных ворот к черному павильону в форме шатра. Надпись на транспаранте гласила:

СУД
ЭЛИЗИУМ ИЛИ ВЕЧНОЕ ПРОКЛЯТИЕ.
Добро пожаловать, недавно почившие!

С задней стороны павильона протянулись две очереди поменьше.

Налево души под конвоем охранников шагали по каменистой тропе к Полям наказания, мерцавшим вдалеке и укрытым дымной завесой. Раскинувшаяся во все стороны, изрезанная трещинами пустошь, с реками лавы и минными полями, колючей проволокой разделялась на участки, где души подвергались различным мучениям. Даже издалека я видел людей, преследуемых адскими гончими и поджариваемых на вертеле, некоторых нагишом прогоняли сквозь заросли кактусов или заставляли слушать оперную музыку. Еще я заметил вдали крохотный холм с похожей на муравья фигуркой Сизифа, из последних сил закатывающего свой камень на вершину. Видел я и более страшные пытки — просто не хочется описывать.

Очередь, тянувшаяся с правой стороны судейской палаты, выглядела куда оживленнее. Она спускалась в маленькую, окруженную стенами долину — там обитала небольшая община, пожалуй, единственное радостное место во всем царстве мертвых. За охраняемыми воротами виднелись разнообразные прекрасные здания всех эпох: римские виллы, средневековые замки и викторианские особняки. Серебряные и золотые цветы распускались на лужайках. Трава переливалась всеми цветами радуги. До меня донесся смех и запах жарящейся пищи.

Элизиум.

Посреди долины располагалось ярко блестевшее на солнце синее озеро с тремя островками, похожее на курорт на Багамах. Острова Блаженных для людей, которые трижды возрождались и трижды достигали Элизиума. Я немедленно решил, что, когда умру, хочу попасть именно сюда.

— Для этого все и обустроено, — сказала Аннабет, словно читая мои мысли. — Это место специально для героев.

Но я подумал о том, как мало людей в Элизиуме, какой он крохотный по сравнению с Полями асфodelей и даже с Полями наказания. Выходит, добро в своей жизни творило немного человек. Это угнетало.

Миновав судейский шатер, мы прошли дальше, в Поля асфodelей. Стемнело. Цвета нашей одежды были едва различимы. Толпы лепечущих душ стали истончаться.

Через несколько миль мы услышали вдалеке знакомые хриплые, зловещие крики. На горизонте замаячил дворец из блестящего черного

обсидиана. Над парапетами вились три темные существа, похожие на летучих мышей. Фурии. У меня возникло чувство, что они нас поджидают.

— Думаю, возвращаться поздно, — жизнерадостно произнес Гроувер.

— С нами все будет в порядке, — ответил я, стараясь придать своему голосу уверенность.

— Может, сначала посетим другие места, — предложил Гроувер. — К примеру, Элизиум?..

— Пошли, козленок. — Аннабет схватила его за руку.

Гроувер заскулил. Крылышки на туфлях помогли ему вырваться, но пролетел он недалеко и навзничь упал в траву.

— Гроувер, — строго произнесла Аннабет. — Перестань!

— Но я не...

Он снова заскулил. Крылышки словно обезумели. Они приподняли его над землей и потащили куда-то в сторону от нас.

— Майа! — завопил Гроувер, но волшебное слово, похоже, не возымело действия. — Майа! Девять-один-один! Помогите!

Я сбросил с себя оцепенение и постарался схватить Гроувера за руку, но слишком поздно. Он разгонялся, скользя по склону холма, как на бобслейных санях.

Мы кинулись за ним.

— Сними кроссовки! — крикнула Аннабет.

Умно придумано, но я подозревал, что не так-то просто это сделать, когда тебя волокут вперед на максимальной скорости. Гроувер попытался согнуться, но до шнурков ему было не дотянуться.

Мы держались за ним, стараясь не потерять его из виду, пока сатир пулей летал между душ, которые раздраженно покрикивали на него.

Я был уверен, что Гроувер, как из пушки, влетит в ворота дворца Аида, но туфли, сделав резкий вираж вправо, поволокли сатира в противоположную сторону.

Склон становился все круче. Гроувер стремительно спускался. Нам с Аннабет пришлось показать спринтерскую скорость, чтобы держаться, не отставая. Пещера сужалась с обеих сторон, и я понял, что мы оказались в некоем туннеле. Здесь не было ни черной травы, ни деревьев, только камни под ногами и тускло светящиеся сталактиты над головой.

— Гроувер! — завопил я, и голос мой отозвался эхом. — Ухватись за что-нибудь!

— Что? — раздался ответный вопль.

Сатир цеплялся руками за гравий, но рядом не было ничего более крупного и прочного, что позволило бы ему остановиться.

В туннеле становилось все темнее и холоднее. Волоски у меня на руках встали дыбом. Запах зла просачивался и сюда, вниз. Это заставило меня подумать о том, что мне прежде и в голову не пришло бы, — о крови, разбрызганной по древнему каменному алтарю, о смрадном дыхании палача.

Потом, увидев то, что впереди, я замер как вкопанный.

Туннель расширялся, переходя в огромную темную пещеру, посреди которой зияла расселина размером с городской квартал.

Гроувер скользил прямо к ее краю.

— Давай, Перси! — пронзительно завопила Аннабет, таща меня за запястье.

— Но это...

— Я знаю! — выкрикнула она. — Место, которое ты видел во сне! Но Гроувер свалится, если мы не удержим его!

Разумеется, она была права. Беспокойство за Гроувера заставило меня снова двинуться вперед.

Сатир пронзительно кричал, цеплялся за землю, впиваясь в нее ногтями, но крылатые туфли подтаскивали его все ближе к яме, и было очень сомнительно, что мы подоспеем вовремя.

Спасли его копыта.

Крылатые туфли всегда были чуть великоваты ему, и, когда Гроувер наконец наткнулся на большую скалу, левая туфля слетела. Она промчалась в темноту и исчезла в расселине. Правая туфля тянула сатира вперед, но уже не так быстро. Гроувер мог замедлить свое скольжение, ухватившись за какой-нибудь валун и используя его как якорь.

Сатир был уже в десяти футах от края ямы, когда мы перехватили его и потащили вверх по склону. Вторая крылатая туфля слетела с его ноги, сердито описала вокруг нас окружность и, прежде чем кануть в расселине вслед за своей близняшкой, в знак протеста стукнула нас по головам.

Мы втроем без сил рухнули на обсидиановый гравий. Все мое тело словно налилось свинцом. Даже рюкзак казался тяжелее, будто кто-то напихал в него камней.

Гроувер весь исцарапался. Все руки его были в крови. Зрачки по-козлиному сузились, как бывало всегда, когда он сильно пугался.

— Не знаю, как... — Он никак не мог отдышаться. — Я не...

— Постой, — сказал я. — Послушай.

Я расслышал шепот где-то там, в потемках.

Еще через несколько секунд Аннабет сказала:

— Перси, это место...

— Тсссс. — Я встал.

Звук становился громче, бормочущий злобный голос раздавался где-то далеко снизу. Он исходил из ямы.

— Ч-что это за шум?

Гроувер приподнялся.

Аннабет теперь тоже его слышала. Я видел это по ее глазам.

— Тартар. Это вход в Тартар.

Я выхватил из ножен Анаклузмос.

Бронзовое лезвие вспыхнуло во мраке, и злобный голос притих, но только на мгновение, чтобы затем возобновить свой речитатив.

Теперь я почти различал слова — древние, очень древние, древнее греческих. Как если бы это было...

— Волшебство, — сказал я.

— Надо выбираться отсюда, — поторопила Аннабет.

Общими усилиями мы поставили Гроувера на копыта и двинулись к выходу из туннеля. Двигать ногами быстрее я не мог. Рюкзак тянул меня вниз. Когда мы бросились бежать, голос позади нас зазвучал громче и рассерженнее.

Удрали мы вовремя.

Сильный порыв холодного ветра дунул нам в спины, будто яма выдохнула полной грудью. В какой-то ужасающий момент почва ушла у меня из-под ног, и я поскользнулся на гравии. Окажись мы ближе к краю, бездна затянула бы нас.

Мы с трудом продолжали пробиваться вперед и наконец достигли верхней части туннеля, где пещера расширялась, переходя в Поля асфodelей. Ветер стих. Яростный стон эхом донесся из глубины туннеля. Нечто было совсем не радо, что мы успели сбежать.

— Что это такое было? — выдохнул Гроувер, когда мы рухнули на землю в относительной безопасности, в рощице черных тополей. — Один из любимых питомцев Аида?

Мы с Аннабет переглянулись. Я догадывался, что она вынашивает идею, возможно, ту же самую, которая пришла ей в голову во время нашей поездки в Лос-Анджелес, но тогда Аннабет слишком испугалась, чтобы поделиться ею. Этого было достаточно, чтобы я тоже ужаснулся.

Надев колпачок на меч, я опустил ручку в карман.

— Пошли дальше. — Я поглядел на Гроувера. — Можешь идти?

— Да, конечно, — сказал он, явно собираясь с духом. — В любом случае эти туфли никогда мне не нравились.

Сатир старался держаться отважно, однако его была такая же дрожь,

как меня и Аннабет. Что бы ни находилось там, в яме, это не принадлежало никому. Это было нечто неизъяснимо древнее и могущественное. Даже Ехидна не вызвала у меня такого чувства. Я почти испытал облегчение, повернувшись спиной к туннелю и устремив взгляд на дворец Аида.

Почти.

* * *

Высоко во мраке над парапетами кружили фурии. Снаружи стены крепости отливали черным, а бронзовые ворота высотой с двухэтажный дом стояли нараспашку.

Подойдя поближе, я увидел, что на воротах выгравированы сцены смерти. Некоторые были взяты из современной жизни: атомная бомба, взрывающаяся над городом, окоп с солдатами в противогазах, голодающие африканцы, выстроившиеся в очередь с пустыми мисками, но все они выглядели так, будто их отчеканили в бронзе тысячи лет назад. Мне пришлось в голову, что я смотрю на сбывшиеся пророчества.

Во дворе был разбит самый странный сад, который мне доводилось видеть. Разноцветные грибы, кусты, приносящие ядовитые плоды, и чудные светящиеся растения росли здесь без солнечного света. Драгоценные камни восполняли отсутствие цветов — соцветия рубинов, каждый величиной с мой кулак, бутоны необработанных алмазов. То тут, то там, как застывшие гости, стояли изваяния из сада Медузы — превратившиеся в камень дети, сатиры и кентавры с нелепой улыбкой на губах.

Посреди сада росли гранатовые деревья, их оранжевые соцветия неоновом мерцали во мраке.

— Сад Персефоны, — сказала Аннабет. — Пошли дальше.

Я понял, почему она хотела, чтобы мы не останавливались. Терпкий запах цветов граната нагонял оцепенение. Мной овладело неожиданное желание отведать один из плодов, но потом я вспомнил историю Персефоны. Единожды вкусив пищу в царстве мертвых, мы уже никогда не выберемся отсюда. Я оттащил в сторону Гроувера, пытавшегося сорвать большой спелый гранат.

Мы поднялись по дворцовым ступеням между черных колонн, прошли через черный мраморный портик и вошли в дом Аида. Пол холла был выложен бронзовыми плитами, которые, казалось, переливались и вскипали в отраженном свете факелов. Потолка не было — только кровля

пещеры высоко над головой. Я догадался, что здесь, внизу, они никогда не думают о дожде.

По обе стороны от дверей стояли скелеты в военной униформе. На одних были греческие доспехи, на других — британские красные мундиры, третьи в камуфляже с потрепанными нашивками американской армии. Их вооружение составляли копья, мушкеты или винтовки М16. Никто из скелетов не преградил нам путь, но пустые глазницы провожали нас через весь холл до больших дверей на противоположной стороне.

Два скелета в форме американских морских пехотинцев охраняли вход. Они усмехались, глядя на нас сверху вниз, на груди у них висели реактивные противотанковые гранатометы.

— Могу поспорить, — пробормотал Гроувер, — что торговые агенты не решаются беспокоить Аида.

Мой рюкзак потяжелел на тонну. Непонятно почему. Я хотел открыть его — проверить, не положил ли я туда случайно закатившийся шар для боулинга, но момент был неподходящий.

— Ну что, ребята, — спросил я, — постучим?

Жаркий ветер пронесся по коридору, и двери распахнулись. Охранники отступили в сторону.

— Полагаю, это значит *entrez-vous*, [\[23\]](#) — сказала Аннабет.

Изнутри зал выглядел точь-в-точь как в моем сне, только на этот раз на троне сидел Аид — третий бог, которого мне довелось встретить, но первый, кто действительно поразил меня своим божественным видом.

Ростом Аид был по меньшей мере футов десять, облачение его составляли черное шелковое одеяние, ниспадавшее свободными складками, и корона из золотых жгутов. Облик бога дополняли белая, как у альбиноса, кожа и черные, как смоль, волосы до плеч. Аид не был таким накачанным, как Арес, но излучал силу. Он сидел, откинувшись, на троне из человеческих костей — гибкий, изящный и опасный, как пантера.

Я моментально почувствовал, что приказы будет отдавать он. Он знал больше меня. Ему подобало быть моим повелителем. Но я тут же приказал себе выбросить эти мысли из головы.

Аура Аида действовала на меня так же, как аура Ареса. Повелитель мертвых напоминал фотографии Адольфа Гитлера, Наполеона или какого-нибудь лидера террористов, который направляет на цель бомбардировщики-самоубийцы. Он обладал таким же пристальным взглядом, тем же гипнотизмом, той же злой харизмой.

— А ты смелый, раз добрался сюда, сын Посейдона, — произнес он елейным голосом. — После тех неприятностей, что ты причинил мне, —

браво, браво! А может, ты просто слишком глуп?

Я почувствовал тяжесть во всем теле, у меня возник соблазн прилечь и вздремнуть у ног Аида. Свернуться клубком и уснуть навсегда.

Я поборол это чувство и приблизился. Речь свою я подготовил заранее.

— Дядя и повелитель, у меня к вам две просьбы.

Аид вздернул бровь. Когда он выпрямился на троне, в складках его черного одеяния появились призрачные лики — лица, искаженные мукой, — словно мантия была соткана из плененных душ с Полей наказания, пытающихся вырваться оттуда. Какая-то часть моей больной головы мельком подумала: уж не все ли его одеяние сшито подобным образом? Какие ужасные вещи должен был совершить за свою жизнь человек, чтобы оказаться вплетенным в нижнее белье Аида.

— Всего две просьбы? — переспросил Аид. — Самонадеянное дитя. Как будто ты и так уже не отнял у меня слишком многое. Что ж, говори. Даже забавно, что я до сих пор не умертвил тебя.

Я сделал над собой усилие. Все шло именно так, как я боялся.

Я посмотрел на трон поменьше, пустовавший рядом с тронном Аида. Он был выточен в форме черного позолоченного цветка. Мне хотелось, чтобы здесь присутствовала царица Персефона. Я вспомнил кое-что из мифов — о том, как она умеет влиять на настроения мужа, успокаивать его. Но стояло лето. Конечно же, Персефона где-то там, наверху, в мире света, вместе со своей матерью — богиней плодородия Деметрой. Ее появления, не влияя на вращение Земли, означали смену времен года.

Аннабет откашлялась и ткнула меня пальцем в спину.

— Повелитель Аид... — начал я. — Сэр, войны между богами быть не должно. Это будет... плохо.

— На самом деле плохо, — добавил Гроувер, приходя мне на помощь.

— Верните мне жезл Зевса, — попросил я. — Пожалуйста, сэр. Позвольте мне отнести его на Олимп.

— И ты осмеливаешься предъявлять мне такие претензии после того, что сделал? — Глаза Аида загорелись опасным блеском.

Я переглянулся с Аннабет и Гроувером. Они выглядели так же сконфуженно, как и я.

— Хм... Дядя, — сказал я. — Вы вот говорите «после того, что ты сделал». А что я такого сделал?

Тронный зал сотрясла такая сильная дрожь, что ее, наверное, почувствовали даже в Лос-Анджелесе. Осколки камней посыпались с потолка пещеры. Вдоль всех стен распахнулись двери, и внутрь строем вошли сотни скелетов-воителей всех времен и народов, принадлежавших к

западной цивилизации. Они выстроились по периметру зала, перекрыв выходы.

— Думаешь, я хочу войны, божок?! — проревел Аид.

Я хотел было сказать: «Эти ребята не похожи на миротворцев». Но подумал, что отвечать так — опасно.

— Вы — повелитель мертвых, — осторожно произнес я. — Война расширит пределы вашего царства.

— Слово в слово то, что говорят мои братья! Ты думаешь, мне мало моих подданных? Разве ты не видел, как раскинулись Поля асфodelей?

— Да, но...

— Ты хоть представляешь, скольких поглотило мое царство в одном только прошедшем веке, сколько новых отделений я вынужден был открыть?

Я открыл рот, но Аида было уже не остановить.

— Новые охранники, — простонал он. — Очереди в суд! Персонал работает в две смены. Я богатый бог, Перси Джексон. Я контролирую залежи всех драгоценных металлов. Но нынешние расходы!

— Харон требует повышения заработной платы, — выпалил я, внезапно вспомнив о нашем разговоре.

Стоило мне сказать это, как я пожалел, что язык не прилип у меня к гортани.

— И не говори мне о Хароне! — пронзительно завопил Аид. — Он стал совершенно невыносим, когда обнаружил, что на свете существуют итальянские костюмы! Проблемы, проблемы на каждом шагу, и я должен управляться со всем лично. От одной только ежедневной поездки от дворца к воротам можно с ума сойти! Нет, божок! Чтобы умножать число подданных, помощи мне не требуется! Не хочу я никакой войны.

— Но ведь вы взяли жезл повелителя Зевса.

— Ложь! — И снова раздался грохот. Аид поднялся с трона высотой со стойку футбольных ворот. — Твой отец может дурачить Зевса, мальчик, но я еще не выжил из ума! Его план мне ясен.

— Его план?

— Вором во время зимнего солнцестояния был ты, — заявил он. — Твой отец думал сохранить этот маленький секрет. Он отправил тебя в тронный зал на Олимпе. Ты взял жезл Зевса и мой шлем. Не пошли я фурию, чтобы обнаружить тебя в Йэнси, Посейдон мог бы и преуспеть, скрывая свои замыслы начать войну. Но теперь-то тебя вывели на чистую воду. И все узнают, что ты вор, служащий Посейдону, а я получу обратно свой шлем!

— Но... — сказала Аннабет. Ручаюсь, ее мысль работала с бешеной скоростью. — Повелитель Аид... неужели ваш шлем тьмы тоже пропал?

— Не разыгрывай из себя невинное дитя, девчонка. Ты вместе с сатиром помогаешь этому герою — и вы являетесь сюда, чтобы угрожать мне от имени Посейдона. Ставить мне ультиматумы. Или Посейдон думает, что меня можно шантажировать, втянуть в его игры?

— Нет! — сказал я. — Посейдон не... я не...

— Я никому не говорил про исчезновение шлема, — проворчал Аид, — поскольку не питаю никаких иллюзий, что кто-нибудь на Олимпе проявит ко мне хоть малейшую справедливость, хоть чуточку поможет мне. Я и словом не могу обмолвиться, что мое самое могущественное оружие устрашения пропало. Поэтому я сам искал тебя, а когда стало ясно, что ты идешь ко мне с угрозами, то я не старался остановить тебя.

— Вы не старались остановить нас? Но...

— Немедленно верни мне шлем, или я остановлю смерть в этом мире! — пригрозил Аид. — Таково мое встречное предложение. Я разверзну землю и выпущу наверх мертвых. Вот когда вы поймете, что такое кошмар. А ты, Перси Джексон, — твой скелет поведет мои армии из Аида.

Вооруженные скелеты сделали шаг вперед, держа оружие наизготовку.

В эту минуту мной должен был бы овладеть ужас. Однако, странное дело, я почувствовал себя оскорбленным. Ничто так не злит меня, как обвинения в том, чего я не делал. В этом у меня богатый опыт.

— Вы с Зевсом стоите друг друга, — огрызнулся я. — Думаете, я обокрал вас? Вот почему вы послали за мной фурий?

— Разумеется.

— И других монстров?

— Я не имею к ним никакого отношения. — Аид презрительно скривил губы. — Я не желал тебе быстрой смерти, мне хотелось, чтобы тебя доставили живым и ты мог собственными глазами увидеть все муки Полей наказания. Почему, как ты думаешь, я так легко впустил тебя в свое царство?

— Легко?

— Верни мою собственность!

— Но вашего шлема у меня нет. Я пришел за жезлом Зевса.

— Который уже заполучил! — выкрикнул Аид. — Ты явился с ним сюда, дурачок, думая, что сможешь угрожать мне!

— Неправда!

— Тогда открой рюкзак!

Ужасное предчувствие поразило меня. Мой рюкзак так потяжелел, будто я тащил в нем шар для боулинга. Не могло же это...

Скинув рюкзак с плеча, я расстегнул молнию. Внутри лежал двухфутовый металлический цилиндр, заостренный с обоих концов, гудящий от скрытой в нем энергии.

— Перси! — ахнула Аннабет. — Как же так?..

— Я... я не знаю. Ничего не могу понять.

— Все вы, герои, на одно лицо, — поморщился Аид. — Ваша гордость делает вас глупцами, и вы думаете, что можете выступить против меня с таким оружием. Я не просил принести жезл повелителя Зевса, но поскольку он здесь, ты должен отдать его мне. Уверен, это превосходный товар для сделки. А теперь... мой шлем. Где он?

Я лишился дара речи. Никакого шлема у меня не было. Я понятия не имел о том, как жезл попал ко мне в рюкзак. Мне больше нравилась мысль, что Аид пустился на какую-то хитрость. Аид был плохой парень. Но неожиданно все перевернулось. Я понял, что эту игру ведет кто-то другой. Кто-то другой стравливал Зевса, Посейдона и Аида. Жезл оказался в рюкзаке, а рюкзак я получил от...

— Постойте, повелитель Аид, — взмолился я. — Это недоразумение.

— Недоразумение? — прорычал Аид.

Скелеты прицелились. Высоко над нами послышалось хлопанье кожистых крыльев, и три фурии спланировали вниз, чтобы усесться на спинку трона своего повелителя. Одна из них, с лицом миссис Доддз, приветливо улыбнулась мне и щелкнула хлыстом.

— Никакого недоразумения, — отрезал Аид. — Я знаю, зачем ты пришел. Мне известна подлинная причина того, почему ты принес жезл. Ты пришел, чтобы поторговаться за нее.

Из ладони Аида извергся шар золотого пламени. Он взорвался на ступенях передо мной, и я увидел свою мать, застывшую в золотом дожде, как в тот момент, когда Минотавр душил ее.

Я не мог произнести ни слова. Я протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но свет был таким же горячим, как огонь костра.

— Да, — удовлетворенно кивнул Аид. — Это я удерживал ее. Я знал, Перси Джексон, что рано или поздно ты явишься, чтобы поторговаться за нее. Верни мой шлем, и, возможно, я отпущу ее. Ты ведь знаешь — она жива. Но только пока. Если я останусь недоволен тобой, все изменится.

Я вспомнил о жемчужинах, лежавших у меня в кармане. Может, они помогут мне. Если бы я только мог освободить маму...

— Ах, жемчужины, — с иронией протянул Аид, и кровь застыла у

меня в жилах. — Да, мой братец со своими маленькими фокусами... — Ну, доставай их, Перси Джексон.

Рука моя подчинилась и достала жемчужины.

— Всего три, — покачал головой повелитель мертвых. — Какая жалость! Надеюсь, ты понимаешь, что каждая защищает только одного. Ну, попытайся забрать свою маму, божок. И кого из своих друзей ты оставишь коротать вечность со мной? Давай. Выбирай. Или дай мне рюкзак и прими мои условия.

Я посмотрел на Аннабет и Гроувера. Они помрачнели.

— Нас обманули, — сообщил я им. — Ваше мнение.

— Да, но зачем? — спросила Аннабет. — А голос из ямы?..

— Пока не знаю, — ответил я. — Но попробую спросить.

— Решай, парень! — завопил Аид.

— Перси, — Гроувер положил руку мне на плечо, — только не отдавай ему жезл.

— Знаю.

— Я останусь, — сказал он. — А третью жемчужину дай маме.

— Нет!

— Мы сатиры. У нас нет души, как у вас, людей. Он может замучить меня до смерти, но никогда не получит меня навечно. Я просто реинкарнируюсь, скажем, в цветок. Это лучший выход.

— Нет. — Аннабет вытащила свой бронзовый нож. — Вы двое, идите. Гроувер, ты должен защищать Перси. Должен получить право на поиск и начать искать Пана. Забери отсюда его маму. Я вас прикрою. У меня есть план: я погибну в бою.

— Ни за что! — запротестовал Гроувер. — Я прикрою тылы.

— Подумай хорошенько, козленок, — улыбнулась Аннабет.

— Замолчите, вы оба! — Я чувствовал, будто сердце мое разрывается пополам.

Они оба прошли со мной через такие испытания! Я вспомнил, как Гроувер бомбардировал Медузу в саду статуй, как Аннабет спасла нас от Цербера; мы выжили, несмотря на ловушку Гефеста, на взрыв на верху Арки в Сент-Луисе и соблазны казино «Лотос». Мне тысячу миль не давала покоя мысль, что меня предаст друг, но эти друзья никогда не пошли бы на предательство. Они только и делали, что раз за разом спасали меня, а теперь были готовы погибнуть ради спасения моей мамы.

— Я знаю, что делать, — сказал я. — Вот, возьмите.

И дал каждому по жемчужине.

— Но, Перси... — распахнула глаза Аннабет.

Я повернулся к маме. Мне отчаянно хотелось пожертвовать собой и отдать последнюю жемчужину ей, но я знал, что она скажет. Она никогда не допустила бы этого. Я должен был вернуть жезл на Олимп и рассказать Зевсу правду. Я должен был предотвратить войну. Если бы вместо этого я спас ее, она не простила бы мне этого. Я подумал о пророчестве, которое услышал на Холме полукровок, — казалось, это случилось миллион лет назад. «В конце концов ты не сможешь спасти самое главное».

— Прости, — сказал я матери. — Я возвращаюсь. Я найду способ.

Самодовольная улыбка на лице Аида погасла.

— Божок?.. — спросил он.

— Я найду ваш шлем, дядя, — сказал я ему. — Я верну его. Не позабудьте о том, чтобы повысить зарплату Харону.

— Ты бросаешь мне вызов?..

— И не такая уж это обуза — время от времени поиграть с Цербером. Ему нравятся красные резиновые мячики.

— Перси Джексон, ты не...

— Пошли, ребята, скорее! — крикнул я.

Мы наступили на свои жемчужины. Момент был страшный — ничего не случилось.

— Уничтожьте их! — завопил Аид.

Воинство скелетов ринулось на нас, обнажив мечи и осыпая нас очередями из автоматов. Фурии метнулись, рассекая воздух огненными хлыстами.

Как только скелеты открыли огонь, обломки жемчужины у меня под ногами вспыхнули зеленым светом, повеяло свежим морским ветром. Вокруг меня сомкнулась млечно-белая сфера, оторвавшаяся от земли и устремившаяся вверх.

Аннабет и Гроувер следовали непосредственно за мной. Копья и пули, высекая искры, но не причиняя нам никакого вреда, расплющивались о жемчужные пузыри. Аид возопил так гневно, что замок сотрясся на своем фундаменте, и я понял, что ночь в Лос-Анджелесе будет бурной.

— Посмотрите вверх! — пронзительно крикнул Гроувер. — Мы разобьемся!

Действительно, мы стремительно неслись навстречу сталактитам, которые вот-вот пронзят наши пузыри и изменят направление полета.

— Как ты управляешь этими штуками? — выкрикнула Аннабет.

— Не думаю, что это возможно! — заорал я в ответ.

Мы истошно завопили, когда пузырьки врезались в потолок пещеры и... Наступила тьма.

Что, мы умерли?

Нет, я по-прежнему ощущал стремительное движение. Мы пронзали каменистую толщу так же легко, как пузырьки, поднимающиеся со дна океана. До меня дошло, в чем заключалась сила жемчужин. «Все, принадлежащее морю, в море же и вернется», — сказала nereida.

Несколько мгновений я ничего не видел за гладкими стенками своего пузыря, затем моя жемчужина разбилась об океанское дно. Две другие млечные сферы, где находились Аннабет и Гроувер, воспаряли к поверхности. И — ба-бах!

Мы вынырнули на поверхность посреди залива Санта-Моника, сбив с доски какого-то серфера, возмущенно крикнувшего нам:

— Идиоты!

Схватив Гроувера, я потянул его к спасательному буйку. Поймав Аннабет, я подтолкнул и ее туда же. Какая-то любопытная акула — большая, белая, футов одиннадцать в длину — описывала вокруг нас круги.

— Пошла прочь, — велел я ей.

Акула развернулась и поспешила восвояси.

Серфер пронзительно кричал вслед, что мы сумасшедшие придурки, и старался по-собачьи отплыть подальше.

Непонятно как, но мне удалось определить время: было раннее утро двадцать первого июня. День летнего солнцестояния.

Вдали полыхал Лос-Анджелес: дым пышными клубами вздымался над целыми кварталами по всему городу. Все верно — произошло землетрясение, и все по вине Аида. Возможно, в данную минуту он посылал войско своих мертвецов мне вдогонку.

Но сейчас царство мертвых не представлялось мне таким уж важным.

Надо добираться до берега. Надо доставить жезл Зевса обратно на Олимп. Но больше всего мне хотелось серьезно потолковать с богом, который обвел меня вокруг пальца.

Глава двадцатая

Я сражаюсь со своим придурочным родственником

Нас подобрал катер береговой охраны, но полицейские были слишком заняты, чтобы задерживать нас или пытаться выяснить, как трое подростков в городской одежде оказались посреди залива. Рации разрывались от экстренных звонков. Надо было справляться со стихийным бедствием.

Они высадили нас на пристани Санта-Моники, накинув нам на плечи полотенца, и умчались спасать других.

Одежда наша промокла насквозь, даже моя. Когда появился катер береговой охраны, я молча взмолился, чтобы, вытащив меня из воды, они не увидели, что я совершенно сухой, это могло бы вызвать некоторое недоумение. Так что я даже радовался, что с меня капает. Естественно, моя водонепроницаемая волшебная сила покинула меня. Я был босиком, потому что отдал свои тапочки Гроуверу. Уж лучше пусть береговая охрана задумается над тем, почему один из нас босой, чем — почему у другого копыта.

Добравшись до берега, мы, пошатываясь, побрели по пляжу, наблюдая за городским пожаром на фоне изумительного восхода. У меня появилось чувство, словно я только что воскрес из мертвых, — да так оно и было. Жезл Зевса тяжело оттягивал рюкзак. Но после свидания с матерью на сердце стало еще тяжелее.

— Просто не верится. — Аннабет слегка потряхивало. — Мы проделали такой путь, чтобы...

— Это была хитрость, — ответил я. — Стратегия, достойная Афины.

— Эй! — предостерегающе заметила Аннабет.

— Тебе что — еще не ясно?

— Теперь ясно. — Она опустила глаза, гнев ее поутих.

— А мне вот нет! — пожаловался Гроувер. — Может быть, кто-нибудь...

— Перси... — сказала Аннабет. — Мне так жаль твою маму. Так жалко...

Я притворился, что ничего не слышу. Если бы я стал говорить о матери, то расплакался бы, как ребенок.

— Пророчество сбылось, — объявил я. — «Ты отправишься на запад и встретишься с богом, который изменил». Но это был не Аид. Аид не хочет войны между Большой троицей. Кражу подстроил кто-то другой. Кто-то похитил жезл Зевса и шлем Аида, а потом подставил меня, потому что я сын Посейдона. Посейдона обвинят обе стороны. Сегодня на закате начнется тройственная война. И все из-за меня.

Гроувер покачал головой, окончательно сбитый с толку.

— Но кто этот подлый трус? Кому так не терпится начать войну?

— Дай-ка подумать...

Я остановился как вкопанный, глядя вперед.

Он поджидал нас, все в том же черном кожаном плаще и темных очках, алюминиевую бейсбольную биту он закинул на плечо. Мотоцикл тарахтел рядом, фара окрашивала песок в красный цвет.

— Привет, приятель, — сказал Арес, делая вид, что искренне рад видеть меня. — Тебе полагалось умереть.

— Ты обманул меня! — бросил ему я. — Ты украл шлем Аида и жезл повелителя.

— Но, по крайней мере, я украл их не собственными руками, — усмехнулся Арес. — Богам строго-настрого запрещено похищать чужие символы власти. Но ты не единственный из героев, которым свойственно заблуждаться.

— Кого ты использовал? Клариссу? Она была там во время зимнего солнцестояния.

— Какая разница? — Мое предположение, казалось, позабавило Ареса. — Главное в том, парень, что ты можешь помешать войне. Понимаешь, ты должен был погибнуть еще в царстве мертвых. Старый водяной вышел бы из себя, узнав, что Аид тебя убил. Вне себя был бы и Зевс, узнав, что нюхальщик трупов похитил его жезл. Аид, значит, все еще ищет вот это...

Арес достал из кармана маску — вроде тех, которые надевают грабители банков, — и положил ее между ручками мотоцикла. Маска тут же превратилась в украшенный искусной резьбой бронзовый боевой шлем.

— Шлем-невидимка, — выдохнул Гроувер.

— Точно, — кивнул Арес. — И при чем тут я? Аид возненавидит обоих — Зевса и Посейдона, потому что не знает, у кого из них шлем. Очень скоро нас ожидает знатное трехстороннее побоище.

— Но вы же одна семья! — протестующе воскликнула Аннабет.

— Самая хорошая война, — пожал плечами Арес, — всегда самая кровавая. Люблю повторять: нет ничего лучше, чем смотреть, как дерутся

родственники.

— Ты дал мне рюкзак в Денвере, — сказал я. — Жезл повелителя был там все это время?

— И да, и нет. Возможно, это слишком сложно для твоего смертного умишки, но рюкзак — это слегка видоизмененный футляр для жезла. Жезл связан с ножнами примерно так, как твой меч с тобой, парниша. Он ведь всегда оказывается у тебя в кармане?

Я не понимал, откуда Арес узнал про это, но предполагал, что бог войны должен знать все об оружии.

— Так или иначе, — продолжал Арес, — я тут немного баловался волшебством, так что жезл должен был вернуться в ножны, как только ты попадешь в царство мертвых. Ты стоишь совсем рядом с Аидом и тут... Бинго, получите и распишитесь! А если б ты погиб по пути — невелика потеря. Оружие было бы по-прежнему у меня.

— Но почему просто не оставить жезл повелителя себе? — спросил я. — Зачем посылать его Аиду?

Челюсть Ареса дернулась. Мне вдруг показалось, что он прислушивается к какому-то другому, внутреннему голосу.

— Почему я не... о да... с таким мощным оружием...

Он пребывал в трансе секунду... другую...

Мы с Аннабет тревожно переглянулись.

— Ну... мне не хотелось неприятностей. — Лицо Ареса просветлело. — Лучше было поймать тебя с поличным.

— Ты лжешь, — оборвал я. — Отправить жезл Аиду не твоя мысль.

— Конечно моя!

Из-под очков Ареса поднялся дым, словно они притягивали огонь, как линза.

— Приказ о краже отдал не ты, — настаивал я. — Кто-то другой послал героя украсть оба предмета. Потом, когда Зевс поручил тебе выследить его, ты поймал вора. Но не сдал его Зевсу. Кто-то убедил тебя отпустить его. Ты держал предметы при себе, ожидая, что другой герой придет и доставит их по назначению. Голос из ямы вертит тобой как хочет.

— Я — бог войны! Никто не смеет мне приказывать! И мне не снятся разные сны!

— Кто-нибудь тут говорил про сны? — поинтересовался я.

— Давай-ка вернемся к более насущным делам, приятель. — Арес кипел от возмущения, но старался скрыть это, напустив на себя угрюмый вид. — Ты жив. Я не могу допустить, чтобы ты вернул жезл на Олимп. Ты можешь заговорить зубы этим тупоголовым кретинам. Поэтому мне

придется тебя убить. Извини, ничего личного.

Бог войны щелкнул пальцами. Песок разлетелся у него из-под ног, и из-под земли вырвался кабан даже больше и уродливее, чем тот, голова которого висела над дверью домика номер семь в Лагере полукровок. Зверь рыл песок, свирепо глядя на меня крохотными глазками, опустив острые как бритва бивни и ожидая приказа убить меня.

— Сразись со мной сам, Арес. — Я отступил в полосу прибоя.

Он расхохотался, но в смехе его я различил легкую примесь... беспокойства.

— У тебя только один талант — убегать. Сбежал от Химеры. Сбежал из царства мертвых. Чего-то тебе явно не хватает.

— Что, трусишь?

— Сопли утри, пацан! — Темные очки бога войны стали понемногу плавиться от жара его глаз. — Правило гласит: никакого прямого вмешательства. Облом, парень. Ты не в моей весовой категории.

— Беги, Перси, — предупредила Аннабет.

Огромный кабан ринулся на меня.

Ну, я же был просто создан убегать от чудищ, посланных Аидом или Аресом, — от всех.

Как только вебрь бросился на меня, я отступил в сторону и снял колпачок с ручки. В моих руках оказался Анаклузмос. Я резко взмахнул им. Отрубленный правый бивень кабана упал к моим ногам, в то время как животное, утратив ориентацию, кинулось в море.

— Волна! — крикнул я.

И тут же неизвестно откуда в море возникла гигантская волна, которая спеленала вепря, словно одеялом. Тварь завизжала от ужаса. И исчезла, море поглотило ее.

Я обернулся к Аресу.

— Ну что, будешь драться? — спросил я. — Или предпочтешь выпустить на меня других своих поросят?

— Ну, гляди, парень. — Арес побагровел от ярости. — Я мог бы превратить тебя...

— В таракана, — подсказал я. — Или в ленточного червя. Не сомневаюсь. Это спасло бы твою божественную шкуру, чтобы тебя не высекли, да?

Языки пламени плясали поверх очков бога войны.

— Ну, держись. Действительно, нарываешься на то, чтоб мокрого места от тебя не осталось?

— Если я проиграю, можешь превратить меня в кого угодно. Можешь

взять жезл. Если же выиграю я, шлем и жезл будут моими и тебе придется убраться отсюда.

Арес злобно усмехнулся.

Он снял лежавшую у него на плече биту.

— Как тебе больше нравится, чтобы тебя уделали: в классическом стиле или в современном?

Я указал ему на свой меч.

— Отлично, покойничек! Будет тебе классика.

Бейсбольная бита в руках Ареса мигом превратилась в огромный двуручный меч. Эфес заменял большой серебряный череп, державший в зубах рубин.

— Перси. — Голос Аннабет дрогнул. — Не надо. Он все-таки бог.

— Он трус, — ответил я ей.

Аннабет проглотила комок в горле.

— Надень по крайней мере это. И удачи. — Она сняла ожерелье с бусинами и кольцом отца и повесила его мне на шею. — Мир, — провозгласила Аннабет. — Отныне Афина и Посейдон вместе.

Я почувствовал легкий жар прилившей к щекам крови, но изобразил улыбку.

— Спасибо.

— И это тоже возьми, — сказал Гроувер. Он дал мне расплюснутую жестяную банку, которую, вероятно, хранил в кармане тысячи миль. — Сатиры — за тебя.

— Гроувер... Даже не знаю, как благодарить.

Он легонько хлопнул меня по плечу. Я сунул банку в задний карман.

— Ну что, попрощался? — Арес двинулся на меня, полы его черного кожаного плаща волочились по песку, меч ярко, подобно огню, блестел в лучах восходящего солнца. — Я сражаюсь уже целую вечность, парень. Моя сила безгранична, и я не могу умереть. Ну, что?

«Комплекс неполноценности», — подумал я, но промолчал.

Я стоял в волнах прибоя, чуть попятившись и зайдя в воду до лодыжек. И вспомнил, что когда-то сказала Аннабет в денверском ресторане: «Арес силен. Но это все, что у него есть. Иной раз силе приходится поклониться мудрости».

Бог войны нанес рубящий удар сверху вниз, метя мне в голову, но меня уже не было на прежнем месте.

Тело думало за меня. Вода, казалось, выталкивала меня, и я, как выброшенный из катапульты, пролетел над Аресом и, приземляясь, полоснул его клинком. Но Арес оказался проворным. Он извернулся и

кончиком эфеса отвел удар, который должен был прийтись ему прямо в спину.

— Неплохо, неплохо, — усмехнулся бог войны.

Он рубанул снова, и мне пришлось выскочить из воды. Я постарался сделать шаг в сторону, чтобы снова зайти в воду, но Арес, казалось, разгадал мои намерения. Он предпринял обходной маневр и обрушился на меня с такой силой, что мне пришлось предельно сосредоточиться, чтобы не дать разрубить себя на куски. Я продолжал пятиться от накатывавшихся волн, выжидая, пока Арес раскроется и я смогу атаковать. Его меч был на несколько футов длиннее Анаклузмоса.

«Иди на сближение, — однажды сказал мне Лука во время урока фехтования. — Если твой клинок короче, иди на сближение».

Я шагнул навстречу и сделал выпад, но Арес ожидал этого. Он выбил клинок у меня из рук и ударил кулаком в грудь. Я взлетел в воздух на двадцать, возможно, тридцать футов. И сломал бы себе спину, не упав на мягкий песок дюны.

— Перси! — пронзительно вскрикнула Аннабет. — Копы!

В глазах у меня двоилось. По груди, казалось, ударили таранным бревном, но я, преодолевая боль, встал.

Я не мог упустить из виду Ареса, боясь, что он разрубит меня напополам, но краешком глаза заметил красные мигалки на прибрежном бульваре. Дверцы машины тяжело хлопнули.

— Вон там, офицер! — завопил кто-то. — Видите?

— Похож на того парня из телевизора... — ответил хриплый голос полицейского. — Какого дьявола...

— Парень вооружен, — предупредил его напарник. — Вызывай подкрепление.

Я перекатился с боку на бок, и меч Ареса вспорол песок.

Подбежав к отлетевшему в сторону мечу, я поднял его и ударил Ареса в лицо, но добился лишь того, что он снова отразил мой выпад. Казалось, бог войны точно знает, что я собираюсь делать, за мгновение до того, как я заносил руку.

Пришлось отступить к полосе прибоя, вынуждая его следовать за собой.

— Учти, парнишка, — сказал Арес. — Надежды у тебя никакой. Я просто с тобой играю.

Чувства мои обострились до предела. Только теперь я понял, что имела в виду Аннабет, сказав, что люди с нарушенной психикой за счет этого часто выживают в бою. Каждая клеточка моего тела была начеку, я

замечал малейшие детали.

Я знал, где именно Арес будет атаковать. Мог сказать, как и куда он ударит. В то же время я не упускал из виду Аннабет и Гроувера, державшихся футах в тридцати левее. Я увидел, как, завывая сиреной, подъехала вторая патрульная машина. Зрители, люди, болтавшиеся на улицах из-за землетрясения, стали собираться кучками. Мне показалось, что в толпе я увидел нескольких существ, похожих на переодетых сатиров, которые передвигались странной трусцой. Мерцающие духи парили вокруг, словно мертвые восстали из Аида, чтобы наблюдать за битвой. Я услышал где-то в вышине хлопанье кожистых крыльев.

Сигналя, подъезжали новые машины.

Я зашел дальше в воду, но и Арес не медлил. Острие его меча разрезало мне рукав и оцарапало руку.

Полицейский голос, усиленный мегафоном, скомандовал:

— Бросьте пистолеты! Положите их на землю. Немедленно!

Пистолеты?

Я взглянул на оружие Ареса, отливавшее на солнце; порой оно казалось пистолетом, порой — двуручным мечом. Я не знал, что именно люди видят у меня в руках, но был на все сто уверен, что им это не очень-то нравится.

Арес обернулся, чтобы обжечь взглядом зевак, что позволило мне на минутку перевести дух. Теперь полицейских машин было уже пять, и офицеры, присев за ними, наставили на нас свои пистолеты.

— Это личные счеты! — проревел Арес. — Убирайтесь!

Он взмахнул рукой, и волна красного пламени прокатилась по патрульным машинам. Полицейские едва успели отскочить подальше, прежде чем их автомобили взорвались. Толпа с воплями бросилась врассыпную.

— Ну что, маленький герой, — громогласно расхохотался Арес. — Пора устроить из тебя шашлык.

Он рубанул длиннющим мечом. Я отразил его клинок. Потом подобрался достаточно близко и попытался нанести обманный удар, но он парировал его. Сейчас волны били мне в спину. Арес уже находился по бедра в воде, бредя за мной по мелководью.

Я почувствовал ритм волн, которые становились все больше, по мере того как надвигался прилив, и вдруг меня осенило.

«Маленькие волны», — подумал я.

И вода за моей спиной, казалось, слегка попятилась. Я удерживал прилив силой воли, но давление росло — так пузырьки газа стягиваются к

пробке.

Арес надвигался, самоуверенно усмехаясь. Я опустил клинок, словно у меня не осталось сил продолжать поединок.

«Подожди», — обратился я к океану.

Теперь давление едва позволяло мне удерживаться на ногах. Арес занес меч. Высвободив всю силу прилива, я подпрыгнул, перемахнув через противника на гребне волны.

Шестифутовая стена воды наотмашь ударила его по лицу; теперь Аресу пришлось чертыхаться и выплевывать водоросли. Я плюхнулся позади него и сделал вид, что хочу нанести удар в голову, как уже делал раньше. Арес вовремя обернулся и занес свой меч, но на этот раз он был сбит с толку и не успел заранее отреагировать на хитрость. Я изменил направление, бросился в сторону и воткнул свой меч прямо в воду, пронзив пяту бога войны.

Раздался такой рев, что землетрясение Аида по сравнению с ним выглядело пустяком. Само море попятилось от Ареса, оставив круг влажного песка метров пятьдесят шириной.

Ихор, золотая кровь богов, выплеснулась из отверстия в сапоге бога войны. Выражение лица Ареса нельзя даже было назвать ненавистью. Смесь боли, шока и абсолютное неверие в то, что он может быть ранен.

Бог войны заковылял навстречу мне, бормоча древнегреческие проклятия. Но что-то остановило его.

Казалось, будто солнце заволокло тучами, но на деле все обстояло хуже. Свет померк. Звуки и цвета поблекли. Нечто тяжелое, леденящее пронеслось над пляжем, замедлив течение времени, резко понизив температуру и заставив меня почувствовать, что жизнь лишена надежды, а борьба бесполезна.

От земли подымалась тьма.

Арес ошеломленно застыл.

За нами полыхали полицейские машины. Зрители разбежались. Аннабет и Гроувер стояли на берегу, потрясенно следя за тем, как вода обтекает ноги Ареса и золотистый ихор растворяется в пене прилива.

Арес опустил меч.

— Ты нажил себе врага, божок, — сказал он мне. — Ты подписал себе приговор. Всякий раз, когда ты будешь заносить меч в битве, надеясь на успех, ты ощутишь силу моего проклятия. Берегись, Персей Джексон. Берегись.

Тело его начало светиться.

— Перси! — крикнула Аннабет. — Не смотри!

Я отвернулся, чтобы не видеть, как бог Арес принимает свое подлинное бессмертное обличье. Почему-то я знал, что если посмотрю, то обращусь в пепел.

Свечение погасло.

Я обернулся. Ареса не было. Волна прибоя подкатила ко мне бронзовый шлем тьмы Аида. Подобрав его, я пошел навстречу своим друзьям.

Но не успел я дойти до них, как услышал хлопанье кожистых крыльев. Три зловещие бабули в кружевных шляпках, с безжалостными хлыстами в руках спланировали из поднебесья и опустились передо мной.

Стоявшая посередине фурия, некогда миссис Доддз, выступила вперед. Она оскалилась, но впервые вид ее не был устрашающим. Скорее, она выглядела разочарованной, как будто собиралась поужинать мной, но передумала, решив, что я вызову у нее несварение желудка.

— Мы видели все от начала до конца, — прошипела она. — Значит... это действительно был не ты?

Я швырнул ей шлем, который она с трепетом подхватила.

— Верни это повелителю Аиду, — сказал я. — Скажи ему правду. Скажи, чтобы он приказал отменить войну.

Фурия задумалась, затем провела раздвоенным языком по зеленым кожистым губам.

— Удачи тебе в жизни, Перси Джексон. Стань настоящим героем. Потому что, если ты им не станешь, лучше никогда не попадайся мне в когти...

Она каркнула, видимо смакуя эту мысль. Потом вместе с сестрами поднялась вверх на кожистых мышинных крыльях и, захлопав ими, исчезла в дымном небе.

Я присоединился к Аннабет и Гроуверу, которые с изумлением смотрели на меня.

— Перси... — покачал головой Гроувер. — Это было просто невероятно...

— Просто ужас! — выдохнула Аннабет.

— Потрясно, — поправил ее Гроувер.

Я не испытывал никакого ужаса. И потрясным мне это не казалось. Я был уставшим, злым и чувствовал себя как выжатый лимон.

— Вы почувствовали это... что это было? — спросил я.

Оба тревожно кивнули.

— Должно быть, это фурии, — предположил Гроувер.

Однако я в этом сомневался. Что-то не позволило Аресу убить меня, а

сила, способная на это, куда страшнее фурий.

Я посмотрел на Аннабет, и она ответила мне понимающим взглядом. Теперь я знал, что там, в этой яме, что за существо разговаривало у входа в Тартар.

Забрав свой рюкзак у Гроувера, я заглянул внутрь. Жезл повелителя был на месте. Из-за такой маленькой вещи чуть не разразилась третья мировая война.

— Мы должны вернуться в Нью-Йорк сегодня к вечеру, — сказал я.

— Это невозможно, — ответила Аннабет. — Если только мы не...

— Полетим, — согласился я.

— Лети. — Аннабет пристально посмотрела на меня. — Лети самолетом, хотя тебя предупреждали, чтобы ты никогда не делал этого, если не хочешь, чтобы Зевс сбил тебя, да еще с таким оружием, которое будет помощнее термоядерной бомбы.

— Именно, — сказал я. — В этом все и дело. Пошли.

Глава двадцать первая

Я выполняю обязательство

Забавно, как люди умеют обволакивать происходящее разными хитросплетениями слов, подгоняя его под собственную версию реальности. Хирон еще в школе говорил мне об этом. И, как обычно, я оценил его мудрость намного позже.

Если верить каналам новостей Лос-Анджелеса, причиной взрыва на пляже в Санта-Монике стал выстрел, произведенный по патрульной машине выжившим из ума похитителем детей. Он по чистой случайности попал в выхлопную трубу, лопнувшую во время землетрясения.

Псих-похититель (имелся в виду Арес) и был тем самым человеком, который похитил меня и двух других подростков в Нью-Йорке и провез через всю страну, устроив нам ужасную десятидневную одиссею.

В конце концов выяснилось, что бедный маленький Перси Джексон вовсе не международный преступник. Он стал причиной беспорядков в автобусе «грейхаунд», пытаясь вырваться из лап человека, захватившего его вместе с друзьями (и позже нашлось немало свидетелей, которые клялись, что видели в автобусе мужчину в кожаном плаще — «Как же я не припомнил этого раньше?»). Безумец также спровоцировал взрыв Арки в Сент-Луисе. В конце концов, ребенок на такое не способен. Встревоженная официантка в Денвере, которая видела, как тот же мужчина угрожал похищенным, попросила друга сделать фото через витрину и уведомила полицию. Наконец, отважный Перси Джексон (мне начинал нравиться этот парень!) в Лос-Анджелесе украл пистолет у своего похитителя и устроил с ним перестрелку на морском берегу. Полиция прибыла как раз вовремя. Последовал живописный взрыв, уничтоживший пять патрульных машин, но похитителю удалось бежать. Эта драматическая история имела счастливый конец. Сейчас Перси Джексон и двое его друзей находятся в безопасности под присмотром доблестных копов.

Двое репортеров скормили нам всю эту невероятную чушь. Мы только кивали, рыдали, изображали крайнюю степень истощения (что было просто) и вообще разыгрывали перед камерами детей, ставших жертвами насилия.

— Я хочу только одного, — сказал я, подавляя рыдания, — снова увидеть моего любимого отчима. Каждый раз, когда я видел его по

телевизору и он называл меня отъявленным преступником, я понимал... мне трудно объяснить это... что с нами все будет в порядке. И я знаю, что он хотел бы вручить в виде вознаграждения, бесплатно, какое-нибудь электронное устройство из своего магазина всем жителям прекрасного города Лос-Анджелеса. Вот номер его телефона.

Полиция и репортеры так растрогались, что пустили шапку по кругу и собрали деньги на три билета на ближайший рейс до Нью-Йорка.

Я понимал, что надо лететь — иного выхода нет. Я надеялся, что Зевс сделает мне поблажку, учитывая обстоятельства. Но все равно пришлось силой заставить себя сесть в самолет.

Взлет получился кошмарный. Древнегреческие чудовища не шли ни в какое сравнение с обрушившимися на нас потоками турбулентности. Я впился ногтями в подлокотники своего кресла и сидел так, пока мы не приземлились в Ла Гуардиа. Местная пресса поджидала нас, прорвавшись сквозь оцепление, но мы ускользнули от них благодаря Аннабет, которая отвлекла репортеров, надев свою кепку-невидимку и восклицая: «Вон они, пошли за мороженым!» — а потом присоединилась к нам в пункте получения багажа.

Разделились мы на стоянке такси. Я попросил Аннабет и Гроувера вернуться на Холм полукровок и рассказать Хирону, что произошло. Они стали возражать, и было нелегко убедить их после всего, что мы пережили вместе, но я понимал, что должен сам завершить свой поиск. Если все пойдет плохо, если боги не поверят мне... мне хотелось, чтобы Аннабет с Гроувером выжили и рассказали Хирону правду.

Сев в такси, я направился на Манхэттен.

* * *

Полчаса спустя я входил в холл Эмпайр-стейт-билдинг.

Должно быть, в обносках, с расцарапанным лицом я смахивал на бродягу. И не спал я по меньшей мере сутки.

Подойдя к охраннику, я сказал:

— Шестисотый этаж.

Он читал толстую книгу с изображением волшебника на обложке. Я не большой любитель фэнтези, но книга, вероятно, была хорошая, потому что охранник не сразу оторвался от нее и посмотрел на меня.

— Нет такого этажа, малыш.

— Мне нужна аудиенция у Зевса.

— Что? — Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и улыбнулся.

— Вы все прекрасно слышали.

Я уже было решил, что парень — обыкновенный смертный и лучше мне поскорее сбежать отсюда, пока он не вызвал бригаду из психушки, когда он сказал:

— Никаких приемов, никаких аудиенций, пацан. Повелитель Зевс не желает видеть никого без предварительной записи.

— О, я думаю, что для меня он сделает исключение.

Я сбросил с плеч рюкзак и открыл верхнюю молнию.

Охранник посмотрел внутрь, на металлический цилиндр, и только через несколько секунд понял, что это такое...

— Так это... — Он побледнел.

— Именно, — подтвердил я. — Вы хотите, чтобы я ушел с ним и...

— Нет! Нет! — Он поспешно поднялся со своего кресла, пошарил по столу в поисках карточки и дал ее мне.

— Вставишь это в прорезь блока безопасности. Удостоверься, что, кроме тебя, в лифте никого нет.

Так я и поступил. Как только дверцы лифта сомкнулись, я вставил карточку в прорезь. Она исчезла, и на пульте загорелась новая красная лампочка шестисотого этажа.

Я нажал ее и приготовился к длительному ожиданию.

Приглушенно играла музыка. «С неба капая капли дождя...»

Наконец лифт звякнул. Двери разъехались. Я вышел из лифта и чуть не заработал инфаркт.

Я стоял на узкой каменной пешеходной дорожке, подвешенной в воздухе у подножия винтовой лестницы. Внизу расстилался Манхэттен. Я смотрел на него с высоты птичьего полета. Беломраморные ступени сквозь облака уходили в небо. Мой взгляд пробежал по ступеням до самого конца, и там я увидел то, во что мой разум отказывался поверить.

«Посмотри снова», — мысленно приказал я себе.

Зрение упорно настаивало на своем. Там действительно было *нечто*.

Из облаков вздымалась усеченная вершина горы, на ней лежал снег. Со всех сторон к горе на разных уровнях лепилось множество дворцов — целый город особняков, — перед входом в них высились портики с белыми колоннами, золоченые террасы и бронзовые жаровни, горевшие тысячами огней. Извилистые дороги беспорядочно поднимались к вершине, где на белоснежном фоне ослепительно сиял самый большой дворец. Призрачные висячие сады изобиловали оливами и розами. Я различил рынок под

открытым небом, где теснились разноцветные шатры, каменный амфитеатр, пристроенный с одной стороны горы, и ипподром и Колизей — с другой. Это был древнегреческий город, только не лежавший в развалинах. Он был новый, чистый, красочный — такими, наверное, Афины выглядели две с половиной тысячи лет назад.

«Здесь не может этого быть», — сказал я себе.

Вершина горы, нависающая над Нью-Йорком, как астероид весом в миллиард тонн? Как такое могло парить в воздухе над Эмпайр-стейт-билдинг, на виду у миллионов людей, и оставаться незамеченным?

Но так было. И я находился здесь.

Подъем на Олимп я помню как в тумане. Дриады хихикали и бросались в меня оливками из своего сада. Рыночные торговцы предлагали мне амброзию на палочке и блестящую, только что сотканную копию золотого руна, какую показывали по TV Гефеста. Девять муз настраивали свои инструменты перед концертом в парке, меж тем вокруг собиралась небольшая толпа — сатиры, наяды и обладающие приятной внешностью подростки, которые вполне могли быть младшими богами и богинями. Надвигающаяся гражданская война, казалось, никого не беспокоила. Все пребывали в праздничном настроении. Несколько слушателей обернулись, завидев меня, и принялись перешептываться.

Я взбирался по главной дороге, ведущей к большому дворцу на вершине. Это была обратная копия дворца в царстве мертвых. Там все — черное и бронзовое. Здесь все сверкало белизной и отливало серебром.

Я понял, что Аид, должно быть, выстроил свой дворец так, чтобы он напоминал дворец Зевса. Его не особенно-то жаловали на Олимпе, приглашая только на период зимнего солнцестояния, поэтому он построил под землей собственный Олимп. Несмотря на неудачную встречу с ним, мне было даже немного жаль этого парня. Быть изгнанным отсюда казалось верхом несправедливости. Это способно озлобить кого угодно.

Ступени вели в центральный двор. За ним располагался тронный зал.

Впрочем, зал — не совсем точно сказано. По сравнению с ним Центральный вокзал Нью-Йорка казался просто слегка прибранной кладовкой. К куполу потолка вздымались могучие колонны, украшенные позолоченными движущимися созвездиями. Двенадцать тронов, выстроенных для существ ростом с Аида, были расположены перевернутым «U», как домики в Лагере полукровок. В центральном камине потрескивал и полыхал огонь. Троны пустовали, за исключением двух в самом конце зала: главный трон справа и еще один, стоявший рядом, слева. Мне не нужно было объяснять, кто эти два бога, сидящие на своих

тронах в ожидании, пока я приближусь. Я подошел к ним, коленки у меня дрожали.

Боги приняли гигантское человеческое обличье, как Аид, но я едва мог смотреть на них, не чувствуя звона в ушах, тело мое горело огнем. На Зевсе, повелителе богов, было одеяние в темно-синюю полоску. Он сидел на массивном платиновом троне без всяких украшений. У него была аккуратно подстриженная борода, черная с проседью, как грозовое облако. Гордое, мужественное и мрачное лицо, серые глаза под цвет неба, собирающегося разразиться дождем. По мере моего приближения к нему воздух начинал все сильнее потрескивать, явственно запахло озоном.

Сидевший рядом с ним бог, несомненно, был его братом, но одежды их сильно разнились. Он напомнил мне бродягу из Ки-Уэста. Кожаные сандалии, бермудские шорты хаки и пляжная рубашка от Томми Багама, вся разукрашенная кокосовыми орехами и попугаями. Кожа покрыта густым загаром, руки — все в шрамах, как у старого рыбака. Волосы у брата Зевса были черные, как у меня. На лице — то же самое печально-задумчивое выражение, из-за которого меня всегда клеймили как мятежную личность. Но глаза, тоже цвета морской волны, окружали морщинки, что говорило о том, что он много и часто улыбался.

Его трон представлял собой кресло рыбака, который занимается глубоководным ловом. Оно было вращающееся, без затей и обтянуто черной кожей с чехлом для удочки. Вместо удочки из чехла торчал бронзовый трезубец, на его остриях вспыхивали зеленые огоньки.

Боги сидели неподвижно, молча, но в воздухе чувствовалось напряжение, словно они только что закончили спорить.

Приблизившись к трону рыбака, я преклонил колени и пробормотал:
— Отец!

Взглянуть на него я не решался. Сердце мое отчаянно билось. Я ощущал энергию, исходившую от обоих. Если я скажу что-нибудь не то, они мигом испепелят меня.

Зевс, оказавшийся слева от меня, заговорил первым:

— А не следовало бы тебе, мальчик, сначала обратиться к хозяину этого дома?

Я ждал, не поднимая головы.

— Пожалуйста, брат, — сказал наконец Посейдон. Голос его пробудил во мне старые-престарые воспоминания: теплое сияние, которое я помнил ребенком, рука бога, приложенная к моему лбу. — Мальчик подчиняется отцу. Это правильно.

— Значит, ты до сих пор утверждаешь, что это твой сын? — грозно

спросил Зевс. — Ребенок, которого ты зачал вопреки нашей священной клятве?

— Я признаю, что поступил неправильно, — ответил Посейдон. — Теперь я хочу услышать, что он скажет.

Неправильно.

В горле у меня застрял комок. Так что же я такое? Неправильность? Плод божественной ошибки?

— Я уже простил его однажды, — прогрохотал Зевс. — Он осмелился лететь через мои владения. Мне следовало бы низвергнуть его с небес за дерзость.

— И рискнуть своим жезлом повелителя? — спокойно спросил Посейдон. — Давай сначала выслушаем его, брат.

Зевс проворчал что-то невнятное.

— Я выслушаю, — заявил он. — А потом решу, сбросить этого мальчишку с Олимпа или нет.

— Персей, — сказал Посейдон. — Взгляни на меня.

Я посмотрел на него и не могу сказать наверняка, что именно увидел. На лице Посейдона не было очевидных проявлений любви и одобрения. Ничего, что могло бы придать мне мужества. Это все равно что смотреть на океан. Иногда можно сказать, в каком он настроении, однако по большей части его трудно понять, настолько он загадочен.

У меня появилось чувство, что Посейдон действительно не знает, что обо мне думать. Он не понимал, рад ли тому, что у него есть сын, или нет. Станным образом я был доволен этой отстраненностью Посейдона. Если бы он попытался извиниться или сказать, что любит меня, или просто улыбнуться, это выглядело бы фальшиво. Как у смертного отца, который, запинаясь, извиняется за долгую отлучку. В общем, отчужденность я переживу. В конце концов, я, так или иначе, никогда не был в нем уверен.

— Обращайся к повелителю Зевсу, мальчик, — произнес Посейдон. — Расскажи ему все.

И вот я рассказал Зевсу все в точности, как оно происходило. Я вынул металлический цилиндр, от которого в присутствии бога небес полетели искры, и положил его к ногам Зевса.

Наступило длительное молчание, нарушаемое только потрескиванием дров в камине.

Зевс протянул раскрытую ладонь. Жезл громовержца лег в нее. Когда повелитель богов сжал кулак, металлические концы вспыхнули электрическими разрядами, и то, что он держал, превратилось в классическую молнию, двадцатифутовый дротик, с шипением источавший

энергию, от которой волосы у меня встали дыбом.

— Чувствую, мальчик говорит правду, — пробормотал Зевс. — Но чтобы Арес пошел на такое... это на него совсем не похоже.

— Он горд и порывист, — сказал Посейдон. — Это у нас в роду.

— Повелитель? — осмелился позвать я.

— Да? — ответили оба.

— Арес действует не в одиночку. Кто-то — или что-то — подало ему эту мысль.

Я описал свои сны и чувство, охватившее меня на берегу, моментальное дуновение зла, от которого мир, казалось, замер и которое удержало Ареса от того, чтобы покончить со мной.

— В снах, — сказал я, — голос велел мне принести жезл в царство мертвых. Арес намекал, что ему тоже кое-что снилось. Думаю, его использовали так же, как и меня, чтобы начать войну.

— Итак, ты наконец обвиняешь Аида? — спросил Зевс.

— Нет, — ответил я. — Я предстал перед Аидом, повелитель Зевс. Но то чувство на берегу было совсем иное. То же самое я почувствовал, когда приблизился к яме. К входу в Тартар. Что-то могущественное и злое мечется там, внизу... что-то более древнее, чем сами боги.

Посейдон переглянулся с Зевсом. Они быстро обменялись несколькими фразами на древнегреческом. Я уловил только одно слово: «Отец».

Посейдон начал что-то излагать, но Зевс прервал его. Посейдон принялся спорить. Зевс сердито поднял руку.

— Об этом больше не может быть и речи, — сказал он. — Я самолично отправлюсь на Лемнос, дабы в его водах очистить жезл громовержца от прикосновения смертных.

Зевс поднялся и взглянул на меня. Выражение его лица слегка смягчилось.

— Ты оказал мне услугу, мальчик. Немногие герои смогли бы совершить подобное.

— Мне помогали друзья, сэр, — сказал я, — Гроувер Ундервуд и Аннабет Чейз...

— Дабы явить тебе свою благодарность, дарую тебе жизнь. Я не доверяю тебе, Персей Джексон. Мне не нравится то, что означает твое появление для будущего Олимпа. Но во имя мира в семье оставляю тебя в живых.

— Хм... спасибо, сэр.

— Не пробуй летать снова. И я не хочу обнаружить тебя здесь, когда

вернусь. Иначе ты отведаешь этого жезла. Это будет последнее, что ты почувствуешь.

Удар грома потряс дворец. Ослепительная вспышка — и Зевс исчез.

Я остался в тронном зале наедине с отцом.

— У твоего дяди всегда была тяга к драматическим эффектам, — вздохнул Посейдон. — Думаю, он был бы неплох в роли покровителя театра.

Повисла неловкая пауза.

— Сэр, — спросил я, — что было в яме?

— Так ты не догадался?

Посейдон внимательно посмотрел на меня.

— Кронос, — ответил я. — Повелитель титанов.

Даже в тронном зале Олимпа, вдалеке от Тартара, имя Кроноса сгустило сумерки в зале, остудило пламя камина, согревавшее мне спину.

Посейдон сжал трезубец.

— В Первой войне, Перси, Зевс разрубил своего отца Кроноса на тысячу кусочков, так же как Кронос поступил со своим отцом, Ураном. Зевс бросил останки Кроноса в самую темную яму Тартара. Войско титанов было рассеяно, их крепость на горе Этне разрушена, их чудовищных союзников разметали по самым удаленным уголкам Земли. И все же титаны бессмертны, точно так же как и мы, боги. То, что осталось от Кроноса, по-прежнему живо в каком-то омерзительном виде, по-прежнему сознает свою вечную муку, по-прежнему алчет власти.

— Он исцеляется, — сказал я. — Он грядет.

— Время от времени, через века, Кронос проявляет признаки жизни. — Посейдон сокрушенно покачал головой. — Он вторгается в кошмары людей и навевает им злые мысли. Он пробуждает неутомимых монстров из глубин. Но совсем другое — предположить, что он может восстать из ямы.

— Но именно это он намерен сделать, отец. Так он сказал.

— Повелитель Зевс положил конец спорам по этому поводу, — сказал Посейдон после долгого молчания. — Он не позволяет даже говорить о Кроносе. Ты завершил свой поиск, дитя мое. Это все, что от тебя требовалось.

— Но... — Я оборвал сам себя. Спорить все равно без толку. Скорей всего, это лишь разгневает единственного бога, который был на моей стороне. — Как... как пожелаете, отец.

Слабая улыбка заиграла на губах Посейдона.

— Послушание дается тебе нелегко, правда?

— Да... сэр.

— Полагаю, в этом доля и моей вины. Море не любит сдержанности. — Он поднялся во весь свой рост и взял трезубец. Затем мерцание окутало его, и он превратился в обычного человека, стоявшего прямо напротив меня. — Ты должен идти, дитя мое. Но прежде знай, что твоя мать вернулась.

— Мама? — Я ошеломленно уставился на него.

— Она дома. Аид отослал ее, когда ты вернул его шлем. Даже повелитель мертвых платит долги.

Сердце мое гулко заколотилось в груди. Я просто не мог поверить.

— А вы... может быть?..

Я хотел спросить, не пойдет ли Посейдон со мной, чтобы повидаться с нею, но потом понял, что это было бы нелепо. Достаточно было представить, как я усаживаю бога морей в такси и везу его в Верхний Ист-Сайд. Если бы все эти годы он хотел взглянуть на маму, он бы это сделал. К тому же надо было подумать о Вонючке Гейбе.

Во взгляде Посейдона появилась легкая грусть.

— Когда вернешься домой, Перси, ты должен сделать важный выбор. В комнате у тебя лежит сверток.

— Сверток?

— Сам поймешь, когда увидишь. Никто не может выбрать за тебя твой путь, Перси. Ты должен решить сам.

Я кивнул, хотя не понимал, что он имеет в виду.

— Среди прочих женщин твоя мать — королева, — мечтательно произнес Посейдон. — За тысячи лет я впервые встретил такую смертную женщину. И все же... мне жаль, что ты появился на свет. Я навлек на тебя судьбу героя, а герой никогда не бывает счастлив. Его жизнь всегда заканчивается трагически.

Я постарался не показать, что задет его словами. Передо мной стоял мой собственный отец, который говорил, что жалеет о моем рождении.

— Не стоит беспокоиться, отец.

— Возможно, пока еще нет. Пока нет, — произнес он. — Но это была непростительная ошибка с моей стороны.

— Стало быть, я ухожу. — Я неуклюже поклонился. — Я... я не буду вас больше беспокоить.

Я успел спуститься на пять ступеней, когда Посейдон окликнул меня.

— Персей!

Я обернулся. Теперь глаза его горели иным светом — чем-то вроде пылкой гордости.

— Ты поступил хорошо и справился со всем как должно, Персей. Пойми меня правильно. Что бы ты ни делал в дальнейшем, знай, что ты — мой. Ты истинный сын бога морей!

Когда я шел обратно через город богов, разговоры прекратились. Музы приостановили концерт. Люди, сатиры и наяды, все как один, повернулись ко мне, лица их выражали уважение и благодарность, и, когда я проходил мимо, они преклоняли колени, словно я и вправду был какой-нибудь герой.

* * *

Через четверть часа, все еще пребывая в трансе, я вновь оказался на улицах Манхэттена.

Я поймал такси, которое довезло меня до дома матери, позвонил в дверь, и она открыла мне — моя прекрасная мама, пахнущая перечной мятой и лакрицей. Усталость и тревога исчезли с ее лица, как только она увидела меня.

— Перси! Боже! Мой мальчик!

Она тормозила меня, не давая перевести дух. Мы стояли в коридоре, мама плакала и, не переставая, ерошила мне волосы.

Признаюсь, мой взгляд тоже слегка затуманился. Я весь дрожал, испытывая невероятное облегчение при виде нее.

Мама рассказала, как утром появилась в квартире, до полусмерти перепугав Гейба. Она ничего не помнила с той минуты, когда Минотавр схватил ее, и не могла поверить, когда Гейб стал рассказывать, что меня разыскивают как преступника, разъезжающего по стране и взрывающего объекты национального достояния. Весь день она была вне себя от волнения, потому что не слышала новостей. Гейб вынудил маму пойти на работу, сказав, что ей надо возместить месячное жалованье и лучше, если она начнет прямо сейчас.

Подавив гнев, я рассказал ей свою историю. Я постарался, чтобы она звучала не такой пугающей, какой была на самом деле, но это далось мне непросто. Я как раз начал рассказывать о схватке с Аресом, когда в гостиной раздался голос Гейба.

— Эй, Салли! Ну, как там, мясная запеканка готова?

Мама зажмурила глаза.

— Он вряд ли обрадуется тебе, Перси. В магазин сегодня миллион раз звонили из Лос-Анджелеса... что-то насчет бесплатных поставок электроники.

— Ах да. Это...

— Только не зли его еще больше, ладно? — Мама заставила себя слабо улыбнуться. — Ну, ступай.

За месяц моего отсутствия квартира полностью превратилась в среду обитания Вонючки Гейба. Слой мусора на ковре доходил мне до лодыжек. Диван был завален пивными банками. С абажура свисали грязные носки и нижнее белье.

Гейб и трое его дружков-головорезов, сидя за столом, играли в покер.

Когда Гейб увидел меня, сигара выпала у него изо рта. Лицо его стало краснее помидора.

— Так ты еще осмелился сюда заявиться, шпаненок! Я думал, что полиция...

— В конце концов выяснилось, что он никакой не беглец, — вмешалась мама. — Разве это не замечательно, Гейб?

Гейб переводил взгляд с матери на меня. Мое возвращение явно не казалось ему замечательным.

— Мало того, что мне пришлось вернуть твою страховку, Салли, — прорычал он. — Дай-ка мне телефон. Я позвоню копам.

— Нет, Гейб!

— Что ты сказала? Нет? — Он поднял брови. — Думаешь, я пущу эту шпану обратно? Я еще подам на него в суд за то, что он разбил мой «камаро».

— Но...

Гейб занес руку, мать вздрогнула и отступила.

Впервые я кое-что понял. Гейб избивал мою мать. Не знаю, когда и как. Но теперь я был в этом уверен. Может, это длилось годами, когда меня не было поблизости.

В груди у меня закипел гнев. Я подошел к Гейбу, инстинктивно достав из кармана ручку.

Он только рассмеялся.

— Что, хочешь расписаться на мне, дрянь уличная? Только дотронься, и уже не вылезешь из тюрьмы, понял?

— Эй, Гейб, — вмешался его дружок Эдди. — Это всего лишь пацан.

Гейб возмущенно посмотрел на него и передразнил фальцетом:

— Всего лишь пацан.

Его дружки расхохотались, как придурки.

— Давай по-хорошему, гаденьш. — Гейб оскалил свои прокуренные зубы. — Даю тебе пять минут собрать свое барахло — и выметайся. Потом я позвоню в полицию.

— Гейб! — взмолилась мама.

— Он сбежал, — ответил Гейб. — Пусть и остается в бегах.

У меня руки чесались снять колпачок с Анаклузмаса, но, даже сделай я это, лезвие не причинило бы ущерб человеку. Даже такой подонок, как Гейб, все же считался человеком.

— Пожалуйста, Перси. — Мать взяла меня за руку. — Пошли. Пошли к тебе в комнату.

Я позволил ей увести себя, руки мои все еще дрожали от ярости.

Моя комната была забита отбросами, которые натащил сюда Гейб. Тут валялись использованные автомобильные аккумуляторы, какие-то провода, железки и увядший букет цветов с карточкой, который в знак сочувствия прислал ему кто-то из видевших его интервью с Барбарой Уолтерс.

— Гейб просто расстроен, милый, — сказала мне мама. — Я поговорю с ним позже. Уверена, что все уладится.

— Мам, уладить ничего не удастся. По крайней мере, пока Гейб здесь.

Она нервно заломила руки.

— Я могу... Я буду брать тебя с собой на работу до конца лета. Осенью, может быть, удастся устроиться еще в какую-нибудь школу-интернат...

— Мам...

— Я пытаюсь, Перси. — Она опустила глаза. — Просто мне... нужно некоторое время.

На моей кровати появился сверток. По крайней мере, я мог поклясться, что минутой раньше он тут не лежал.

Это была помятая картонная коробка размером примерно с баскетбольный мяч. Адрес на почтовой табличке был написан моей рукой.

Богам

Гора Олимп

600-й этаж Эмпайр-стейт-билдинг

Нью-Йорк с наилучшими пожеланиями от Перси Джексона

На крышке черным маркером, уверенным и четким мужским почерком, значился адрес нашей квартиры и слова: «ВЕРНУТЬ ОТПРАВИТЕЛЮ».

Вдруг я понял, о чем Посейдон говорил мне на Олимпе.

Коробка. Решение.

«Что бы ты ни сделал в дальнейшем, знай, что ты — мой. Ты истинный сын бога морей».

Я посмотрел на мать.

— Мам, ты хочешь, чтобы Гейб ушел?

— Перси, это не так просто, я...

— Мам, скажи. Этот недоумок бил тебя? Так ты хочешь, чтобы он ушел, или нет?

Она не могла решиться сразу, затем едва заметно кивнула.

— Да, Перси. Хочу. И все набираюсь храбрости сказать ему. Но ты не можешь сделать это для меня. Тебе не разрешить мои проблемы.

Я заглянул в коробку.

Нет, я мог разрешить ее проблему. Мне захотелось разорвать коробку, шмякнуть ее на покерный столик и достать содержимое. Я мог бы завести свой собственный сад статуй прямо в гостиной.

«Так поступали греческие герои в мифах, — подумал я, — и Гейб этого заслуживает».

Но судьба героя всегда трагична. Мне сказал это сам Посейдон.

Я вспомнил царство мертвых. Я представил, как дух Гейба навсегда отправляется в Поля асфodelей или подвергается какой-нибудь омерзительной пытке за колючей проволокой Полей наказания — вечный игрок в покер, сидящий по пояс в кипящем масле, слушает оперную музыку. Был ли я вправе отправить туда кого-нибудь? Даже Гейба?

Месяц назад я не колебался бы. Но теперь...

— Я могу это сделать, — сказал я маме. — Один взгляд в эту коробку — и он уже никогда больше не побеспокоит тебя.

Мама посмотрела на коробку и, казалось, мгновенно все поняла.

— Нет, Перси, — произнесла она, отступая на шаг. — Ты не можешь...

— Посейдон назвал тебя королевой, — сказал я. — Говорил, что не встречал такой женщины уже тысячу лет.

— Перси... — Ее щеки окрасились румянцем.

— Ты заслуживаешь лучшего, мам. Ты должна пойти в колледж, получить степень. Сможешь написать свой роман, а возможно, встретишь симпатичного парня, будешь жить в красивом доме. Тебе больше не нужно защищать меня, оставаясь с Гейбом. Позволь мне избавиться от него.

— Ты говоришь точь-в-точь как отец. — Она утерла слезу, скатившуюся по щеке. — Однажды он предложил ради меня остановить прилив. Предложил построить для меня дворец на дне морском. Он думал, что может решить все мои проблемы одним мановением руки.

— Ну и что в этом плохого?

Ее прекрасные, меняющие цвет глаза, казалось, хотят проникнуть мне в душу.

— Я думаю, ты поймешь, Перси. Думаю, ты достаточно любишь меня, чтобы понять. Если моя жизнь хоть чего-то стоит, я должна прожить ее сама. Я не могу позволить богу заботиться обо мне... или моем сыне. Я должна... черпать мужество в себе. Твой поиск напомнил мне об этом.

Мы прислушались к стуку фишек для покера и ругательствам, доносившимся из гостиной вперемешку со звуками телевизора.

— Я оставлю коробку, — сказал я. — Если он посмеет еще хоть раз угрожать тебе...

Мама побледнела, но кивнула:

— Куда теперь, Перси?

— На Холм полукровок.

— На лето... или навсегда?

— Пока не знаю.

Взгляды наши скрестились, и я почувствовал, что мы пришли к соглашению. Посмотрим, как будут обстоять дела к концу лета.

— Ты станешь героем, Перси. — Мама поцеловала меня в лоб. — Самым великим.

Я в последний раз оглядел свою спальню. У меня возникло чувство, что я никогда больше ее не увижу. Затем пошел с матерью к входной двери.

— Что, уже покидаешь нас, шпаненок? — издевательски крикнул мне вдогонку Гейб. — Скатертью дорога.

Я ощутил последний укол сомнения. Как мог я упустить такой великолепный шанс отомстить ему? Я уходил, и мне так и не удалось спасти маму.

— Эй, Салли, — завопил Гейб. — Как там насчет мясной запеканки?

Гнев вспыхнул в глазах матери, на мгновение в них появилось что-то стальное, и я подумал, что, вполне возможно, оставляю ее в хороших руках. В ее собственных руках.

— Мясная запеканка вот-вот поспеет, дорогой, — ответила она Гейбу. — Запеканка-сюрприз.

Мама посмотрела на меня и подмигнула.

Последнее, что я увидел прежде, чем дверь за мной захлопнулась, это как мама в упор разглядывает Гейба, словно представляя, как он будет выглядеть в роли садовой скульптуры.

Глава двадцать вторая

Пророчество сбывается

Мы были первыми героями, которые живыми вернулись на Холм полукровок со времен Луки, поэтому, конечно же, все обращались с нами так, словно мы победили в каком-нибудь телевизионном реалити-шоу. Согласно традициям лагеря, мы надели лавровые венки на большой праздник, готовившийся в нашу честь, затем возглавили шествие к костру, где нам предстояло сжечь саваны, которые обитатели домиков сшили в наше отсутствие.

Саван Аннабет получился таким красивым — серый шелк, расшитый совами, — что я сказал ей: просто стыдно не сжечь ее в нем. Она хорошенько стукнула меня и посоветовала, чтобы я заткнулся.

Так как я был сыном Посейдона, то соседей по домику у меня не имелось, поэтому домик Ареса добровольно вызвался сшить для меня саван. Взяв старую простыню, они намалевали по краям улыбающиеся рожицы с выпученными глазами, а посередине большими буквами вывели слово «НЕУДАЧНИК».

Жечь его было забавно.

Домик Аполлона затеял показательный урок пения, а меня окружили мои старые приятели из домика Гермеса, друзья Аннабет, родственники Афины и сатиры Гроувера, восхищавшиеся его новенькими правами на поиск, которые он получил от Совета козлоногих старейшин. Совет назвал участие Гроувера в нашем поиске «отважным вплоть до несварения желудка и ни с чем не сравнимым».

Единственными, кто не разделял всеобщее праздничное настроение, были Кларисса и ее приятели по домику, чьи ядовитые взгляды яснее ясного давали мне понять, что они никогда не простят мне позора, которому я подверг ее отца.

По мне, так все шло просто отлично.

Даже приветственная речь Диониса не смогла испортить мне настроения.

— Итак, наш маленький хулиган не дал прикончить себя, и теперь извилин у него станет побольше. Уррра! Что касается остального — лодочных гонок в эту субботу не будет...

Я вернулся в домик номер три, но чувства одиночества как не бывало.

Днем я тренировался со своими друзьями, а по ночам не спал, прислушиваясь к шуму волн, зная, что мой отец где-то там, неподалеку. Может, он не был вполне уверен во мне, может, даже жалел, что я родился, но он следил за мной. И пока гордился тем, что я совершил.

Что касается матери, то у нее появился шанс начать новую жизнь. Через неделю после возвращения в лагерь я получил от нее письмо. Она писала, что Гейб загадочно исчез — по сути, с лица Земли. О том, что он пропал, мама заявила в полицию, но у нее было странное предчувствие, что им никогда его не найти.

Безотносительно к вышеупомянутому событию мама продала какому-то коллекционеру (через художественную галерею в Сохо) свою первую бетонную скульптуру в натуральную величину, которая называлась «Игрок в покер». За это она выручила столько, что смогла отложить на новую квартиру и внесла плату за первый семестр обучения в Нью-Йоркском университете. Галерейщики из Сохо требовали от нее новых работ в стиле, который окрестили «значительным шагом вперед в уродливом неореализме».

«Но не волнуйся, — писала мама, — со скульптурой покончено. Я выбросила коробку с инструментами, которую ты оставил. Пора возвращаться к сочинительству».

Внизу она сделала приписку: «Перси, я нашла здесь, в городе, хорошую частную школу. Я внесла деньги, чтобы сохранить за тобой место, на случай если ты захочешь записаться в седьмой класс. Жить ты бы мог дома. Но если хочешь круглый год провести на Холме полукровок, я пойму».

Я аккуратно сложил записку и оставил ее на прикроватном столике. Каждый вечер, прежде чем лечь спать, я перечитывал ее и никак не мог решиться, что ответить матери.

* * *

Четвертого июля весь лагерь собрался на берегу посмотреть фейерверки, которые устраивал девятый домик. Будучи детьми Гефеста, они не собирались останавливаться на жалких красно-бело-синих шутках. Они поставили на якорь барку недалеко от берега и загрузили ее всякими прибабасами размером с боевые ракеты «Патриот». По словам Аннабет, уже видевшей это шоу, взрывы последуют друг за другом вплотную, так что, к восторгу зрителей, в небе появится нечто вроде

мультипликационного фильма. Предполагалось, что в финале должен был появиться стофудовой высоты спартанский воин, который с треском оживет над океаном, будет сражаться, а потом взорвется миллионом разных красок.

Когда мы с Аннабет расстилали одеяло для пикника, к нам подошел попрощаться Гроувер. На нем, как обычно, были джинсы, футболка и кроссовки, но за последние несколько недель он намного повзрослел и выглядел почти как старшеклассник. Козлиная борода сатира стала гуще. Он набрал вес. Рожки выросли по меньшей мере на дюйм, так что теперь ему приходилось постоянно носить кепку, чтобы сойти за человека.

— Вот, уезжаю, — сказал он. — Просто зашел сказать... ну, вы сами знаете что.

Я понимал, что надо радоваться за него. В конце концов, сатир не каждый день получает разрешение на поиски великого бога Пана. Но прощаться было тяжело. Я знал Гроувера всего год, и все же он был моим самым старым другом.

Аннабет крепко обняла его. Сказала, чтобы он не снимал свои бутафорские конечности.

Я спросил, куда он направится первым делом.

— Это маленькая тайна, — смущенно ответил Гроувер. — Хотелось бы мне, чтобы вы пошли со мной, ребята, но люди и Пан...

— Мы понимаем, — сказала Аннабет. — Банок взял достаточно?

— Да-а.

— А тростниковые дудочки не забыл?

— Черт возьми, Аннабет, — проворчал Гроувер, — ты как старая мама-коза.

Но досады в его словах не было.

Сатир крепко сжал свой посох и перекинул через плечо рюкзак. И стал похож на любителя езды «автостопом», каких можно во множестве увидеть на американских дорогах, — от плюгавого мальчишки, которого я привык защищать в Йэнси, не осталось и следа.

— Что ж, — вздохнул Гроувер. — Пожелайте мне удачи.

И в свою очередь крепко обнял Аннабет. Хлопнув меня по плечу, он направился в дюны.

В небе над нами стали взрываться фейерверки: Геракл, убивающий Немейского льва, Артемида, преследующая вепря, Джордж Вашингтон (который, кстати, был сыном Афины), пересекающий Делавер.

— Эй, Гроувер, — окликнул я его.

Он обернулся, остановившись на краю леса.

— Куда бы ты ни пошел, надеюсь, там готовят хорошие энчилады.

Гроувер усмехнулся и пошел дальше, деревья сомкнулись за ним.

— Мы еще увидимся с ним, — сказала Аннабет.

Хотелось бы верить. Но тот факт, что из отправившихся на поиски за две тысячи лет не вернулся ни один... нет, я решил про это не думать. Гроувер будет первым. Просто обязан.

* * *

Миновал июль.

Я проводил дни, придумывая новую тактику захвата флага и заключая союзы с другими домиками, чтобы вырвать знамя из рук отпрысков Ареса. Мне впервые удалось вскарабкаться на стенку для скалолазания и не обжечься лавой.

Время от времени я проходил мимо Большого дома, посматривал на чердачные окна и думал об оракуле. При этом я старался убедить себя, что его пророчество свершилось окончательно.

«Ты отправишься на запад и встретишься с богом, который изменил».

Да, все так и случилось: я был там и сделал это, пусть даже богом-предателем оказался Арес, а не Аид.

«Ты найдешь украденное и вернешь его в целости и сохранности».

В точку. Жезл повелителя доставлен по назначению. Шлем тьмы водружен на голову Аида.

«Ты будешь предан тем, кто называет тебя своим другом».

Это изречение до сих пор не давало мне покоя. Арес притворялся моим другом, но затем предал меня. Должно быть, оракул имел в виду это...

«И в конце концов ты не сможешь спасти самое главное».

Мне не удалось спасти маму, но только потому, что я предоставил ей самой спасти себя, и я знал, что поступил правильно.

Так почему же мне все еще не по себе?

* * *

Последний вечер летнего сезона настал очень быстро.

Обитатели лагеря в последний раз ужинали вместе. Мы сожгли часть нашего ужина, принеся жертву богам. У костра старшие воспитатели вручали награды — бусины, которые можно будет подвесить к своему

ожерелью.

Меня наградили кожаным ожерельем, и, когда я увидел на нем бусину, полученную за первое лето, был рад, что в пламени костра не видно, как я покраснел. Бусина была черная как смоль, с мерцавшим посередине трезубцем цвета морской волны.

— Выбор был сделан единогласно, — провозгласил Лука. — Эта бусина увековечивает пребывание в лагере первого сына бога морей и поиск, который он предпринял в глубинах царства мертвых, чтобы остановить войну!

Весь лагерь поднялся на ноги и разразился приветственными криками. Даже домик Ареса был вынужден встать. Домик Афины выставил вперед Аннабет, чтобы она могла получить свою долю аплодисментов.

Не уверен, чтобы я когда-нибудь был одновременно так счастлив и так печален, как в тот момент. Наконец-то я обрел семью, людей, которые заботились обо мне и считали, что хоть что-то я сделал правильно. А на завтра большинство из них уедет на целый год.

* * *

На следующее утро я нашел на прикроватном столике официальное письмо.

Я понял, что письмо писал Дионис, поскольку он упрямо перевирал мое имя.

Дорогой Питер Джонсон!

Если вы намерены оставаться в Лагере полукровок круглый год, то обязаны уведомить об этом Большой дом к полудню сего дня. Если вы не заявите о ваших намерениях, мы вынуждены будем предположить, что вы съехали из домика или погибли ужасной смертью. Уборщицы-гарпии начнут работу на заходе солнца. Им даны полномочия пожрать любого незарегистрированного обитателя лагеря. Все предметы личного пользования, которые вы оставите, будут сожжены в потоке лавы.

Приятного времяпрепровождения!

Мистер Д. (Дионис),

Директор лагеря, утвержденный Олимпийским

Еще один симптом моей дефективности. Любые угрозы ничего не значат для меня, пока они не становятся действительно неотвратимыми, пока не наступает критическое время. Лето закончилось, а я так и не ответил ни матери, ни руководству лагеря, где собираюсь остаться. Теперь у меня было всего несколько часов, чтобы решить.

На первый взгляд решение напрашивалось само собой. Девять месяцев тренироваться на героя или девять месяцев просиживать штаны в классе — да о чем думать?

Но надо было считаться и с мамой. Впервые у меня появилась возможность прожить вместе с ней целый год без Гейба. Возможность быть дома, а в свободное время — шляться по городу. Я вспомнил, как Аннабет сказала еще очень давно, во время нашего поиска: «Монстры обитают в реальном мире. Вот где ты можешь узнать, на что годишься».

Я вспомнил о судьбе Талии, дочери Зевса. Призадумался о том, сколько монстров нападут на меня, как только я покину Холм полукровок. Если я буду жить в одном месте весь учебный год и рядом не будет Хирона или моих друзей, чтобы помочь мне, доживем ли мы с матерью до следующего лета? Это если меня не прикончат тесты на правописание и сочинения на пять страниц. Я решил пойти на арену и попрактиковаться в фехтовании. Может быть, тогда в голове что-то прояснится.

Тренировочные площадки лагеря стояли пустые, мерцая в августовском мареве. Все обитатели лагеря находились у себя в домиках, складывая вещи, или носились с метлами и швабрами, готовясь к последней проверке. Аргус помогал детям Афродиты затаскивать чемоданы от «Гуччи» и наборы всевозможной косметики на холм, где дожидался челночный автобус лагеря, чтобы отвезти их в аэропорт.

«Рано еще думать о том, чтобы уезжать, — сказал я себе. — Просто потренируйся».

Выйдя на арену для фехтовальщиков, я обнаружил, что Луке пришла в голову та же самая мысль. Его спортивная сумка валялась на краю помоста. Он работал один, с завываниями бросаясь на чучела в доспехах, орудуя мечом, которого я никогда не видел у него прежде. Это, должно быть, был обычный стальной клинок, потому что Лука срубал чучелам головы и пронзал их набитые соломой внутренности. Его оранжевая футболка воспитателя пропотела насквозь, а выражение лица было такое напряженное, будто его жизни действительно грозила опасность. Я заморожено наблюдал, как он вспорол животы целому ряду чучел, отсекая

им члены и превращая в груды соломы и доспехов.

Это были всего лишь чучела, но я не мог не испытывать благоговения перед мастерством Луки. Парень — невероятный боец. И я вновь задумался над тем, как же он мог провалить свой поиск.

Наконец он заметил меня и остановился на полузамахе.

— Перси!

— Прости, — смущенно ответил я. — Я просто...

— Порядок, — кивнул он, опуская меч. — В последнюю минуту решил попрактиковаться.

— Эти чучела уже никому не доставят неприятностей.

— Соорудим новые к будущему лету, — пожал плечами Лука.

Теперь, когда он перестал размахивать мечом, я заметил, что меч этот какой-то странный. Клинок состоял из двух разных металлов — одна кромка была бронзовая, другая — стальная.

Лука заметил, что я гляжу на лезвие.

— Ах, это? Новая игрушка. Коварный Меч.

— Коварный Меч?

Лука повернул лезвие, и оно ярко и опасно вспыхнуло на свету.

— С одной стороны здесь небесная бронза, с другой — закаленная сталь. Может разрубить и смертного, и бессмертного.

Я вспомнил, что сказал мне Хирон в самом начале моего поиска: герой никогда не нанесет вреда смертным без абсолютной необходимости.

— Я и не знал, что они могут делать такое оружие.

— Они, может, и не могут, — согласился Лука. — Этот такой... один в своем роде.

Он едва заметно улыбнулся, затем вложил меч в ножны.

— Слушай, я как раз тебя искал. Как насчет того, чтобы последний раз сходить в лес — найти, с кем бы подраться.

Сам не понимаю почему, но меня охватила нерешительность. Мне следовало бы почувствовать облегчение, что Лука так по-дружески общается со мной. С тех пор как я вернулся после поисков жезла, он держался немного отчужденно. Я боялся, что он мог обидеться, поскольку мне уделяли столько внимания...

— Думаешь, это хорошая мысль? — спросил я. — То есть...

— Ой, брось, пошли. — Порывшись в сумке, он вытащил упаковку из шести банок колы. — Напитки за мой счет.

Я уставился на банки с колой, ломая голову, где, черт побери, он мог их взять. В магазинчике лагеря не продавалась даже обычная содовая, какую пьют смертные. Протащить ее контрабандой было тоже

маловероятно, разве что обратиться к какому-нибудь сатиру.

Разумеется, волшебные кубки за ужином наполнялись по твоему желанию, но вкус все равно был не такой, как у настоящей колы из банки.

Сахар и кофеин. Я не устоял.

— Давай, — согласился я. — Почему бы и нет?

Мы углубились в лес, криками вызывая какое-нибудь чудище, с которым можно сразиться, но было слишком жарко. Все здравомыслящие монстры, должно быть, проводили сиесту в своих уютных, прохладных пещерах.

Мы нашли тенистое место возле ручья, где я сломал копье Клариссы во время первой игры за обладание флагом. Потом уселись на большом валуне, выпили колы и стали смотреть на солнечный свет, падавший сквозь ветви деревьев.

— Скучаешь по приключениям? — спросил Лука немного погодя.

— Да, скучаю, — признался я. — А ты?

— Когда монстры набрасываются на тебя чуть не на каждом шагу? Шутишь? — Лука поднял бровь. По лицу его пробежала тень.

Я привык слышать от девчонок, какой Лука красавчик, но сейчас он выглядел усталым, сердитым, и вид у него был далеко не геройский. Его светлые волосы на солнце казались седоватыми. Шрам на лице выглядел глубже, чем обычно. Я представил его стариком.

— Я жил на Холме полукровок круглый год с четырнадцати лет, — сказал он. — С тех пор как Талия... ну, да ты знаешь. Все время я проводил в упражнениях. Я никогда не был нормальным подростком там, в реальном мире. Потом они подбросили мне одно задание, один поиск, а когда я вернулся, то сказали что-то вроде: «Ладно, хватит путешествий. Живи, наслаждайся жизнью».

Он смял свою банку из-под колы и швырнул в ручей, что, по правде сказать, поразило меня. Одно из первых правил, которое усваиваешь, попадая в Лагерь полукровок: «Не мусори». Нимфы и наяды тебя вычислят. Они умели сводить счеты. Забравшись к себе в постель как-нибудь вечером, ты обнаруживал, что простыни вымазаны в грязи и кишат сороконожками.

— Черт с ними, с лавровыми венками, — сказал Лука. — Я не собираюсь превращаться в пыльный трофей с чердака Большого дома.

— Звучит так, будто ты собрался уезжать.

— О да, я уезжаю, все о'кей, Перси. — Лука улыбнулся мне кривой улыбкой. — Привел тебя сюда попрощаться.

Он щелкнул пальцами. Огонек прожег отверстие в земле у моих ног.

Оттуда выползло нечто черное и блестящее, размером примерно с мою руку. Скорпион.

Я потянулся за ручкой.

— Не советую, — предупредил Лука. — Скорпионы, которые живут в ямах, могут подпрыгивать на пятнадцать футов. Его жало может насквозь пронзить твою одежду. Через шестьдесят секунд ты — покойник.

— Лука, что...

И тут меня осенило.

«Ты будешь предан тем, кто называет себя твоим другом».

— Ты. — Я посмотрел ему в глаза.

Лука спокойно встал и отряхнул джинсы.

Скорпион не обращал на него никакого внимания. Он не сводил с меня черных глаз-бусинок и, цепляясь своими клешнями, забрался на мою кроссовку.

— Я много чего в жизни повидал, Перси, — сказал Лука. — Разве ты не чувствовал этого — тьма сгущается, монстры становятся сильнее? Разве ты не понял, как все это бессмысленно? Все герои — пешки в руках богов, не более. Их должны были бы свергнуть еще тысячелетия назад, но они держатся благодаря нам, полукровкам.

— Лука, ты говоришь о наших родителях! — Я не верил своим глазам и ушам.

Он расхохотался.

— Выходит, я должен их за это любить? Их ненаглядная «западная цивилизация» — это болезнь, Перси. Она убивает мир. Помешать этому можно, только если сжечь все дотла и начать с чего-нибудь более честного.

— Ты сумасшедший, как Арес.

— Арес — дурень, — ответил Лука, сверкнув глазами. — Он никогда не понимал, кому на самом деле служит. Будь у меня время, Перси, я мог бы объяснить. Но, боюсь, жить тебе осталось недолго.

Скорпион заполз на мою штанину. Должен быть какой-то выход! Мне нужно время, чтобы подумать.

— Кронос, — сказал я. — Вот кому ты служишь.

Вокруг похолодало.

— Осторожней с именами, — предупредил Лука.

— Кронос подрядил тебя украсть жезл и шлем. Он обращался к тебе в твоих снах.

— С тобой он тоже разговаривал, Перси. — У Луки задергалось веко. — Надо было слушать внимательнее.

— Он промывал тебе мозги, Лука.

— Ошибаешься. Он указал мне, что таланты мои пропадают зря. Знаешь, на поиски чего я отправился два года назад, Перси? Мой отец Гермес хотел, чтобы я похитил золотое яблоко из сада Гесперид и вернул его на Олимп. Зная, насколько я подготовлен, он не мог придумать ничего лучшего.

— Непростое задание, — заметил я. — Оно удалось Гераклу.

— Верно, — согласился Лука. — Какую славу можно снискать, если повторяешь то, что уже сделали другие? Все боги знают, как сделать так, чтобы повторить прошлое. У меня к этому сердце не лежало. Вот след, который оставил дракон в саду, — он сердито указал на свой шрам, — а когда я вернулся, то оказалось, что достоин лишь жалости. Я хотел разрушить Олимп камень за камнем прямо тогда, но решил выждать подходящий момент. Я стал размышлять о Кроносе. Он убедил меня похитить нечто особенное, то, на что не хватило мужества у других героев. Когда нас повезли на экскурсию в зимнее солнцестояние, пока все спали, я прокрался в тронный зал и взял жезл Зевса прямо с кресла. А заодно — и шлем Аида. Ты не поверишь, как это было просто. Олимпийцы такие самонадеянные; им даже и во сне не приснится, что кто-то осмелится что-то у них украсть. Служба безопасности у них отвратительная. Я успел проехать половину Нью-Джерси, когда услышал раскаты грома и понял, что они обнаружили пропажу.

Скорпион устроился на моем колене, не сводя с меня поблескивающих глазок. Я постарался, чтобы голос мой звучал ровно.

— Тогда почему же ты не принес эти предметы Кроносу?

Улыбка Луки поблекла.

— Я... я переоценил себя. Зевс послал своих сыновей и дочерей — Артемиду, Аполлона, моего отца Гермеса — на поиски украденного жезла. Но поймал меня Арес. Я мог бы одолеть его, но был недостаточно осторожен. Он разоружил меня, отнял символы власти и пригрозил вернуть их на Олимп, а меня сжечь заживо. Затем я услышал голос Кроноса, который научил меня, что делать дальше. Я внушил Аресу мысль о великой войне между богами. Сказал, что ему придется всего-навсего ненадолго припрятать украденное и поглядеть, как будут сражаться другие. У Ареса появился нехороший блеск в глазах. Я понял, что он клюнул. Он отпустил меня, и я вернулся на Олимп, прежде чем кто-либо заметил мое отсутствие. — Лука вынул свой новый меч, провел большим пальцем по плоской стороне клинка, словно замороженный его красотой. — После этого повелитель титанов... он... он наслал на меня кару в виде кошмаров. Я поклялся, что не провалю дело снова. Когда я вернулся в Лагерь

полукровок, во сне мне было сказано, что прибудет второй герой, которого можно будет обдурить и обманным путем доставить жезл и шлем от Ареса в Тартар.

— Адскую гончую в ту ночь в лесу призвал ты?

— Мы должны были убедить Хирона, что лагерь — небезопасное место для тебя, чтобы он отправил тебя на поиски. Мы должны были подтвердить его опасения, что Аид гонится за тобой. И у нас все получилось.

— Крылатые туфли были прокляты. — Я размышлял вслух. — Все было задумано так, чтобы они утащили меня вместе с рюкзаком в Тартар.

— Они и утащили бы, если бы их носил ты. Но ты отдал их сатиру, что не входило в план. Гроувер портит все, к чему ни прикоснется. Он даже проклятие сбил с толку.

Лука посмотрел на скорпиона, который перебрался ко мне на бедро.

— Тебе следовало бы умереть в Тартаре, Перси. Но не переживай, я оставлю с тобой своего маленького друга, и все уладится.

— Талия отдала жизнь, спасая тебя, — сказал я, стиснув зубы. — И вот чем ты отплатил ей.

— Не говори о Талии! — воскликнул Лука. — Боги дали ей умереть! Эта смерть — лишь малая часть того, за что им придется расплачиваться.

— Тебя уже использовали, Лука. Вас с Аресом, обоих. Не слушай Кронаса.

— Использовали *меня*? — В голосе Луки появились истерические нотки. — Лучше на себя посмотри! Разве твой отец хоть что-нибудь сделал для тебя? Кронос восстанет. Ты всего лишь приостановил наши планы. Он швырнет олимпийцев в Тартар и загонит человечество обратно в пещеры. Всех, кроме самых сильных, — тех, кто служит ему.

— Прогони своего клопа, — сказал я. — Если ты так силен, сразись со мной сам.

— Отлично, Перси, отлично, — улыбнулся Лука. — Но я не Арес. И на твою удочку не клюну. Мой повелитель ожидает меня и хочет поручить мне еще множество дел.

— Лука...

— Пока, Перси. Грядет новый Золотой век. Ты не будешь его частью.

Он вложил меч в ножны и исчез в пульсациях тьмы.

Скорпион бросился на меня.

Я смахнул его рукой и сорвал колпачок с меча. Тварь снова кинулась на меня, и я рассек ее напополам в воздухе.

Я уже собирался поздравить себя с успехом, пока не посмотрел на

руку. На ладони остался широкий красный рубец, и он, дымясь, сочился густой, липкой жидкостью. Тварь все же достала меня!

Кровь зашумела в ушах. Перед глазами все поплыло.

«Вода, — подумал я. — Она исцеляла меня прежде».

Пошатываясь, я подошел к ручью и опустил руку в воду, но ничего не произошло. Яд был слишком силен. У меня потемнело в глазах. Я еле держался на ногах.

«Шестьдесят секунд», — сказал Лука.

Я должен вернуться в лагерь. Если я потеряю сознание здесь, моим телом поужинает какое-нибудь чудовище. И никто никогда не узнает, что случилось.

Ноги налились свинцом. Лоб горел. Я, пошатываясь, побрел к лагерю, по пути спугнув дриад. — Помогите, — прохрипел я. — Пожалуйста...

Две нимфы взяли меня под руки и повели. Помню, как мы вышли на прогалину, какой-то воспитатель громко звал на помощь, кентавр протрубил в раковину.

Затем наступила тьма.

* * *

Когда я очнулся, во рту у меня была соломинка для коктейлей. Через нее я тянул что-то, по вкусу напоминавшее шоколадное печенье. Нектар.

Я открыл глаза.

Я полулежал на кровати в лазарете Большого дома, моя перебинтованная правая рука напоминала дубинку. Аргус в роли охранника стоял в углу. Аннабет сидела рядом, поддерживая стакан с нектаром и прикладывая полотенце к моему лбу.

— Вот мы и снова здесь, — прошептал я.

— Идиот, — отозвалась Аннабет, и я догадался, как она рада, что я пришел в сознание. — Ты был весь зеленый, и кожа твоя понемногу становилась серой, когда мы тебя нашли. Если бы не искусство Хирона...

— Ну вот еще, — произнес голос Хирона. — Просто у Перси здоровая конституция.

Он сидел в изножье моей кровати в человеческом облике, вот почему я не сразу заметил его. Нижняя часть его туловища волшебным образом превратилась в инвалидную коляску, верхняя щеголяла в пиджаке и при галстуке. Он улыбался, но лицо у него было усталое и бледное, как когда он ночами разбирал наши латинские опусы и ставил оценки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Как будто нутро мое сначала заморозили, а потом прожарили в микроволновке.

— Сносно, если учесть, что это был яд подземного скорпиона. Теперь, если можешь, ты должен в точности рассказать мне, что случилось.

Прихлебывая нектар, я поведал им все.

В комнате надолго воцарилась тишина.

— Я не могу поверить, что Лука... — Аннабет осеклась. Выражение лица у нее было разгневанное и опечаленное. — Да. Да. Я могу поверить в это. Возможно, боги проклинали его... После своего похода он так изменился.

— Обо всем этом надо рассказать на Олимпе, — пробормотал Хирон. — Отправляюсь туда немедленно.

— Но сейчас Лука где-то здесь, — сказал я. — Я должен разыскать его.

— Нет, Перси, — покачал головой Хирон. — Боги...

— ...не захотят даже говорить о Кроносе, — оборвал его я. — Зевс объявил вопрос закрытым!

— Я понимаю, Перси, это нелегко. Но ты не должен сейчас же бросаться мстить. Ты не готов.

Мне это не понравилось, но отчасти я подозревал, что Хирон прав. Достаточно было взглянуть на мою руку, как становилось ясно, что я еще долго не смогу держать меч.

— Хирон... пророчество, полученное вами от Оракула... оно ведь было о Кроносе? А что он сказал про меня? Про Аннабет?

Хирон возвел глаза к потолку.

— Перси, я не могу...

— Вам велели ничего не рассказывать мне, не так ли?

Взгляд его стал сочувственным, но печальным.

— Ты будешь великим героем, дитя мое. Я подготовлю тебя как можно лучше. Но, если я правильно представляю лежащий перед тобой путь...

В небе прогрехотал гром, в окнах задрожали стекла.

— Хорошо! — крикнул Хирон. — Прекрасно!

Затем последовал вздох отчаяния.

— У богов свои причины, Перси. Плохо знать слишком много о своем будущем.

— Мы не можем просто сидеть и ничего не делать, — возразил я.

— Мы не будем просто сидеть, — пообещал Хирон. — Но ты должен быть осторожен. Кронос хочет, чтобы ты ослабел. Он хочет разрушить твою жизнь, затуманить твои мысли страхом и гневом. Не поддавайся ему. Терпеливо тренируйся. Твой час придет.

— Это если я проживу достаточно долго.

— Ты должен доверять мне, Перси, — сказал Хирон, кладя руку на мою лодыжку. — Ты будешь жить. Но сначала ты должен решить, каким путем последуешь в будущем году. Я не могу подсказать тебе правильный выбор...

У меня возникло чувство, что у Хирона сложилось вполне определенное мнение и лишь крайним усилием воли он удерживается оттого, чтобы дать мне совет.

— ...но ты должен решить, останешься ли в Лагере полукровок на весь год или вернешься в мир смертных, в седьмой класс, и будешь приезжать только на лето. Подумай об этом. К моему возвращению с Олимпа я хочу услышать твое решение.

Я хотел сказать, что не согласен. Хотел еще задать ему вопросы. Но по выражению лица Хирона понял, что дискуссия окончена: он сказал все, что мог.

— Постараюсь вернуться побыстрее, — пообещал кентавр. — Аргус проследит за тобой. — Он мельком посмотрел на Аннабет. — Ах да, моя дорогая... как только пригодишься, они будут здесь.

— Кто они? — спросил я.

Ответа не последовало.

Хирон выкатился из комнаты. Я услышал, как колеса его кресла осторожно съезжают по главной лестнице.

Аннабет внимательно разглядывала лед на дне моего стакана.

— Что-то не так? — спросил я ее.

— Да нет, ничего. — Она поставила стакан на стол. — Я... я просто вспомнила об одном твоём совете. Тебе... ничего не нужно?

— Да. Помоги мне. Я хочу выйти.

— Плохая идея, Перси.

Я спустил ноги с кровати. Аннабет перехватила меня, прежде чем я успел коснуться пола. На меня накатила тошнота.

— Я ведь говорила...

— Да я в полном порядке, — настаивал я.

Очень не хотелось лежать в постели, как инвалиду, пока Лука бродит где-то там, вынашивая планы разрушения западного мира.

Мне удалось шагнуть вперед. Потом сделать еще шаг, по-прежнему тяжело опираясь на Аннабет. Аргус последовал за нами наружу, но сохранял расстояние.

К тому времени, когда мы добрались до веранды, лицо мое покрылось мелкими капельками пота. Желудок свело. Но я должен был добраться до

перил.

Темнело. Лагерь выглядел совершенно безлюдным. В домиках было темно и тихо, на волейбольной площадке тоже. Лодки уже не бороздили поверхность озера. За лесом, за клубничными полями в последних лучах заходящего солнца светился Лонг-Айленд.

— Что собираешься делать? — спросила Аннабет.

— Не знаю.

Я сказал ей, что чувствую, будто Хирон хотел, чтобы я остался на весь год, чтобы можно было уделить больше времени индивидуальным тренировкам. Но я был не уверен, что сам хочу этого. Хотя признавал, что мне неприятно оставлять ее одну в компании Клариссы...

Аннабет сжала губы, затем спокойно произнесла:

— Я на год уезжаю домой, Перси.

— То есть к отцу? — опешил я, внимательно на нее глядя.

Она указала на вершину Холма полукровок. Рядом с сосной Талии, у самой волшебной границы лагеря, вырисовывались фигуры семьи, состоявшей из двух детей, женщины и высокого мужчины со светлыми волосами. Казалось, они кого-то ждут. Мужчина держал рюкзак, напоминавший тот, что Аннабет бросила в Денвере.

— Я написала ему письмо, когда мы вернулись, — сказала Аннабет. — Как ты и предлагал. Я писала ему... что мне жаль. И я вернусь домой на учебный год, если он все еще этого хочет. Он ответил немедленно. Мы решили... попробовать еще раз.

— Для этого надо было иметь мужество.

Аннабет снова сжала губы.

— Обещай, что не натворишь глупостей в этом учебном году, — строго сказала она. — По крайней мере... оповести меня об этом через Ириду.

Я принужденно улыбнулся.

— Обещаю нарочно не нарываться на неприятности. Да мне обычно и не приходится.

— Когда я вернусь следующим летом, устроим охоту на Луку. Попросим разрешения на поиск, а если не дадут, то улизем и проведем его сами. Договорились?

— Звучит как план, достойный Афины.

Аннабет протянула руку. Я пожал ее.

— Будь осторожнее, рыбы мозги, — сказала Аннабет. — Приглядывайся ко всем и ко всему.

— Ты тоже, воображала.

Я посмотрел ей вслед: как она поднимается по Холму и встречается с семьей. Аннабет неловко обняла отца и в последний раз оглянулась на долину. Она дотронулась до сосны Талии, а потом ее увели с холма в мир смертных.

Впервые я почувствовал себя действительно одиноким в лагере. Поглядев на Лонг-Айленд, я вспомнил слова отца: «Море несдержанно».

И я принял решение.

Потом задумался: одобрил бы Посейдон мой выбор?

— На следующее лето я вернусь, — пообещал я ему. — А до тех пор как-нибудь продержусь. В конце концов, я твой сын.

Я попросил Аргуса отвести меня в домик номер три, чтобы собрать вещи.

Благодарности

Без помощи моих многочисленных отважных помощников монстры не раз растерзали бы меня, когда я упрямо пытался отнести эту историю в издательства. Я благодарю моего старшего сына Хейли Майкла, который первым услышал эту историю; младшего сына Патрика Джона, в свои шесть лет — самого рассудительного члена нашей семьи, а также мою жену Бекки, мирившуюся с моими длительными отлучками в Лагерь полукровок. Приношу благодарность учителям, направлявшим мои шаги в средней школе: Трэвису Столлу, умному и стремительному, как Гермес; С. С. Келлог, источающей любовь, как Афина; Эллисон Бауэр, ясноглазой, как Артемида Охотница, а также миссис Маргарет Флойд, мудрой и доброй наставнице по английскому языку. Также приношу благодарность преподавателю Эгберту Дж. Беккеру, незаурядному знатоку классических дисциплин; Нэнси Голлт, моему доверенному лицу, достойному высшей похвалы; Джонатану Бернему, Дженифер Бессер и Саре Хьюдж — за их веру в Перси.

notes

Примечания

Политая острым соусом тонкая лепешка из кукурузной муки, в которую завернута начинка; национальное мексиканское блюдо. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

Имеется в виду автобус американской компании «Грейхаунд», обслуживающей пассажирские междугородние маршруты.

Мексиканский соус. Представляет собой пюре из авокадо и томатов со специями.

Боги бессмертные (*лат.*).

Мягкое воздушное кондитерское изделие, приготовленное из желатина, сахара, ароматизаторов.

«Нью-Йорк янкиз» — бейсбольная команда из Нью-Йорка.

Закусочное блюдо мексиканской кухни — кукурузные лепешки тортилья, запеченные с сыром и перечным соусом.

Имеется в виду Манфред фон Рихтгофен, знаменитый летчик времен Первой мировой войны, получивший прозвище Красный Барон.

Dead on arrival (*англ.*) — доставлен мертвым (в больницу).

Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок
США.

Игра в мяч индейского происхождения.

Арка в Сент-Луисе является входом в парк имени Томаса Джефферсона. Ее высота около 190 м.

Hephaestus (*англ.*) — Гефест.

По Фаренгейту. По Цельсию это чуть больше 40 градусов.

Главная улица Лас-Вегаса.

Долина смерти — межгорная безводная впадина в пустыне Мохаве.

Итак! (*лат.*)

Звезда мировой эстрады 1970-х годов.

В христианстве — неофициальное название ворот, ведущих на небо.

Мрачная страна под землей, представляющая собой переход из нашего мира в подземное царство.

Поля асфоделей — иначе, Поля забвения; асфодели — цветы забвения.

Элизиум — Поля блаженных; рай.

Войдите (*фр.*).